
**ВЕСТНИК
АЛТАЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

ISSN 1818-4057

№ 10 2025

Часть 2

Научный журнал

Вестник Алтайской академии экономики и права

ISSN 1818-4057

Журнал издается с 1997 года.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (**Перечень ВАК**).

Официальный сайт журнала – www.vaael.ru.

Доступ к электронной версии журнала бесплатен. e-ISSN 2226-3977.

Издание официально зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 84919 от 31.03.2023.

Учредитель: Шеланков А.В.

Редакция: ООО "ЕАНПП" г. Саратов, ул. Мамонтовой, д. 5

Типография: ООО "ЕАНПП" г. Саратов, ул. Мамонтовой, д. 5

Издатель: ООО "ЕАНПП" г. Саратов, ул. Мамонтовой, д. 5

Главный редактор – Старчикова Н.Е.

Шифры научных специальностей:

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки) (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК)

5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические, физико-математические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки) (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

Все публикации рецензируются.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования РИНЦ и научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

Номерам и статьям журнала присваивается Цифровой идентификатор объекта DOI.

Выпуск подписан в печать 28.10.2025.

Дата выхода номера 28.11.2025.

Распространение по свободной цене.

Усл. печ. л. 19,25. Тираж 500 экз. Формат 60×90 1/8.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГЛЭМПИНГОВ В РОССИИ

Л. А. Аникина 5

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ И ТАРГЕТИРОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКОГО АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Н. С. Волостнов, А. Л. Лазутина, В. П. Агафонов 11

ДОЛГОВАЯ НАГРУЗКА РЕГИОНОВ РОССИИ: ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕЁ УРОВЕНЬ

О. В. Воскресенская 17

ПРИМЕНЕНИЕ ABC-XYZ АНАЛИЗОВ В СИСТЕМНОЙ ОЦЕНКЕ ТОВАРНОГО АССОРТИМЕНТА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ОПЕРАЦИОННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Е. В. Губанова 24

ИНТЕГРАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПОЗИЦИЙ БИЗНЕСА

Е. В. Денисова, Г. В. Петрова 32

МОНИТОРИНГ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ НА МЕЗО- И МИКРОУРОВНЯХ

Е. Ю. Дорохина 38

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АВИАСТРОЕНИЯ

А. А. Ермаков, А. Н. Денисова, Ф. М. Теммеева 46

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

С. В. Ибрагимова, Г. Ф. Галиуллина 55

ПОИСКОВАЯ ТИПОЛОГИЯ СТРАН МИРА. ЧАСТЬ 4. КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ ТИПОЛОГИИ

А. В. Кашепов 63

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

Ш. В. Куулар, В. К. Севек, Л. С-К. Анай-оол, А. Э. Чульдум 73

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ЦИФРОВОМ СЕКТОРЕ НА ПРИМЕРЕ ОПЕРАЦИЙ С ЦИФРОВЫМИ ФИНАНСОВЫМИ АКТИВАМИ: МОНИТОРИНГ И НАДЗОР

О. В. Лифановская, С. С. Фешина 79

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

*М. В. Лысенко, Ю. В. Лысенко, О. Л. Симченко,
Л. В. Камдина, Б. И. Ерашев, Д. В. Ксенофонов*87

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

В. В. Нарбут, Е. Р. Безсмертная92

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАСХОДАМИ
БЮДЖЕТОВ НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА ОРГАНИЗАЦИЮ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П. Д. Ромайкин100

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЫБОРА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

А. А. Смирнова107

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ
ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

*Е. В. Стовба, А. Г. Шарафутдинов, М. С. Швецов,
А. В. Стовба, Н. А. Сафиуллина, Е. В. Прахова*116

О РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА

О. Б. Угурчиев, Р. О. Угурчиева, Х. О. Угурчиева123

ОБОСНОВАННОСТЬ ПОЛИТИКИ ПО ВНЕДРЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО
ЗАКАЗА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОНКУРСА

С. Г. Хабаев, П. Г. Крадинов130

УЧАСТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
ЭКОНОМИКИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Е. Ю. Чарочкина, О. В. Согачева, О. Ю. Асеева136

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ
ОТРАСЛИ РОССИИ

И. Д. Шевцов141

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ЭНЕРГОПЕРЕХОДА

А. П. Щербаков, А. В. Дубровский148

УДК 338.488:640.4

Л. А. Аникина

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, e-mail: LAanikina@fa.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГЛЭМПИНГОВ В РОССИИ

Ключевые слова: глэмпинг, инвестиции, модульный тип размещения, инвесторы, вид разрешенного использования, аренда земли, право на землю.

В настоящее время в России продолжается тенденция вложений инвестиций в строительство и содержание глэмпингов, хотя темпы роста этой активности снизились. Таким образом, наблюдается умеренное состояние интереса к данному направлению. Немаловажную роль в росте их количества занимает государственная поддержка предпринимательских инициатив. В статье повествуется о том, что происходит с сегментом глэмпингов, насколько этот формат остается актуальным, какие предлагаются проектные решения и сценарии их строительства. Приведены статистические показатели динамики количества глэмпингов в разных регионах России. Автором проанализирована целевая аудитория, проблемные вопросы и перспективы развития глэмпингов в России, особенности данного бизнеса, правовые основы приобретения и использования земельных участков под глэмпинг. В статье рассмотрены виды земельных участков под глэмпинги и порядок оформления разрешения под их строительство. Приводятся экономические аспекты строительства глэмпингов; факторы, влияющие на их доходность; перечислены нормы и стандарты, на которые следует опираться при строительстве глэмпингов. Также в статье рассмотрена система штрафов за отсутствие включения средств размещения в реестр или несоответствие определенному типу.

L. A. Anikina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: LAanikina@fa.ru

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF GLAMPING DEVELOPMENT IN RUSSIA

Keywords: glamping, investment, modular accommodation, investors, type of permitted use, land lease, land rights.

Currently, there is a continuing trend of investment in the construction and maintenance of glamping facilities in Russia, although the growth rate of this activity has decreased. As a result, there is a moderate level of interest in this sector. Government support for entrepreneurial initiatives plays an important role in the growth of glamping facilities. This article explores the current state of the glamping industry, its relevance, and the proposed design solutions and construction scenarios. It also provides statistical data on the number of glamping facilities in different regions of Russia. The author analyzes the target audience, problematic issues, and prospects for the development of glamping in Russia, as well as the specifics of this business and the legal basis for acquiring and using land plots for glamping. The article examines the types of land plots for glamping and the procedure for obtaining a permit for their construction. It also provides economic aspects of glamping construction, factors that influence its profitability, and lists the norms and standards that should be followed when building glamping facilities. Additionally, the article discusses the system of penalties for not including accommodation facilities in the register or for not meeting the required standards.

Введение

Для развития туризма в РФ важно расширение, повышение качественного уровня и совершенствование туристской инфраструктуры.

По сведениям различных официальных источников, в последние годы в России наблюдается рекордный рост внутреннего туризма: в 2024 году 90 млн поездок, что составляет увеличение на 20% по сравне-

нию с 2019 годом. В рамках реализации национальной цели Указа Президента РФ «Устойчивая и динамичная экономика», одними из целевых показателей к 2030 году является увеличение доли туризма в объеме ВВП до 5% и увеличение; увеличение объемов инвестиций в основной капитал на 60% за счет улучшения инвестиционного климата [9].

Государство акцентирует внимание на туризме и предпринимает разные инициативы, способствующие развитию туристической инфраструктуры. В настоящее время по программе льготного кредитования строятся гостиницы, горнолыжные комплексы, аквапарки и парки развлечений. По этой программе общий объем инвестиций с господдержкой составил по состоянию на май 2025 года около 1,9 трлн руб., в том числе 1,2 трлн руб. – это субсидированный кредитный портфель. К 2030 году, в связи с увеличением новых туристических объектов, планируется рост сотрудников на 400 тыс. чел.

Государство субсидирует строительство модульных гостиниц с 2023 года и на три года было выделено 15 млрд рублей. С господдержкой к 2027 году будет построено более 10 тыс. номеров в модульных гостиницах, что соответствует также целям национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Субъекты РФ получают поддержку в виде единой субсидии на развитие туризма. На ближайшие годы – это по 9 млрд руб. в год. При этом регионы сами определяют, на что потратить эти деньги в зависимости от местной специфики и приоритетов. Популярность модульных гостиниц продолжает расти, что говорит об актуальности исследования по данной теме.

Цель исследования – исследовать организационно-правовые аспекты развития глэмпингов в России, предлагающих услуги в модульных типах размещения [2].

Об актуальности глэмпингов в своих трудах говорят многие научные исследователи. Кто-то говорит о привлечении целевой аудитории к глэмпингам как экоотелям [10], другие о развитии глэмпингов применительно к разным регионам [6, 8, 11]

Материалы и методы исследования

В данной статье была применена методология научного поиска, которая включала в себя широкий спектр таких общенаучных

методов исследования, как методы анализа и синтеза, с помощью которых удалось систематизировать информацию и исследовать ключевые закономерности. Статистический анализ позволили выявить значимые тренды и обеспечить возможность сопоставления различных объектов исследования и оценки их характеристик в контексте рынка соответственно. Данная комбинация методов создает основу для всестороннего анализа, что позволяет более точно оценить текущее состояние рынка глэмпинг-индустрии и его инвестиционный потенциал [2].

Задачи, поставленные для раскрытия цели исследования:

1. Изучить текущее состояние и перспективы развития глэмпингов.
2. Проанализировать правовые аспекты строительства и функционирования глэмпингов, включая их статус и регулирование на территории Российской Федерации.
3. Оценить инвестиционную привлекательность глэмпингов, исходя из их экономических характеристик [2].

Результаты исследования и их обсуждение

Первые глэмпинги в России начали появляться в 2019 году, когда первые успешные кейсы на Алтае и в г. Калязин показали высокую доходность и быструю окупаемость, что привлекло инвесторов, благодаря низкому порогу входа и отсутствию строгих строительных норм.

В современных условиях наблюдаются условия, когда предприниматели осваивают гранты, а производители продолжают изготавливать модули. Уже существуют фабрики, специализирующиеся именно на производстве модульных домов. На рынке очень много предлагается стилей, идей визуализации глэмпингов. Также в номинации глэмпингов имеет место проведение конкурсов архитекторов. В области конструкций и оформления глэмпингов показателен опыт Африки, Бали и Европы. Так, например, в Европе распространены домики на деревьях.

Успех глэмпинга зависит от уникальной концепции, сезонного программирования (например, ретриты, конные прогулки), наличия SPA-процедур, а также локаций, привлекательных и удобных для туриста. При этом архитектура играет второстепенную роль, хотя влияет на средний чек.

Глэмпинг – это уже не палатка с видом на лес или озеро, а целая бизнес-модель,

особенностью которой являются относительно невысокий порог входа, мобильность, возможность запускать проекты даже в заповедной зоне, плюс растущий запрос на природу, уединение без массового скопления людей, но с душем.

Целевая аудитория глэмпингов в России – это осознанные путешественники 30-45 лет (в основном, пары), готовые платить за уникальный опыт (15-30 тыс. рублей за ночь), ценящие природу и комфорт в отличие от зарубежной аудитории (18-45 лет), где глэмпинги более доступны. Также распространяется практика размещения в глэмпингах семей с детьми. Средняя длительность проживания – 2 ночи, а в Краснодарском крае, Карелии и Адыгее, в среднем, на трое суток. Это говорит о том, что люди едут не просто «посмотреть», а осознано отдыхать в лес или в поле.

Глэмпинги бывают сезонные и всевозможные. В первом случае, стоимость вложений при установке и запуске одного модульного домика от 30 млн рублей, во втором случае – от 150 млн руб до 200 млн руб. В первую очередь, в расчет включается стоимость домика, которая зависит от типа домика и материалов, из которого он изготовлен. Самый дешевый вариант – сафари-тент, при стоимости 350-600 тыс.руб., более дорогой пример – домик на основе юнитов 3,5 – 6 млн руб. Также в расчет закладываются затраты на обустройство территории (4-6 млн руб.), подведение коммуникаций, покупку или аренду земли. Но одного домика будет недостаточно для успешной предпринимательской деятельности. Считается, что минимальное количество должно составлять 16 модулей, а лучше от 20 единиц.

Капитальные затраты на круглогодичный комплекс глэмпингов (20 номеров) составляют от 200 млн рублей с окупаемостью 6 лет, но в регионах с высокой логистической сложностью (например, Дальний Восток) могут достигать 500 млн рублей, при этом конкуренция и рост затрат могут стабилизировать средний чек.

По некоторым оценкам экспертов, в настоящее время глэмпинги занимают 2,2% всех коллективных средств размещения в России. Это небольшой процент, но, безусловно, их количество будет расти.

Все чаще в научной среде бытует мнение, что глэмпинги – это больше не ниша. По некоторым данным, за 2024 год спрос

на них вырос в 2 раза, плюс 104% к бронированиям. В некоторых регионах, по данным «Авито.Путешествия», ситуация значительно отличается. Самарская область показала +539%, Воронежская +259%, Ленинградская область +165%. Подмосковье выросло скромнее, на 80%, но именно оно держит первое место по количеству бронирований (14% от всего объема по стране). Также наибольшее количество глэмпингов, помимо Московской области, сосредоточено в Ленинградской области, Краснодарском крае и Казани. Что касается предложения по проживанию в глэмпингах, то Московская область составляет 25% объектов, но ее быстро догоняют Свердловская, Татарстан, Краснодарский край и Башкирия. Самый резкий рост по количеству объектов за 2024 год – в Саратовской области (+167%) и Адыгее (+130%).

Сценарий строительства глэмпингов стандартный: выбирается место с красивой природой, подбирается локация с определенным видом, ставятся юрты и шатры, купола или деревянные капсулы, подводятся горячая вода и электричество, внутри оформляется шкурами, циновкой, добавляются винтажные светильники и, казалось бы, что «основное» уже готово, но уникальной локации и красивого вида недостаточно. Организационная модель строительства глэмпинга такова, что, помимо домиков как таковых, необходимо сопутствующая инфраструктура: SPA-процедуры, прокат спортивного инвентаря, кафе, рестораны, спортивные площадки и другое.

Конструкции глэмпингов бывают разные: бэлл-тент, лотос-тент, тент на простом каркасе, бабл-тент, юрта, типи, сафари-тент, а-фрейм, мобильные модули, глэмпинг-дом на дереве и другие [5, с. 34-35].

При управлении глэмпингом необходимо:

- работать с сезонностью и формировать продукты под разные аудитории;
- знать, какие ошибки запуска оборачиваются убытками и как их избежать.

На темпы развития глэмпингов в России, во многом, влияет проблема перевода земель. Также при выборе площадки учитывается видовое превосходство рассматриваемой земли: нахождение участка на возвышенности, в горах, на берегу озера или в лесу.

Глэмпинги городского формата пока не прижились, но, по мнению автора, через 2 года будут и в городе. В настоящее время количество инвесторов несколько снижается

из-за высокой ключевой ставки Центрального Банка РФ, но распространяется практика коллективного инвестирования.

Если говорить о праве на строительство глэмпингов на том или ином земельном участке, то нужно учитывать вид разрешённого использования. При нахождении в населённом пункте нужный вид разрешенного использования (ВРИ) именуется как «Туристическое обслуживание». На нём разрешается располагать турбазы, дома отдыха и подобные им объекты. Обращаем внимание, что «Отдых (рекреация)» не подходит. Нужный ВРИ, в большинстве случаев, находится в зоне рекреационно-ландшафтного назначения [1].

Что касается решения строить глэмпинг в лесном фонде или на особо охраняемых территориях, то возникают серьезные проблемы при переоформлении земли в статус рекреационной [5]. Стоимость земли может быть 700-800 тыс.руб., а может быть 25-35 млн руб., что зависит от площади и местоположения. Также можно предложить долгосрочную аренду земли муниципальным органам власти, что будет дешевле. В договор можно включить пункт о постепенном выкупе участка [3].

Размещение глэмпингов на сельскохозяйственных угодьях запрещено. Если предпринимателю привлекателен участок на сельскохозяйственных землях, то необходимо менять вид пользования.

Общий градостроительный Свод правил 42.13330.2016 устанавливает, что на одно место в кемпинге (значит, и в глэмпинге) должно приходиться 135-150 кв. метров территории. К примеру, если планируется создание глэмпинга на 20 человек, то площадь земельного надела должна начинаться от 2 700 кв. метров [7].

Таким образом, проведенное исследование показало, что при приобретении места под строительство глэмпинга доступно два вида права: аренда и собственность. При аренде осуществляется поиск частного лица, которое является арендатором и оформление документов о переходе прав владения, либо обращение в администрацию для участия в электронном аукционе на уже сформированное владение, либо утверждение схемы новой недвижимости на неразграниченной территории, и оформление аренды через торги. Что касается собственности, пути оформления права аналогичны вышеуказанным [1].

Данный вид туристического бизнеса получил развитие сравнительно недавно, и специализированного строительного норматива (СНиП) или свода правил (СП) не существует. Проектировщики используют традиционный ГОСТ Р 58187-2018 для кемпингов [4]. По мнению автора, отрасль гостеприимства подошла к точке, когда назрела необходимость единых стандартов для глэмпингов.

В ГОСТ Р 58187-2018 указаны некоторые требования для глэмпингов, в том числе:

- Обязательное наличие забора с воротами на въезде, высотой не менее 4 м;
- Организация парковки при въезде в следующем расчёте: одно место на 10 человек;
- Расстояние от строений до туалета не более 0,15 км;
- Обязательное наличие прачечных, столовой, санузлов. Расстояние от них до жилых зданий не менее 4,5 метров;
- Организация сбора мусора: 1 бак объёмом 100 литров на 40 проживающих;
- Расстояние между объектами размещения должно быть не менее 300 см;
- Централизованная канализация или септик (выгребная яма);
- Необходимость системы отопления и вентиляции в жилых строениях и другие требования [1].

При намерении документального оформления глэмпинга нужно:

1. Оформить заявление с приложениями;
2. Подать в уполномоченный орган (администрацию или региональный Минстрой) и получить разрешительный документ [1].

В целях стимулирования туристической отрасли Правительство России субсидирует возведение новых глэмпингов в регионах. Поддержка производится в рамках нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Максимальная сумма выплаты составляет 3,5 млн рублей на весь глэмпинг или до 1,5 млн рублей на один «домик».

При этом, необходимо иметь статус предпринимателя или юридического лица; софинансировать до 30% стоимости комплекса (т.е. оплатит бюджет вплоть до 70% затрат); и быть готовым участвовать со своим проектом в открытом конкурсе.

В 2025 году стартовала реформа классификации средств размещения. Все средства размещения должны быть включены в реестр, в том числе некапитальные гостиницы, и соответствовать стандартам. Региональные органы контроля имеют полномочия

по привлечению к ответственности средство размещения, которое не внесено в реестр. В регионах выдаются предписания, за невыполнение которых предусмотрены система штрафов.

Для юридических лиц:

- отсутствие в реестре – от 300 000 руб. до 450000 рублей;
- несоответствие средств размещения типу от 100000 до 170000 руб.;
- использование в рекламе или названии того или иного средства размещения типа и категории, которых нет в реестре от 100000 до 150000 рублей;
- размещение информации о средстве размещения без ссылки на реестр от 30000 до 50000 рублей.

За повторное нарушение или неисполнение предписания, штрафы еще строже. Например, за отсутствие средства размещения в реестре юридическому лицу необходимо заплатить до 1/25 дохода за весь год.

Важно знать, что работа онлайн-агрегаторов со средствами размещения, не внесенных в реестр, будет фактически приостановлена. Из выдачи ОТА должны удалиться все средства размещения, не прошедшие самооценку. Информацию о категории звездности онлайн-агрегаторы размещения будет получать напрямую из реестра, по API. Статус будет обновляться в режиме реального времени. Если объект размещения не про-

шел самооценку, то деятельность считается незаконной.

Заключение

В ближайшие 5 лет перспективны глэмпинг-проекты, интегрирующие локальную идентичность, wellness-программы (ментальное и физическое здоровье), уникальные элементы, продвигаемые блогерами, и комьюнити вокруг бренда, расположенные в туристических кластерах с высоким трафиком туристов, таких, как Байкал или Камчатка.

Государственная грантовая поддержка усилила конкуренцию на рынке глэмпингов, но многие проекты оказались нерентабельными, что привело к закрытию или продаже части объектов, хотя рынок продолжит расти умеренными темпами.

Для сохранения динамики строительства гостиничного номерного фонда, в том числе и глэмпингов, необходимо вовлекать в индустрию денежные средства физических лиц, создавая для них выгодные условия для инвестиций. Необходимо усиление региональной поддержки, в части помощи в устройстве логистических путей и сетей снабжения новым проектам, чтобы к глэмпингам можно было подъезжать не только на собственных автомобилях или такси, но была транспортная доступность другими способами передвижения.

Библиографический список

1. Андреева А. Разрешение на строительство глэмпингов в 2025 году / Содействие. [Электронный ресурс]. URL: <https://urcomsod.ru/blog/razreshenie-na-stroitelstvo-glempingov-kak-oformit-soglasovanie-v-2023-godu?ysclid=mgpgdk3tis649028264> (дата обращения: 16.08.2025).
2. Аникина Л.А., Болгова К.А. Развитие рынка сервисных апартаментов и его инвестиционная привлекательность // Вестник Евразийской науки. 2024. Т. 16. № S6. URL: <https://esj.today/issue-s6-2024.html> (дата обращения: 16.08.2025).
3. Артемов А. Как открыть глэмпинг: организация, бизнес-план, сколько стоит [Электронный ресурс]. URL: <https://e-kontur.ru/enquiry/2186/otkryt-glemping-organizaciya-biznes-plan?ysclid=mhcfx1xg5e975401861> (дата обращения: 16.08.2025).
4. ГОСТ Р 58187-2018. Туристские услуги. Кемпинги. Общие требования: утвержден 25.07.2018 года № 429-ст. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=STR&n=23088&demo=1> (дата обращения: 16.08.2025).
5. Красильникова Н.В., Сотова Л.В. Глэмпинги как современный тренд в туризме // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2023. Т. 9. № 1. С. 27-39. URL: <https://trbusiness.ru/journal/issue/1-35-2023/> (дата обращения: 16.08.2025). DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-1-0-3.
6. Островкин Д.Л., Муртазина А.В. Современное состояние и перспективы развития глэмпинг-туризма на территории Свердловской области // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 1. С. 235-256. URL: <https://1economic.ru/journals/ce/archive/116589> (дата обращения 16.08.2025). DOI: 10.18334/ce.17.1.117015.

7. СП 42.13330.2016 «Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89»: утверждены Приказом Минстроя России от 30.12.2016 №1034/пр). URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=STR&n=29176&demo=1> (дата обращения: 16.08.2025).
8. Пономарева И.Ю., Турыгин А.А. Развитие глэмпинг-туризма на территории Тульской области // Российские регионы: взгляд в будущее. 2021. Т. 8. № 4. С. 19-26. URL: <http://futuresruss.ru/journal-archive/5719.html?ysclid=mgtqwuka4c320256524> (дата обращения: 16.08.2025).
9. Указ Президента РФ. О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: утвержден 07.05.2024 г. №309. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 16.08.2025).
10. Dauletkhanova Ye.R., Aktymbaeva A.S., Sapiyeva A.Zh. Development of ecotourism based on «glamping»: the case of katon-karagay national park // Central Asian Economic Review. 2024. № 4 (157). С. 53-72. URL: <https://caer.narxoz.kz/jour/issue/view/43> (дата обращения: 16.08.2025). DOI: 10.52821/2789-4401-2024-4-53-72.
11. Loginova N.V., Lukina A.V. Features of creation and promotion of eco hotels and glampings in the Moscow region // Economic Bulletin of ICS RAS. 2022. Т. 3. № 4. С. 54-62. URL: <https://eb-journal.ru/archives/category/publications/2024-g/tom-3-4> (дата обращения: 16.08.2025). DOI: 10.25728/econbull.2022.4.7-loginova.

УДК 332.14

Н. С. Волостнов

ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет»,
Нижний Новгород

А. Л. Лазутина

ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет»,
Нижний Новгород, e-mail: la174@bk.ru

В. П. Агафонов

ЗАО «Пивзавод «Лысковский», Лысково

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ И ТАРГЕТИРОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКОГО АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Ключевые слова: АПК, коммерческие организации, прозрачность, показатели таргетирования, институты, акторы, уровни, издержки, выгоды, эффективность.

В статье раскрывается сущность прозрачности коммерческих сельскохозяйственных организаций агропромышленного комплекса России в современных условиях; показано ее значение для органов государственной, муниципальной власти и управления, для хозяйствующих субъектов; особое внимание при этом уделяется ее внешнему и внутреннему трекам. Важное место в ее исследовании занимает компонента, отражающая таргетирование ее показателей – «якорных», базовых и периферийных/производных. В нарративе предмета статьи исследуется функциональная роль неопределённости деятельности экономических акторов АПК для публичных, местных институтов власти и управления, для кооперирующихся контрагентов, связанная с феноменом асимметрии информации. В содержании статьи нашли также отражение требования к прозрачности коммерческих организаций АПК страны в современных условиях; представлены правила ее формирования и движения с позиции ее легальности, обеспечения сохранности государственных и коммерческих тайн в условиях глобализации при активном масштабном использовании цифровых технологий, искусственного интеллекта. На основе позитивной и нормативной методологий предлагается ее общественная, государственная оценка в контенте «издержки – выгоды».

N. S. Volostnov

Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Nizhny Novgorod

A. L. Lazutina

Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Nizhny Novgorod,
e-mail: la174@bk.ru

V. P. Agafonov

JSC "Lytkovsky Brewery", Lytkovo

TRANSPARENCY AND TARGETING OF PERFORMANCE INDICATORS OF AGRICULTURAL ORGANIZATIONS OF THE RUSSIAN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Keywords: agro-industrial complex, commercial organizations, transparency, targeting indicators, institutions, actors, levels, costs, benefits, efficiency.

The article reveals the essence of transparency of commercial agricultural organizations of the agro-industrial complex of Russia in modern conditions; its importance for state and municipal authorities and management, for economic entities is shown; special attention is paid to its external and internal tracks. An important place in its study is occupied by the component reflecting the targeting of its indicators – “anchor” / basic / peripheral / derivatives. The narrative of the subject of the article examines the functional role of uncertainty in the activities of economic actors of the agro-industrial complex for public, local institutions of power and management, for cooperating counterparties, associated with the phenomenon of information asymmetry. The content of the article also reflects the requirements for transparency of commercial organizations of the agro-industrial complex of the country in modern conditions; The rules of its formation and movement are presented from the position of its legality, ensuring the safety of state and commercial secrets in the context of globalization with the active large-scale use of digital technologies and artificial intelligence. Based on positive and normative methodologies, its public, state assessment in the content of “costs – benefits” is proposed.

Введение

Деятельность сельскохозяйственных коммерческих организаций в сфере агропромышленного комплекса (АПК) национальной экономики РФ, – особенно производителей, переработчиков, – обеспечивающих продовольственную безопасность общества/государства, – наряду, безусловно, с генетической, с семенной, племенной, технологической, ресурсно-природной, экологической, – органично переплетается с обеспечением ими легальной, законной таргетированной транспарентности таких форм деятельности, как производственно-хозяйственная, коммерческая, финансовая.

Цель исследования состоит в разработке и теоретическом обосновании концепции транспарентности производственно-хозяйственной деятельности коммерческих организаций, проявляющейся, реализуемой в показателях, адекватно отражающих ее; в научном обосновании гипотезы о том, что данные показатели должны/призваны выступить информационной основой для государственного управления – федерального, регионального и местного уровней, базой для построения и материализации экономических отношений с другими хозяйствующими субъектами – поставщиками, покупателями/потребителями, финансовыми структурами, коммерческими банками, налоговыми органами.

Материал и методы исследования

Исследование базировалось на комплексном подходе к информации, адекватно отражающей функционирование и развитие коммерческих организаций сельскохозяйственного профиля в России. Данный теоретико-методологический подход включает в себя системный, сравнительный/компаративистский анализ. В контенте данного подхода исследовались нормативно-правовые акты, осуществлялся анализ научной литературы – монографической, периодической, государственной статистики, текущей информации органов власти и управления различного уровня, финансовых институтов, коммерческих структур, функционирующих в сфере аграрно-промышленного комплекса страны.

Результаты исследования и их обсуждение

Транспарентность, таргетирование ее качественных и количественных характе-

ристиков в различных сферах, видах деятельности связана с идентификацией и параметризацией ее показателей – во всестороннем/всеобъемлющем, выборочном/сегментированном контенте, как в статике, так и в динамике, как в общедоступном виде, так и по требованию тех или иных субъектов, тех или иных заинтересованных акторов – внешних, внутренних, того или иного уровня власти и управления (от федерального, субъектного до местного/муниципального), того или иного характера по различным сферам и направлениям деятельности хозяйствующих субъектов [2].

Сквозной чертой, компонентой транспарентности, таргетирования ее показателей является ее наиболее полное, своевременное системное соответствие интересам:

- общества, некоммерческих организаций – национально ориентированных, пронародных;

- государства (в РФ – федерации, субъектов федерации, местных/муниципальных органов власти и управления);

- хозяйствующих субъектов (внутренних, внешних);

- индивида/семьи (их расширенного воспроизводства; повышения благосостояния).

По своему характеру она может быть:

- в контенте законности – легальной/нелегальной;

- по уровням – внутренней, внешней;

- по полноте – всеобъемлющей/частичной, сегментированной;

- по характеру получения – публичной, по запросу;

- по форме предоставления – самостоятельной, через посредников;

- по доступности – общедоступной, селективной;

- по способу материализации – традиционной (в письменном виде и т.д.), с использованием цифровых технологий, искусственного интеллекта, нейронных сетей;

- по видовому разнообразию – централизованной, сетевой.

Формирование целевого оптимального портфеля транспарентности, отбор к таргетированию всех или определенных показателей деятельности аграрных коммерческих организаций может касаться как всех сфер, отраслей, подотраслей, направлений, видов их деятельности, так и их отдельных или совокупности сторон [5].

Объективную заинтересованность в ней, учитывая приоритет российского права

по отношению к международному праву, обеспечивающему допуск/не допуск к ней, исходя из своих внутренних/внешних – политических, военно-дипломатических, экономических, социальных, инновационных, инвестиционных, денежно-кредитных, налогово-бюджетных, валютных, финансовых, банковских, страховых, хозяйственных, коммерческих, маркетинговых, производственных и иных интересов, и своей структурно-функциональной роли, своего функционала предъявляют:

– внешние акторы – дружественные/недружественные, государства, союзы государств, международные институты (Мировой банк, Международный валютный фонд), транснациональные корпорации, международные корпорации, агрохолдинги, многообразные субъекты – от поставщиков оборудования до предприятий перерабатывающей промышленности, торговых предприятий, коммерческих банков и т. д;

– внутренние акторы: общество, некоммерческие организации; национальное государство, местные / муниципальные органы власти и управления; взаимодействующие на законной основе с хозяйственной организацией многообразные акторы – научные учреждения, предприятия сельскохозяйственного машиностроения, энергетики, индивиды, семьи, покупатели, потребители самого различного рода [1].

Данная проблема в общем плане, говоря о коммерческих организациях АПК России, содержательно может касаться, в частности, предоставления сведений, юридических фактов: о форме собственности; об организационно-правовой форме хозяйствования; об активах; о размерах посевных площадей тех или иных сельскохозяйственных культур, об их урожайности, об их валовом сборе; о поголовье и структуре стада животных, птицы; об издержках, прибыли, рентабельности; о производстве в натуральном и стоимостном исчислении молока, мяса, яиц, рыбы, фруктов, овощей, ягод, масла; об экспорте сельскохозяйственной продукции; об импорте семян, племенных животных; о закупочных ценах; о поставщиках ресурсов, о покупателях; о получаемых дотациях, субсидиях, субвенциях и т.д. [4].

Большой интерес в этой связи представляет и проблема отношения различных контрагентов к таргетированной транспарентности, к таргетированным показателям деятельности коммерческих сельскохозяй-

ственных организаций агропромышленного комплекса страны [3].

Оно может быть:

– доверительным/не доверительным (полностью/частично; постоянно, периодически; искренним, имитируемым);

– вызывающим/не требующим соответствующего мониторинга;

– обусловливающим/не порождающим применения тех или иных санкций за нарушение правил обеспечения таргетированной транспарентности, таргетированных показателей – от наказания тем или иным образом виновного/виновных за предоставление или срыв предоставления адекватной информации до разрыва хозяйственных связей экономическими акторами (например, с коммерческими банками) [6]. Что же касается самой аграрной коммерческой организации национальной экономики России, то ее заинтересованность в предоставлении соответствующей информации – своевременной, полной, достоверной, системной, комплексной, верифицируемой, фальсифицируемой, диктуется, во-первых, требованиями российского национального права, в том числе публичного, связанного с управлением государственной и негосударственной собственностью; с необходимостью обеспечения их эффективности; с важностью решения как текущих задач, – прежде всего по обеспечению населения продовольствием, – так и среднесрочных и стратегических задач по повышению благосостояния населения (в частности, это касается государственных/муниципальных закупок сельскохозяйственной продукции; предоставления дотаций, субсидий, субвенций сельскохозяйственным акторам – товаропроизводителям, переработчикам и т.д.); выполнения национальным государством своих международных обязательств в сфере политических, экономических, социальных, экологических и иных обязательств, связанных с жизненно важными аграрными благами;

– во-вторых, значимостью определенного гарантирования принятия научно-обоснованных, правильных управленческих решений иными экономическими акторами, взаимодействующими с ней – покупателей, логистических компаний, предприятий оптовой и розничной торговли, коммерческих банков, страховых компаний, поставщиков сельскохозяйственной техники, оборудования и др. (оговоримся, что за «скобками» рас-

скрываемой проблематики предмета статьи остаются вопросы рефлексивного управления, манипулятивного воздействия субъекта транспарентности не просто на контрагента, ее получателя, а на противника, врага, путем демонстрации ему своего превосходства и своих преимуществ, на основе предоставления ему ложной информации, создания у него дефицита времени, не позволяющего ему правильно оценить обстановку, а, в конечном счете, принять неправильное решение при убежденности в том, что он обязан вести себя именно таким образом – вопреки собственным интересам, чтобы это раскалывало, парализовало и его работу, и деятельность всей кооперативной сети взаимодействующих субъектов) [8].

Конечно, следует иметь в виду, что на внешнем треке вышеуказанная транспарентность, ее таргетированные показатели могут использовать как дружественные, так и недружественные субъекты (от стран до корпораций), как позитивно, так и негативно настроенные, в частности, – транснациональные и международные корпорации, международные институты, субрегиональные структуры, агрохолдинги и т.д., – относительно: объемов и условий закупок той или иной сельскохозяйственной продукции, экспортных цен; запрета или ограничения продажи сельскохозяйственной техники, запасных частей, оборудования для переработки сельскохозяйственного сырья; биологических, химических, ветеринарных и иных препаратов [12].

Актуализация данной проблемы в настоящее время усугубляется еще и тем, что расширение и углубление международных экономических отношений, связей на базе международного разделения и кооперации труда, формирующихся и развертывающихся на основе научно-технической революции, «ядро» которой составляют шестой и седьмой (по С. Глазьеву) технологические уклады, приводит к тому, что «утечки» и «инъекции»/вбросы истинной/ложной, реальной/скрываемой, подлинной/имитируемой информации, характеризующей деятельность отечественных сверхкрупных, крупных, эксклюзивных производителей, может привести – при определенных неблагоприятных условиях – к тяжелым, более серьезным, чем в предыдущие годы, ущербам, потерям, вреду, которые необходимо будет и заблаговременно, превентивно, упреждающе, и оперативно нейтрали-

зовать, компенсировать – от макроуровня до наноуровня [7].

Теперь, абстрагируясь от содержательной стороны транспарентности, ее таргетированных показателей, обратимся к ее целевой, структурно-функциональной составляющей.

Очевидно, что в этом смысле под транспарентностью необходимо понимать целевое, своевременное, полное/частичное, общее/селективное артикулирование результатов, достигаемых/достигнутых целей легальной деятельности сельскохозяйственной коммерческой организацией, – как в целом, так и в различных областях, направлениях ее деятельности, в доступной форме заинтересованным субъектам (по запросу, в обязывающем виде); в этом же ряду – сведений о существенных, критически важных, имеющих значение фактах – о стратегических управленческих решениях, о собственнике/сособственниках; о доминирующих акционерах; об изменении организационно-правовой формы хозяйствования; о финансовом состоянии; о кредиторской, дебиторской задолженности – в рамках требований/ограничений национального права [11].

Если конкретизировать это тезис, то, например, местному/муниципальному органу власти и управления от сельскохозяйственного предприятия нужна информация – от производителя (при учете численности населения, локации его проживания, его гендерного состава, уровня, источников, времени поступления доходов; числа торговых точек, детских дошкольных, школьных и иных учреждений, больниц, санаториев и тому подобное) – о суточном объеме надоенного молока определенной жирности; закупочных ценах на него; его отгрузки на молокозавод; от молокозавода – об объемах производства цельномолочной, кисломолочной продукции, сливочного масла; их расфасовке, отгрузке и т.п. [9]. Ключевыми целями их работы с данными сведениями являются: наиболее полное обеспечение населения как за счет собственных, так и – при необходимости – сторонних поставщиков; своевременное принятие правильных управленческих решений по обеспечению нормального функционирования, воспроизводства сельскохозяйственных и иных товаропроизводителей местной локации, – в том числе путем предоставления им соответствующих дотаций, субсидий, субвен-

ций; поддержания занятости; закрепления местожительства населения; сохранения социальной стабильности [13].

Противоположностью таргетированной транспарентности, ее таргетированных показателей выступает информационная неопределенность. По своей сущности она проявляется в нарушении в этой связи обеспечения функциональных интересов заинтересованных субъектов. Это связано с такими ее формами, как игнорирование, пренебрежение, имитация – ее целевого характера; ее системности, комплексности, полноты; ее всеобщности; ее достоверности; ее доступности; ее своевременности [10].

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что таргетированная транспарентность должна быть для каждого пользователя необходимой и достаточной. Крайности (безоглядная открытость и абсолютная/

чрезмерная закрытость) являются деструктивными, контрпродуктивными. Так, чрезмерная транспарентность обусловит рост транзакционных издержек у сельскохозяйственной организации на ее достижение, что – при определенных условиях – может привести и к утечке той или иной информации с теми или иными негативными для организации последствиями. Напротив, неполная транспарентность вызовет определенные информационные шоки у тех или иных институтов, хозяйственных акторов, структур, у населения, особенно у групп со специальными интересами [14]. А это, в свою очередь, может потребовать, например, со стороны органов государственной/местной власти, управления проведения соответствующих проверок, ревизий, обследований, аудита, организации и проведения различного рода совещаний, разработки, принятия и реализации по их результатам соответствующих решений.

Библиографический список

1. Артамонова А.С., Базуева Е.В., Радионова М.В. Влияние деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на сбалансированное развитие регионов // Экономика региона. 2025. Т. 21. № 1. С. 100-115. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82490986> (дата обращения: 12.08.2025).
2. Антипова Е.К., Самохвалов Д.М., Суслов С.А. Факторы, определяющие эффективность использования сельскохозяйственных угодий в условиях цифровой трансформации экономики // Вестник НГИЭИ. 2023. № 4 (143). С. 79-87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53710506> (дата обращения: 12.08.2025).
3. Бывшев В.И., Пантелеева И.А., Писарев И.В. Дифференциация субъектов российской федерации для реализации региональной научно-технологической и инновационной политики // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 3. С. 702-717. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75084228> (дата обращения: 12.08.2025).
4. Денисенко И.А., Пономарёв А.А. Методы устойчивого развития в цифровой экономике для сферы услуг и промышленности // Вестник Института экономических исследований. 2023. № 3 (31). С. 52-59. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67355461> (дата обращения: 12.08.2025).
5. Данилова И.В., Правдина Н.В., Резепин А.В. Динамика промышленного производства регионов: оценка резiliентности реакции на внешние ограничения // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 3. С. 608-624.
6. Исаева О.В. Ценовые отношения в АПК как источник рисков достижения финансовой устойчивости агробизнеса // АПК: экономика, управление. 2025. № 8. С. 52-59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82962480> (дата обращения: 12.08.2025).
7. Кудрявцева С.С., Какаджанов В. Систематизация трендов промышленного сектора экономики для достижения его устойчивого развития // Управление устойчивым развитием. 2023. № 6 (49). С. 19-24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59674100> (дата обращения: 12.08.2025).
8. Меренкова И.Н., Гаврилова З.В. Дифференциация сельских территорий региона по уровню реализации экономических интересов населения // Экономика сельского хозяйства России. 2025. № 8. С. 109-119. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82820999> (дата обращения: 12.08.2025).
9. Нигай Е. А., Игнатовский Д. А. Оценка конкурентоспособности предприятий малого бизнеса в условиях цифровой трансформации: модифицированный подход // Фундаментальные исследования. 2025. № 9. С. 102-108. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82962138> (дата обращения: 12.08.2025).

10. Сарыева М.Б., Аллакулова М.А. Роль промышленности в экономике // Символ науки: международный научный журнал. 2023. № 4-2. С. 119-120. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=51235804> (дата обращения: 12.08.2025).
11. Симачев Ю.В., Федюнина А.А. Приоритеты и инструменты современной промышленной политики: субсидии для сложной экономики // Вопросы экономики. 2025. № 8. С. 5-25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82814604> (дата обращения: 12.08.2025).
12. Суслов С.А., Норенков И.Н. Экономическая эффективность сельскохозяйственного производства: теоретические подходы и отраслевые особенности // Вестник НГИЭИ. 2025. № 4 (167). С. 114-124. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82023514> (дата обращения: 12.08.2025).
13. Ушачев И.Г., Маслова В.В. Актуальные направления совершенствования экономического механизма в АПК // АПК: экономика, управление. 2025. № 5. С. 3-12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82512187> (дата обращения: 12.08.2025).
14. Фомин М.Г. Способы и приемы анализа результатов финансово-хозяйственной деятельности коммерческой организации // Экономический обзор. 2020. № 8 (8). С. 15-22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44591316&ysclid=mgevr3m5u849078030> (дата обращения: 12.08.2025).

УДК 332.14

О. В. Воскресенская

Северо-Западный институт управления РАНХиГС Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, e-mail: antip8585@mail.ru
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна», Санкт-Петербург

ДОЛГОВАЯ НАГРУЗКА РЕГИОНОВ РОССИИ: ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕЁ УРОВЕНЬ

Ключевые слова: региональная политика, долговая нагрузка, региональный долг, бюджет субъекта.

Конъюнктурная экономическая нестабильность в России повышает значимость исследования эффективности региональной политики в контексте управления государственными заимствованиями. Обеспечение стабильности и устойчивости региональных бюджетов – индикатор эффективности государственного финансового менеджмента. Но в условиях роста расходов бюджетов возникает необходимость в государственных займах, проблематика которых заключается не в фактическом наличии заимствований, а оптимальности их объема – без угрозы для регионального бюджета. В рамках исследования проведен анализ динамики долговой нагрузки субъектов Российской Федерации с выделением факторов, которые определяют ее уровень в современных условиях нестабильности и неопределенности. Актуальность исследования определяется сохраняющейся проблематикой обеспечения эффективности региональной долговой политики в условиях потребности обеспечения экономического роста и развития как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на национальном (государственном) уровне в целом.

О. V. Voskresenskaya

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, e-mail: antip8585@mail.ru
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg

DEBT BURDEN OF RUSSIAN REGIONS: DYNAMICS AND FACTORS DETERMINING ITS LEVEL

Keywords: regional policy, debt burden, regional debt, regional budget.

The current economic instability in Russia increases the importance of studying the effectiveness of regional policy in the context of managing public borrowing. Ensuring the stability and sustainability of regional budgets is an indicator of the effectiveness of public financial management. However, in the context of growing budget expenditures, there is a need for public loans, the problem of which is not the actual availability of borrowings, but the optimality of their volume – without a threat to the regional budget. The study analyzes the dynamics of the debt burden of the constituent entities of the Russian Federation, identifying the factors that determine its level in the current conditions of instability and uncertainty. The relevance of the study is determined by the continuing problem of ensuring the effectiveness of regional debt policy in the context of the need to ensure economic growth and development both at the level of the constituent entities of the Russian Federation and at the national (state) level as a whole.

Введение

Наличие множества факторов и предпосылок регионального развития (инвестиционная привлекательность, природно-географическая среда, инновационный потенциал и уровень цифровых преобразований и пр.) не исключает, а только усиливает важность и значимость качественного регионального финансового менеджмента с точки зрения эффективности реализации

бюджетной политики. Управление региональным бюджетом является сложным процессом, так как потребность обеспечения сбалансированности и устойчивости бюджета в условиях достижения целей развития зачастую требует использования заемных средств в условиях формируемого дефицита бюджета.

Государственный долг стал неотъемлемым элементом системы управления бюд-

жетами на всех уровнях (федеральный, региональный и местный). Несмотря на явную отрицательную «окраску» указанного источника финансирования, именно за счет долговых обязательств субъекты Российской Федерации имеют возможность реализовывать необходимые проекты и финансировать приоритетные и значимые с социальной точки зрения направления развития.

В системе государственных заимствований существует такое понятие, как «долговая нагрузка», под которой в более обобщенном смысле необходимо понимать уровень долговых обязательств субъекта к объему получаемых им доходов. Изучение долговой нагрузки субъектов Российской Федерации в настоящее время объясняется рядом причин, в частности:

- современные условия развития российской экономики сопряжены с множеством факторов (санкционные ограничения, геополитическое противостояние и пр.), что требует перестройки внутренних национальных процессов, сопровождающейся ростом расходов бюджета, а значит – в рамках достижения сбалансированности не исключаются заимствования;

- динамика долговой нагрузки позволяет оценить устойчивость региональных бюджетов на перспективу: активный рост регионального долга служит негативным сигналом развития региона (инвестиционная привлекательность может снизиться, экономический рост будет сдержанным и др.).

Цель исследования – анализ динамики показателей долговой нагрузки субъектов Российской Федерации, а также выделение факторов, определяющих их изменение. Для достижения указанной цели были определены следующие задачи:

1. Проанализировать динамику и структуру государственного долга субъектов Российской Федерации за 2020-2024 гг.
2. Провести анализ показателей долговой нагрузки субъектов в динамике за 2020-2024 гг.
3. Выделить факторы и условия, определяющие выявленное изменение долговой нагрузки регионов России.

Гипотеза исследования: текущая долговая нагрузка субъектов Российской Федерации указывает на процесс перестройки региональных экономических систем и адаптации к новым реалиям.

Материал и методы исследования

Для достижения цели исследования были использованы не только теоретико-аналитические методы (индукция, системный и статистический анализ, сравнение и обобщение), но и интерпретационные методы, в частности: экспертная оценка, метод визуализации данных и др. Исследование построено на статистических данных, представленных в отчетных материалах Министерства финансов Российской Федерации, материалах экспертных советов и рейтинговых агентств, а также нормах бюджетного законодательства.

Результаты исследования и их обсуждение

Долговую нагрузку субъектов Российской Федерации, в соответствии с нормами действующего законодательства, рассматривают в качестве индикатора долговой устойчивости регионов. Ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации определяется следующее «долговая устойчивость – состояние, структура и сумма задолженности, позволяющие заемщику в полном объеме выполнять обязательства по погашению и обслуживанию этой задолженности, исключая нанесение ущерба социально-экономическому развитию и необходимость ее списания и (или) реструктуризации» [1]. В региональной практике оценка уровня долговой устойчивости регионов осуществляется через систему показателей:

- «объем государственного долга субъекта Российской Федерации (муниципального долга) к общему объему доходов соответствующего бюджета без учета безвозмездных поступлений (безвозмездных поступлений и (или) поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений от налога на доходы физических лиц)» [1];

- «годовая сумма платежей по погашению и обслуживанию государственного долга субъекта Российской Федерации (муниципального долга)...» [1];

- «доля расходов на обслуживание государственного долга субъекта Российской Федерации (муниципального долга) в общем объеме расходов соответствующего бюджета, за исключением объема расходов, которые осуществляются за счет субвенций, предоставляемых из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» [1] и др.

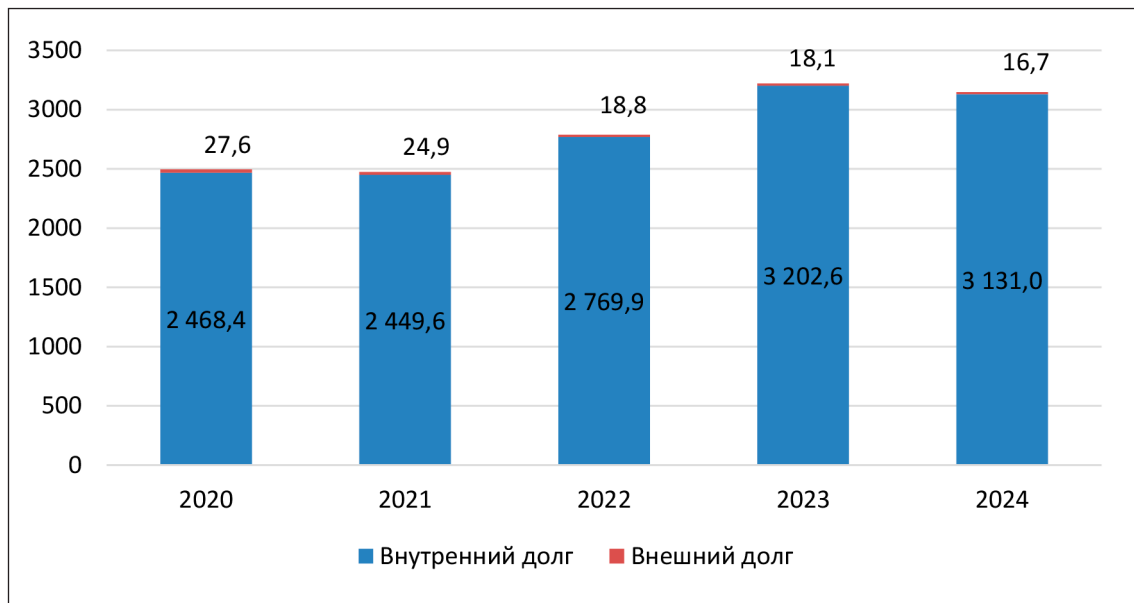

Рис. 1. Динамика и структура государственного долга субъектов Российской Федерации за 2020-2024 гг., млрд руб.
Источник: составлено автором на основании данных [4]

В совокупности представленные показатели выступают отражением уровня долговой нагрузки на региональном или местном уровнях. В рамках исследования анализ долговой нагрузки основан на первом из перечисленных индикаторов, который в научной среде признается основным. Например, указанный индикатор используется для исследования и оценки долговой нагрузки регионов в исследованиях Третьяка Е.Б., Лисачкиной Ю.С. [2;3] и др.

Анализ статистических данных Министерства финансов Российской Федерации свидетельствует о том, что наибольший удельный вес в структуре заимствований субъектов Российской Федерации приходится на внутренний долг, динамика которого наглядно представлена на рисунке 1.

За анализируемый период объем внутреннего долга субъектов Российской Федерации вырос с 2468,4 млрд руб. до 3131,0 млрд руб. или на 26,8%. Размер внешнего долга, напротив, сократился на 39,5%.

Если за 2021-2023 гг. прослеживается постепенный рост объемов долговых обязательств субъектов Российской Федерации (в среднем на 15%), то в 2024 году указанный тренд был сломлен: прослеживается снижение объемов заимствований на 2,2% по сравнению с 2023 годом.

В целом указанный временной период 2020-2024 гг. представляет интерес как

максимально кризисный для российской экономики (последствия мирового формажорного фактора – пандемии коронавируса Covid-19, геополитическое напряжение и санкционные ограничения, построение новых партнёрских связей и др.).

Представленная на рисунке 2 структура внутреннего долга субъектов Российской Федерации в сопоставлении 2020 и 2024 гг. указывает на то, что удельный вес бюджетных кредитов за последние пять лет вырос.

Так, если в 2020 году на бюджетные кредиты из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации приходилось 44%, то в 2024 году в условиях сокращения иных обязательств на бюджетные кредиты приходится 80% всего объема внутреннего долга субъектов Российской Федерации. Таким образом, за последние пять лет прослеживается положительная динамика сокращения внешнего долга субъектов Российской Федерации в условиях роста бюджетных кредитов как ключевого источника дополнительного финансирования регионов России.

Далее на рисунке 3 наглядно представлена динамика среднего показателя долговой нагрузки субъектов Российской Федерации (отношение регионального долга к объему налоговых и неналоговых доходов бюджета субъекта).

Рис. 2. Структура государственного долга субъектов Российской Федерации за 2020-2024 гг. (по видам долговых обязательств), %
Источник: составлено автором на основании данных [4]

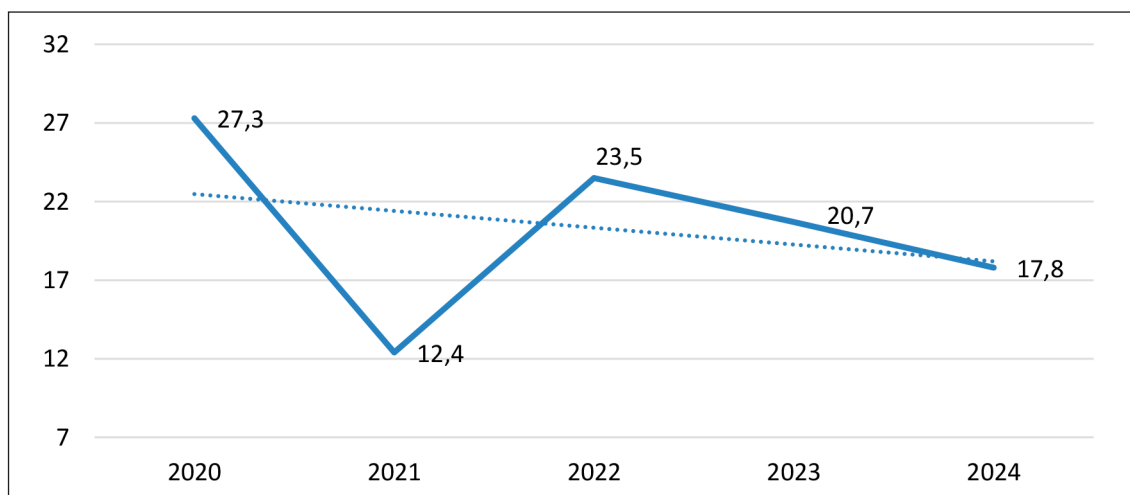

Рис. 3. Динамика среднего показателя долговой нагрузки субъектов Российской Федерации за 2020-2024 гг., %
Источник: составлено автором на основании данных [5]

Построенный на рисунке тренд является подтверждением наметившейся общей тенденции снижения долговой нагрузки регионов России за последние пять лет. Наибольшая устойчивость снижения прослеживается в 2020-2024 гг. Средний размер сокращения показателя в анализируемый период составляет 2,8-2,9 п.п. по отношению к предшествующему периоду.

Если обратиться к нормативным значениям долговой нагрузки, закрепленным в бюджетном законодательстве Российской Федерации, то в настоящее время сформирована шкала оценки регионов (группы заемщиков), в соответствии с которой:

– к группе с высоким уровнем долговой устойчивости относятся регионы, имеющие показатель долговой нагрузки не более 50%;

– к группе с низким уровнем – 85%;

– к группе со средним уровнем – «не отнесенный к группам заемщиков с высоким и низким уровнем долговой устойчивости» [6].

Так, Министерством финансов Российской Федерации в настоящее время осуществляется систематический мониторинг долговой устойчивости регионов страны и составление соответствующих классификаций субъектов. В таблице сгруппированы статистические данные относительно классификации субъектов Российской Федерации по группам долговой устойчивости в 2020-2024 гг.

Систематизированная в таблице информация демонстрирует положительную тенденцию усиления устойчивости субъектов Российской Федерации в условиях сниже-

ния их долговой нагрузки, что выражается соблюдением ключевого норматива (отношение регионального долга к доходам бюджета). Количество регионов, которым присвоен высокий классификационный рейтинг устойчивости, с 40 (на 2020 год) увеличилось на 72,5% и достигло 69 (на конец 2024 года). Сокращение количества субъектов Российской Федерации в категориях «средний» и «низкий» уровни долговой устойчивости указывает, что значительное количество регионов постепенно «перешли» в категорию «высокий уровень», а значит их долговая нагрузка снижается. По итогам 2024 года 75,8% всех субъектов Российской Федерации оценены по наивысшей шкале долговой устойчивости (для сравнения: в 2020 году в указанной категории было только 47% всех регионов страны).

Классификация субъектов
Российской Федерации по группам
долговой устойчивости за 2020-2024 гг.
(группировка по количеству регионов)

	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
2020	40	42	3
2021	41	40	4
2022	49	34	2
2023	56	28	1
2024	69	22	0

Источник: составлено автором на основании данных [6].

Как свидетельствуют ранее представленные данные, объем регионального долга демонстрирует незначительное, но сокращение: по итогам 2024 года его размер составляет 3,1 трлн руб., что на 2,2% ниже уровня 2023 года. Результаты 2024 года демонстрируют положительную тенденцию еще и потому, что негативные прогнозы многих экспертов и аналитических агентств не сбылись. Так, аналитики рейтингового агентства «Эксперт РА» ожидали роста объемов государственного долга субъектов Российской Федерации к концу 2024 года [7]. Сокращение объемов региональных заимствований объясняется не только сформированными условиями «дорогих» облигационных заимствований для регионов в условиях роста ключевой ставки (с 16% до 21% в течение 2024 года [8]), но и активным погашением субъектами Российской Федерации ряда

облигационных займов, сокращением бюджетных кредитов, на которые приходится наибольший удельный вес в структуре региональных заимствований.

Основной акцент в структуре государственных заимствований на уровне регионов в 2024 году был сделан на расширение возможностей использования инфраструктурных бюджетных кредитов [9]. При этом именно сокращение государственного долга субъектов Российской Федерации, а также рост налоговых и неналоговых доходов региональных бюджетов привели к снижению долговой нагрузки на 2,9 п. п. (до 17,8%), что является самым низким значением как за анализируемый период 2020-2024 гг., так и за последние 10 лет.

Снижение долговой нагрузки в данном случае можно признать сдержанным. Это обусловлено сохраняющимся региональным дисбалансом. Увеличение объемов регионального долга по отдельным субъектам Российской Федерации сохраняется без существенной нагрузки на бюджеты (соблюдение норматива). В 2024 году рост регионального долга продолжается в 28 субъектах страны. «Передовиком» по рассматриваемому увеличению государственных заимствований является Мурманская область, которая за счет привлечения банковских кредитов увеличила региональный долг практически в 2,5 раза. В семи регионах долг вырос более чем на 20% (Иркутская, Челябинская и Архангельская области, Камчатский и Алтайский край, Чеченская Республика). Регионом-лидером с точки зрения сокращения государственных заимствований признается Ямало-Ненецкий автономный округ, долг которого снизился на 41,9% [7].

Но даже выявленная тенденция снижения долговой нагрузки по субъектам Российской Федерации не говорит о повсеместности снижения объема заимствований регионами. Неравномерность бюджетной устойчивости сохраняется: по итогам 2024 года в 20 субъектах Российской Федерации сохраняется рост показателя. Так, например, негативная тенденция роста долговой нагрузки выявлена в ряде северных регионов страны (Архангельская и Мурманская области), а также в Дальневосточном федеральном округе (Камчатский край) и в Республике Хакасия. А такие субъекты, как Республика Мордовия и Карачаево-Черкесская Республика, в результате активного роста налоговых и неналоговых поступлений

(более, чем на 20%) в региональные бюджеты по итогам 2024 года продемонстрировали тенденцию сокращения долговой нагрузки. Самое низкое значение долговой нагрузки по регионам страны наблюдается в Ненецком автономном округе – 1,5% от ННД [7].

Несмотря на то, что наиболее инвестиционно-привлекательные регионы страны, демонстрирующие наибольший уровень финансовой устойчивости (в отличие от дотационных субъектов Российской Федерации), и за счет доходов бюджета могут реализовывать многие инфраструктурные проекты без региональных заимствований, за период 2020-2024 гг. наблюдается рост долговой нагрузки (в пределах нормативных значений) даже в указанных регионах-донорах, что объясняется сокращением доходной части регионального бюджета в условиях санкционного давления на отдельные отрасли экономики (наблюдается сокращение бюджетных доходов в субъектах Российской Федерации, связанных с металлургической и химической промышленностями, добывающими отраслями и др.).

Таким образом, в настоящее время действуют два разнонаправленных фактора, определяющие текущую тенденцию долговой нагрузки субъектов Российской Федерации:

- с одной стороны, сдерживающий макроэкономический фактор: «дорогое» кредитование в условиях роста ключевой ставки;
- с другой – негативный геополитический фактор: на фоне санкционного воздействия доходы ряда регионов сократились, поэтому требуются дополнительные финансовые средства в форме государственных заимствований [10,11].

Общая тенденция снижения долговой нагрузки по итогам 2024 года указывает на то, что российской экономике удастся адаптироваться к указанным факторам, происходит адаптация бюджетных политик регионов под новые реалии: построение новых партнерских связей, импортозамещение, меры государственной поддержки и т.д.

Последующее изменение уровня долговой нагрузки субъектов Российской Федерации на конец 2025 года и на весь 2026 год, вероятнее всего, будет связано с эффективностью регионального финансового менеджмента в части адаптации к меняющимся внешним условиям, требующим перестройки и пересмотра региональной политики по интенсификации усилий на поддержание

региональных конкурентных преимуществ, эффективное использование имеющихся ресурсов, формирование новых партнёрских взаимосвязей. С уверенностью можно сказать, что региональная неравномерность в объемах заимствований сохранится: санкционное давление на регионы, которые находятся в сильной зависимости от экспорта, требует долгосрочной адаптации по усилению внутренних связей и продолжения переориентации на новые рынки, а это означает, что потребность в дополнительных финансовых средствах в условиях риска сокращения доходов бюджета сохраняется. Несмотря на то, что Банк России уже начал постепенное снижение ключевой ставки, влияние множества факторов и рисков сдерживают интенсивность процесса, а значит заимствования сохранят свою высокую «стоимость» для регионов.

Заключение

Долговая нагрузка представляет собой важный индикатор устойчивости субъектов Российской Федерации, который особенно показателен в условиях проявления кризисных явлений и процессов в экономике. То, как изменяется долговая нагрузка регионов в условиях воздействия множества факторов, указывает на адаптивность региональной финансовой политики, ее «маневренность» в достижении поставленных целей роста и развития.

Долговая нагрузка российских регионов в настоящее время характеризуется начальной стадией сокращения (размер государственного долга в 2024 году по сравнению с 2023 годом снизился, растет количество регионов, которым присвоен классификационный рейтинг «высокий уровень долговой устойчивости», общероссийский региональный уровень долговой нагрузки характеризуется тенденцией ежегодного снижения на 2,8-2,9 п.п.). Как показал анализ, на текущий момент действуют два разнонаправленных фактора, определяющих текущую тенденцию долговой нагрузки субъектов Российской Федерации: с одной стороны, сдерживающий макроэкономический фактор: «дорогое» кредитование в условиях роста ключевой ставки; с другой – негативный геополитический фактор: на фоне санкционного воздействия доходы ряда регионов сократились, поэтому требуются дополнительные финансовые средства в форме государственных заимст

ний. В данном случае можно утверждать, что гипотеза исследования подтвердилась: уровень долговой нагрузки субъектов Российской Федерации и его динамика на текущем этапе указывают на процесс перестройки региональных экономических систем и адаптации к новым реалиям. Говорить о высоком уровне «закредитованности» субъектов Российской Федерации не приходится, но качественное развитие регионов затруднено в текущих условиях построения обновленного формата регионального развития, основанного на импортозамещении, поиске альтернативных способов и средств финансирования (ESG-

облигации для населения, инструменты «зеленого» финансирования и пр.), «возрождения» производственных процессов в условиях санкционного давления и т.д.

Современный уровень долговой нагрузки субъектов Российской Федерации можно охарактеризовать в качестве «посткризисного»: происходит адаптация к новым вызовам. Положительная динамика 2024 года, подкрепленная снижением (или сохранение на прежнем уровне) долговой нагрузки на 2025-2026 гг., будет выступать сигналом, что российская экономика демонстрирует достаточную устойчивость в условиях «мировой турбулентности».

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 24.06.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 06.08.2025).
2. Третьяк Е.Б. Уровень долговой нагрузки как индикатор финансовой безопасности регионов // Современные тенденции развития менеджмента, экономики и права: теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2025. С. 266-270. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80588357> (дата обращения: 06.08.2025). EDN: ХОКНЕН.
3. Лисачкина Ю.С. Влияние уровня долговой нагрузки на устойчивое развитие регионов Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 10. С. 108-113. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/5612> (дата обращения: 06.08.2025).
4. Государственный долг субъектов Российской Федерации и долг муниципальных образований // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/subbud/sub_debt (дата обращения: 06.08.2025).
5. Показатели уровня долговой нагрузки субъектов РФ // Официальный сайт РИА Рейтинг. [Электронный ресурс]. URL: <https://riarating.ru/images/63027/75/630277583.pdf> (дата обращения: 06.08.2025).
6. Классификация субъектов Российской Федерации по группам долговой устойчивости // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/klass (дата обращения: 06.08.2025).
7. Региональные бюджеты и экономика в условиях нестабильности: итоги 2024 года // Рейтинговое агентство «Эксперт РА». [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/regional_budgets_2024/ (дата обращения: 06.08.2025).
8. Ключевая ставка Банка России // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.01.2024&UniDbQuery.To=27.12.2024 (дата обращения: 06.08.2025).
9. Федотов Д.А. К вопросу о списании региональной задолженности по бюджетным кредитам // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10. С. 249-255. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-spisanii-regionalnoy-zadolzhennosti-po-byudzhetyim-kreditam> (дата обращения: 06.08.2025). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-249-255.
10. Киселева Е.Г. Оценка долговой устойчивости бюджетной системы регионов // Финансы: теория и практика. 2022. № 26. С. 110-128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-dolgovoy-ustoychivosti-byudzhetyim-sistemy-regionov> (дата обращения: 06.08.2025). DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-110-128.
11. Королева М.Л., Терещенко В.С. Долговая политика регионов в современных условиях: отдельные проблемные аспекты. // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2021. № 4 (50). С. 120-127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dolgovaya-politika-regiona-v-sovremennyh-usloviyah-otdelnye-problemnye-aspekty> (дата обращения: 06.08.2025). DOI: 10.6060/ivcofin.20214504.574.

УДК 658.7

Е. В. Губанова

Калужский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Калуга, e-mail: el-gubanova@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ABC-XYZ АНАЛИЗОВ В СИСТЕМНОЙ ОЦЕНКЕ ТОВАРНОГО АССОРТИМЕНТА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ОПЕРАЦИОННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Ключевые слова: ассортимент продукции, товарная группа, производственная программа, рынок сбыта, потребители, уровень товарности, метрики эффективности, динамика спроса, оборачиваемость товаров, оптимизация товарной линейки.

В данной статье представлен комплексный анализ инструментов и подходов к управлению ассортиментом продукции. В работе систематизированы методы ABC-XYZ анализа для оценки товарных групп, включающих около 35–50 наименований SKU, с акцентом на их вклад в выручку и оборачиваемость. Также проанализирован уровень товарности и его динамика, что позволило выявить наиболее востребованные позиции, обеспечивающие более 80% выручки, а также определить области для оптимизации товарного портфеля. В статье подчеркнута важность комплексного применения аналитических инструментов для формирования сбалансированного и конкурентоспособного товарного портфеля, а также повышения эффективности сбыта и уровня рентабельности. Особое внимание уделено роли грамотной ассортиментной политики в создании устойчивых конкурентных преимуществ и адаптации компании к быстроменяющимся условиям рынка. Полученные результаты могут быть использованы для формирования стратегий роста предприятия и повышения эффективности управления ассортиментом в условиях высокой конкуренции.

E. V. Gubanova

Kaluga branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kaluga, e-mail: el-gubanova@yandex.ru

APPLICATION OF ABC-XYZ ANALYSES IN THE SYSTEMATIC ASSESSMENT OF PRODUCT ASSORTMENT TO IMPROVE OPERATIONAL EFFICIENCY

Keywords: product range, product group, production program, sales market, consumers, commodity level, efficiency metrics, demand dynamics, product turnover, and product line optimization.

This article provides a comprehensive analysis of tools and approaches to product assortment management. The paper systematizes ABC-XYZ analysis methods for evaluating product groups consisting of approximately 35-50 SKU items, focusing on their contribution to revenue and turnover. It also analyzes the level of product availability and its dynamics, identifying the most sought-after items that generate more than 80% of revenue and identifying areas for optimizing the product portfolio. The article emphasizes the importance of using analytical tools in a comprehensive manner to create a balanced and competitive product portfolio, as well as to improve sales efficiency and profitability. Special attention is given to the role of a well-thought-out assortment policy in creating sustainable competitive advantages and adapting the company to rapidly changing market conditions. The results obtained can be used to formulate growth strategies for the company and improve management efficiency.

Введение

Актуальность данной работы заключается в том, что эффективное управление ассортиментом продукции является ключевым фактором повышения конкурентоспособности [6] и финансовой устойчивости предприятия в современных условиях рынка.

Цель данного исследования – провести комплексный анализ ассортиментной политики ООО «Диал-К» с использовани-

ем методов ABC-XYZ и оценкой уровня товарности для определения ключевых товарных групп и разработки рекомендаций по их оптимизации.

Материал и методы исследования

Объектом исследования в данной работе является ООО «Диал-К», основная сфера деятельности которого связана с производством сухарей, печенья и прочих сухарных хлебобулочных изделий, производством

мучных кондитерских изделий, тортов, пирожных, пирогов и бисквитов, предназначенных для длительного хранения (код ОКВЭД 10.72).

В процессе исследования применялись различные методы научного анализа, такие как изучение и синтез данных из экономической литературы, использование монографического метода, сравнительного анализа, а также табличное представление данных и другие.

Результаты исследования и их обсуждение

Эффективная ассортиментная политика способствует расширению потребительской базы, повышению объема реализации и увеличению прибыли организации. Напротив, неправильная стратегия управления ассортиментом ведет к избыточным запасам, повышенному уровню затрат и снижению финансовых результатов [1].

С 2022 по 2024 год организация активно расширяла ассортимент, ежегодно выводя на рынок новые позиции продукции (рисунок) [5].

Такая динамика свидетельствует о стратегическом подходе к управлению ассортиментом, который позволяет адаптироваться к рыночным условиям, учитывая спрос и предпочтения потребителей.

Анализ ассортимента продукции позволяет определить ключевые параметры товарной политики предприятия [10, 11]. Ширина ассортимента характеризуется количеством товарных групп, представленных в производственной программе предприятия [7]. Глубина ассортимента определяется количеством товарных наименований внутри каждой группы [2].

По данным каталога ассортимента в 2024 году компания охватывает 12 товарных групп (таблица 1).

Организация демонстрирует значительный рыночный охват благодаря диверсифицированному ассортименту, удовлетворяя потребности разнородных категорий потребителей. Оценивая глубину ассортимента внутри отдельных товарных групп, отмечается варьирование количества позиций от 1 до 12 наименований, при среднем значении около пяти единиц на группу, что подтверждает наличие глубокого продуктового ряда.

Расширение ассортимента способствовало улучшению финансовых показателей предприятия: выросли выручка и чистая прибыль, что подтвердило успешность выбранной стратегии. Замедление роста прибыли в 2023 году, когда количество новых продуктов сократилось, подчеркивает важность регулярного обновления ассортимента для поддержания динамики доходов.

Количество новых выпускаемых наименований продукции

Таблица 1

Анализ глубины ассортимента по товарным группам

Товарная группа	Ассортимент (название, варианты граммовки)
«Полезный завтрак»	- С молоком, 32 г - С овсяными хлопьями и медом, 31 г / 155 г - Со злаками, 32 г / 160 г - Злаковый микс, 160 г
«Овсяная коллекция»	- «Особое», 250 г / 500 г - «Злаковое ассорти», 250 г / 500 г - С кусочками шоколада, 80 г / 250 г / 500 г - «Суперзлак» с изюмом, 230 г - «Мультизлаковое» с начинкой «Яблоко и корица», 80 г / 250 г - С арахисом, 230 г / 500 г
Coffee Time	- Крендельки со вкусом «капучино» и тростниковым сахаром, 320 г
Печенье с начинкой	- «Земляника», 200 г - «Малина», 200 г
Продукция для здорового питания	- Печенье на фруктозе с начинкой «Черника», 200 г - Овсяное «Чипперс» с овсяными и ржаными хлопьями на фруктозе, 300 г - С овсяными отрубями и злаками на мальтитае, 240 г - Овсяное «Злаковое ассорти» на фруктозе, 250 г - Овсяное «Особое» на фруктозе, 250 г - «Со вкусом топленого молока» на фруктозе, 160 г
«Мировая коллекция»	- «Имбирное» с молотым имбирем и корицей, 240 г - «Имбирное», 160 г - «Крендельки Шоколадные» с кусочками шоколада, 180 г - «Итальянское» с цедрой апельсина, изюмом и кусочками шоколада, 180 г / 230 г - «Крендельки» в сахаре со сливочным маслом, 320 г - «Имбирные крендельки» с корицей и тростниковым сахаром, 320 г - «Шоколадные крендельки» с сахарной обсыпкой, 320 г - Крендельки «Маковые» с сахаром, 320 г
Классическая продукция	- Печенье «Со вкусом топленого молока», 160 г
Печенье Magic Grain [3]	- «Chocolate» на мальтитае, 170 г - «6 Злаков» на мальтитае и стевии, 160 г - «Мультизлаковое» с экстрактом стевии, 150 г - Овсяное с семенами льна и экстрактом стевии, 150 г - С начинкой «Черника», сиропом топинамбура и экстрактом стевии, 180 г
Хлебцы Magic Grain [3]	- «Мультизлаковые» с тыквенными семечками, семенами льна и кунжута, 160 г - «Цельнозерновые ржанные» с отрубями, 160 г - «Гречневые» с луком, киноа и кунжутом, 160 г - «Ржанные» с семенами льна, кунжута и подсолнечника, 160 г - «Фокачча итальянская» с оливковым маслом, розмарином и морской солью, 160 г - С кунжутом и морской солью, 160 г
Половинки	- С глазурью, 240 г - Глазированные с арахисом, 50 г / 200 г - Глазированные, 50 г / 200 г - Глазированное со вкусом апельсина, 240 г
Сезонный ассортимент	- «Имбирное» с корицей и тростниковым сахаром, 240 г - Кулич «Панеттоне», 450 г
Весовая продукция	- Овсяное «Злаковое ассорти», 3 кг - Овсяное с добавлением кусочков шоколада, 3 кг - Овсяное «Особое», 3 кг

Помимо разработки новых товаров, фабрика ежегодно обновляет дизайн упаковки, улучшает рецептуру и внедряет новые форматы упаковки [4]. Эти изменения способствуют усилению привлекательности продукции, что повышает спрос. В 2024 году такие улучшения, наряду с вы-

пуском 7 новых позиций, способствовали максимальному росту выручки и прибыли за анализируемый период. Следовательно, стратегия регулярного обновления ассортимента и улучшения качества продукции является важным фактором успешного развития компании.

Таблица 2

Уровень товарности основных видов продукции ООО «Диал-К»

Вид продукции	2022 год			2023 год			2024 год		
	Произ-ведено	Реали-зовано	Уровень товар-ности, %	Произ-ведено	Реали-зовано	Уровень товар-ности, %	Произ-ведено	Реали-зовано	Уровень товар-ности, %
БЕС	225,2	222,0	98,6	274,6	265,0	96,5	246,0	243,0	98,8
Кексы	32,0	30,7	95,8	1,3	1,3	100	0	0	0
Мировая коллекция	446,5	441,6	98,9	567,9	561,7	98,9	574,4	570,4	99,3
Овсяная коллекция	3098,4	3076,7	99,3	3510,5	3492,9	99,5	3615,0	3604,2	99,7
Печенье в семейной упаковке	2394,9	2344,6	97,9	3188,1	3130,7	98,2	4411,8	4363,3	98,9
Печенье с начинкой	328,7	323,1	98,3	452,8	446,0	98,5	380,3	376,5	99,0
Пофасованная продукция	80,7	74,2	92,0	26,7	25,5	95,6	8,88	8,7	98,0
Полезный завтрак	1512,6	1511,1	99,9	1193,4	1191,0	99,8	1021,1	1021,1	100,0
Продукция для здорового питания	820,6	816,5	99,5	905,3	895,3	98,9	1191,8	1188,2	99,7
Прочая фасовка на сахаре	195,4	188,8	96,6	248,3	225,7	90,9	285,2	273,2	95,8
Сезонная продукция	4934	485,5	98,4	398,6	395,4	99,2	393,3	393,3	100,0
СТМ	892,7	836,5	93,7	761,1	725,3	95,3	822,1	800,7	97,4
Хлебцы	225,4	224,9	99,8	310,3	309,1	99,6	547,2	546,7	99,9
Чипперс	16,5	16,2	97,9	0	0	0	0	0	0

Эффективное управление ассортиментом продукции невозможно без анализа уровня товарности отдельных видов товаров [8, 14, 15], который позволяет определить, какие позиции приносят наибольший вклад в формирование выручки и прибыли, а какие требуют оптимизации или корректировки (таблица 2).

Анализ уровня товарности продукции организации выявил положительную динамику большинства позиций в период с 2022 по 2024 годы. Увеличение показателя наблюдается практически по всем категориям, что отражает повышение эффективности сбыта и улучшение управления запасами. Исключение составила позиция «Прочая фасовка на сахаре», снизившаяся на 0,8 п.п. В сравнении с 2023 годом также отмечаются улучшения: подфасованная продукция (+2,4 п.п.), СТМ (+2,1 п.п.) и продукция для здорового питания (+0,8 п.п.). Высокие значения товарности (более 99%) остаются неизменными у категорий «Полезный завтрак», «Овсяная

коллекция», «Мировая коллекция» и «Сезонная продукция», подчеркивая высокий спрос и эффективное управление продажами в этих сегментах.

Для анализа ассортимента (торговые марки «Хлебный Спас» и «Magic Grain») применим метод ABC-анализа, который позволяет классифицировать продукцию по степени ее влияния на общий результат – например, на выручку или объем продаж. Методика ABC-анализа базируется на законе Парето, согласно которому небольшая доля ассортимента обеспечивает основную долю доходов [9, 12]. Товары распределяются на группы: группа А – высокодоходные позиции (до 80% выручки); группа В – средний уровень доходности (~15% выручки); группа С – низкодоходные товары (<10% выручки) [13]. Метод помогает выявить приоритетные позиции и оптимизировать ассортимент, сокращая затраты на низкоэффективные продукты.

В таблице 3 представлен ABC-анализ продукции.

Таблица 3

ABC-анализ ассортимента продукции

Наименование товара	Примерная доля в выручке, %	Группа
Печенье Овсяное «Злаковое ассорти», 500 г	9,3%	А
Печенье сдобное Крендельки со вкусом «капучино» и тростниковым сахаром, 320 г	9,2%	А
Печенье на фруктозе с начинкой «Черника», 200 г	9,0%	А
Хлебцы «Мультизлаковые» с тыквенными семечками, семенами льна и кунжута, 160 г	8,1%	А
Овсяное «Мультизлаковое» с начинкой «Яблоко и корица», 250 г	7,4%	А
Овсяное с семенами льна и экстрактом стевии, 150 г	7,2%	А
Хлебцы «Ржанные» с семенами льна, кунжута и подсолнечника, 160 г	6,9%	А
Печенье Овсяное «Особое» на фруктозе, 250 г	6,5%	А
Печенье «Полезный завтрак» со злаками, 160 г	6,1%	А
«Имбирное» с молотым имбирем и корицей, 240 г	5,6%	А
Овсяное с кусочками шоколада, 500 г	4,7%	А
«Гречневые» с луком, киноа и кунжутом, 160 г	2,3%	В
Печенье с овсяными отрубями и злаками на мальтите, 240 г	2,1%	В
«Итальянское» с апельсином и изюмом, 180 г	1,8%	В
Хлебцы «Фокачча итальянская» с оливковым маслом, розмарином и морской солью, 160 г	1,8%	В
Печенье «6 Злаков» на мальтите и стевии, 160 г	1,5%	В
Крендельки в сахаре со сливочным маслом, 320 г	1,3%	В
«Полезный завтрак» с молоком, 32 г	1,1%	В
Овсяное «Суперзлак» с изюмом, 230 г	1,1%	В
Овсяное «Особое», 3 кг	0,9%	В
«Chocolate» на мальтите, 170 г	0,8%	В
Печенье Глазированное со вкусом апельсина, 240 г	0,8%	В
Крендельки «Маковые» с сахаром, 320 г	0,8%	В
Хлебцы Цельнозерновые ржанные» с отрубями, 160 г	0,7%	В
Овсяное «Чипперс» с овсяными и ржаными хлопьями на фруктозе, 300 г	0,6%	В
Овсяное с арахисом, 230 г	0,5%	В
Печенье «Земляника», 200 г	0,4%	В
Овсяное с добавлением кусочков шоколада, 3 кг	0,3%	В
Печенье «Со вкусом топленого молока», 160 г	0,2%	С
Остальные позиции ассортимента	0,8%	С

К категории А относится 11 позиций ассортимента, к категории В – 17, в категорию С входят оставшиеся позиции ассортимента. Продукция категории А должна быть в центре внимания компании при разработке маркетинговой стратегии, продвижении и расширении ассортимента. Эти товары формируют основу потребительского спроса. Категория В — продукция с потенциалом роста или стабильным спросом. Рекомендуется оценить возможности их активного продви-

жения. Категория С — в нее входит сезонная продукция и та, которая, возможно, требует пересмотра стратегии позиционирования.

Далее проведем XYZ-анализ, с помощью которого можно оценить стабильность спроса по каждой товарной позиции.

Категория Х включает товары с устойчивым спросом (коэффициент вариации $\leq 10\%$), обеспечивающие стабильность реализации и точность планирования запасов. Группа Y характеризуется умеренными

колебаниями спроса (10%-25%) и нуждается в дополнительном анализе внешних и внутренних факторов. Категория Z представлена товарами с высокой непредсказуемостью спроса ($\geq 25\%$), часто рассматри-

ваемыми для сокращения ассортимента ввиду больших рисков и высоких издержек хранения [12].

В таблице 4 представлены XYZ-анализ ассортимента продукции.

Таблица 4

XYZ-анализ ассортимента продукции

Товарная группа/Продукт	Группа	Обоснование
«Полезный завтрак» (все позиции)	X	Стабильный спрос, подходит для ЗОЖ (постный продукт), регулярный выбор потребителей, индивидуальная упаковка
«Овсяная коллекция» (все позиции)	X	Базовый ассортимент, высокий уровень товарности, постоянный спрос
Продукция на фруктозе (вся линейка ЗОЖ)	X	Регулярный спрос, входит в рацион покупателей с диетическими ограничениями
Печенье Magic Grain (вся линейка)	X	Регулярный спрос, хорошая представленность в сетях, подойдет ЗОЖ и новаторам
Хлебцы Magic Grain (все вкусы)	X	Базовый ассортимент, устойчивый спрос среди ЗОЖ-аудитории
«Мировая коллекция» (все позиции)	X	Продукция имеет высокий спрос, часто приобретается для чаепития
Coffee Time – Крендельки со вкусом капучино	Y	Специфический вкус, трендовый продукт, спрос зависит от моды и интереса
«Половинки» (глазированные, с орехами и т.д.)	Y	Так как данный продукт – новинка, спрос на него нестабилен (есть перспектива перейти в группу X, продукт вызовет интерес)
Печенье с начинкой («Земляника», «Малина»)	Y	Периодические предпочтения
Классическая продукция	Y	Частичный интерес
Сезонный ассортимент (куличи, имбирное печенье)	Z	Явно выраженная сезонность (Пасха, Новый год и т.д.)

Таблица 5

Матрица ABC-XYZ-анализа ассортимента

	A	B	C
	AX	BX	CX
X	Овсяное «Злаковое ассорти», 500 г Печенье на фруктозе с черникой, 200 г Хлебцы «Мультизлаковые» с семенами, 160 г Овсяное с начинкой «Яблоко и корица», 250 г Овсяное с семенами льна и стевией, 150 г Хлебцы «Ржаные» с семенами, 160 г Овсяное «Особое» на фруктозе, 250 г «Полезный завтрак» со злаками, 160 г Овсяное с кусочками шоколада, 500 г	Хлебцы «Гречневые», 160 г Печенье с отрубями и злаками на мальтитах, 240 г «6 Злаков» на мальтитах и стевии, 160 г «Полезный завтрак» с молоком, 32 г Овсяное «Суперзлак», 230 г «Chocolate» на мальтитах, 170 г Хлебцы «Цельнозерновые», 160 г	Печенье «Со вкусом топленого молока», 160 г
	AY	BY	CY
Y	Крендельки со вкусом «капучино», 320 г Хлебцы «Гречневые», 160 г	«Итальянское» с апельсином и изюмом, 180 г Хлебцы «Фокачча» с розмарином, 160 г Крендельки в сахаре, 320 г Печенье глазированное со вкусом апельсина, 240 г Крендельки «Маковые», 320 г Овсяное «Чипперс» на фруктозе, 300 г	Весовая продукция
Z	AZ Сезонная продукция	BZ	CZ

На основании проведенного XYZ-анализа можно сделать вывод, что значительная часть ассортимента организации относится к категории X, что свидетельствует о стабильном и предсказуемом спросе на ключевые товарные позиции. Это дает компании возможность эффективно планировать производство и логистику, поддерживать оптимальный уровень товарных запасов и снижать издержки, связанные с их хранением. Группа Y включает продукцию, спрос на которую варьируется в зависимости от сезонных факторов, маркетинговой активности и текущих рыночных тенденций. Такие товары требуют более гибкого подхода к управлению запасами и дополнительных мер по изучению причин отклонений в динамике продаж. Их потенциал может быть раскрыт при условии целенаправленного продвижения и корректной товарной стратегии. В категорию Z, в данном случае, вошла сезонная продукция, производство которой запускается непосредственно перед определенными праздничными днями.

Рассмотрим матрицу совмещенного ABC-XYZ-анализа ассортимента продукции (таблица 5).

Заключение

Группа AX, в которую входят товары с наибольшим вкладом в выручку и стабильным спросом, включает основную часть ключевого ассортимента компании. Продукты данной категории обладают высокой ликвидностью, предсказуемостью реализации и формируют ядро товарного портфеля (овсяные печенье, продукция на фруктозе, хлебцы Magic Grain и ряд позиций из линейки «Полезный завтрак»). Эти товары обеспечивают регулярный спрос со стороны основной потребительской аудитории и требуют приоритетного внимания в стратегическом планировании: от поддержки постоянного наличия на складе до акцента в маркетинговых коммуникациях.

Группа AY объединяет популярные, но менее стабильные по спросу товары, чей

успех может зависеть от сезонности, вкусовых предпочтений или внешних факторов, таких как тренды и реклама (например, десертные крендельки со вкусом «капучино»). Подобный товар обеспечивает значительную долю выручки, однако требует гибкой логистической и сбытовой стратегии, а также постоянного мониторинга продаж.

В категории AZ присутствуют позиции, которые приносят компании ощутимую выручку, но обладают выраженной нестабильностью в спросе. Это, как правило, сезонные продукты, например, имбирное печенье, востребованное преимущественно в зимний период. Подобные товары желательно поддерживать в ассортименте, но с учетом четко просчитанных сроков производства и ограниченного объема складских запасов.

Анализ группы BX показал наличие устойчивых, хотя и менее доходных, позиций. Эти товары не входят в число лидеров продаж, но отличаются стабильным спросом. Они формируют «второй эшелон» ассортимента и могут быть перспективными для развития при грамотной маркетинговой поддержке. Сюда относятся, например, различные варианты печенья на мальтите.

Товары группы BY, демонстрируют средние объемы прибыли, колеблющийся спрос.

Товары CX хоть и незначительно влияют на выручку, могут выполнять вспомогательную функцию – например, дополнять полку в рознице или удовлетворять запросы нишевой аудитории. CY – малозначительная прибыль, колеблющийся спрос.

Таким образом, проведенный ABC-XYZ-анализ ассортимента продукции организации позволил выделить наиболее значимые товарные позиции, а также определить степень стабильности спроса на каждую из них. Полученные результаты являются важной основой для формирования ассортиментной и сбытовой политики, а также влияют на ключевые финансовые показатели предприятия, в том числе на объемы выручки, оборачиваемость активов и структуру затрат.

Библиографический список

1. Юмашева И.А. Основы маркетинга: учебно-методическое пособие. СПб.: ИЭО СПбУТУиЭ, 2021. 329 с.
2. Нечаев В.И., Пармонов П.Ф., Халавка И.Е. Экономика предприятий АПК: учебное пособие. СПб.: Лань, 2022. 462 с.

3. Официальный сайт Magic Grain [Электронный ресурс]. URL: <https://magic-grain.ru/> (дата обращения: 10.08.2025).
4. Кондитерская фабрика Хлебный Спас – Вкусные идеи для Вас! [Электронный ресурс]. URL: <https://hlebspas.ru/> (дата обращения: 10.08.2025).
5. Нечаева А.В. Роль брендинга в успехе кондитерской фабрики «Хлебный спас» на современном рынке: стратегии, инновации и вызовы // Устойчивое развитие регионов в современных условиях модернизации финансово-экономического образования: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 105-летию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Калуга, 15 ноября 2023 г.) / под редакцией В.А. Матчинова, И.Г. Моисеевой. Калуга, 2023. С. 140-144. EDN: JESIIF.
6. Губанова Е.В. Повышение конкурентоспособности организации // Трансформация систем управления: новые задачи и горизонты: сборник материалов Международной научно-практической конференции / Под редакцией С.А. Гальченко. Курск, 2023. С. 496-500. EDN: CPZMMU.
7. Губанова Е.В. Диверсификация производственной программы // Приоритетные направления развития экономики страны в условиях глобализации: теория и практика. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Новороссийск, 2021. С. 143-149. EDN: NWTYDM.
8. Эскерханова Л.Т., Амирова Э.Ф., Батчаева З.Б. Использование технологии блокчейн и искусственного интеллекта в управлении бизнес-процессами // Первый экономический журнал. 2023. № 3(333). С. 98-105. DOI: 10.58551/20728115_2023_3_98. EDN: CJACPA.
9. Ариничева И.В., Фошан Г.И., Куркаев М.А. ABC/XYZ-анализ в складской логистике // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 2 (58). С. 22-25. EDN: LDWHIM.
10. Попова М.И. Методы многокритериальной оптимизации в формировании ассортимента монопродуктовой компании // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2024. № 202. С. 151-165. DOI: 10.21515/1990-4665-202-014. EDN: ZYHOJD.
11. Саттарова И.В., Луканова Е.А. Формирование ассортиментной политики предприятия // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 3(67). С. 169-177. EDN: APMWQK.
12. Ковальчук Т.И., Минкевич П.Е., Шишло С.В. ABC и ABC-XYZ анализ продаваемой продукции на предприятии // Science Time. 2021. № 11 (95). С. 26-28. EDN: TAOABU.
13. Цибулина Е.О., Бекетаева Э.А. Управление ассортиментом розничного торгового предприятия с применением ABC-XYZ анализа // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. №4 (46). С. 97-103. EDN: HBIXU.
14. Суслов С.А., Норенков И.Н. Экономическая эффективность сельскохозяйственного производства: теоретические подходы и отраслевые особенности // Вестник НГИЭИ. 2025. № 4 (167). С. 114-124. EDN: KHLNTB.
15. Орешников В.В. Формализация адаптивной модели прогнозирования объема выпуска товаров и услуг в регионе // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. С. 291-295.

УДК 339.138

Е. В. Денисова

Калужский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Калуга, e-mail: zubkovbuba2010@yandex.ru

Г. В. Петрова

Калужский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Калуга

ИНТЕГРАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПОЗИЦИЙ БИЗНЕСА

Ключевые слова: конкурентоспособность, SWOT-анализ, PEST-анализ, внешняя среда, внутренняя среда, стратегия развития, стратегический анализ.

В современных условиях динамичной и быстроразвивающейся внешней среды бизнеса уровень конкурентоспособности компании приобретает ключевую роль. В статье приведена эмпирическая проверка комплексного подхода к диагностике, анализу и повышению конкурентоспособности организации. Данный подход основан на интеграции классических методов стратегического анализа: классический SWOT-анализ, расширенный SWOT-анализ и PEST-анализ. На практическом примере анализа конкурентоспособности ООО «Элмат» демонстрируется применение трех перечисленных методов, что позволяет обеспечить более глубокое понимание конкурентной позиции компании и служит основой для принятия эффективных управленческих решений, направленных на укрепление ее конкурентных преимуществ и рыночной позиции. Полученные в ходе исследования результаты подтверждают эффективность описанного подхода и его применимость для оценки настоящего состояния, выявления резервов роста и формирования стратегических направлений развития компании.

E. V. Denisova

Kaluga branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kaluga, e-mail: zubkovbuba2010@yandex.ru

G. V. Petrova

Kaluga branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kaluga

INTEGRATION OF STRATEGIC ANALYTICAL TOOLS TO STRENGTHEN BUSINESS COMPETITIVE POSITIONS

Keywords: competitiveness, SWOT analysis, PEST analysis, external environment, internal environment, development strategy, strategic analysis.

In today's dynamic and rapidly evolving business environment, a company's competitiveness is becoming increasingly crucial. This article presents an empirical validation for a comprehensive approach to diagnosing, analyzing, and improving an organization's competitiveness. This approach is based on the integration of classical strategic analysis methods: classic SWOT analysis, advanced SWOT analysis, and PEST analysis. A practical example of a competitiveness analysis at Elmat LLC demonstrates the application of these three methods, providing a deeper understanding of the company's competitive position and serving as the basis for making effective management decisions aimed at strengthening its competitive advantages and market position. The results obtained confirm the effectiveness of the proposed approach and its applicability for assessing the current state, identifying growth reserves, and forming strategic directions for the company's development.

Введение

Современные условия, в которых находятся компании, характеризуются высокой неопределенностью, динамичностью, глобализацией конкурентной борьбы, которые

вызваны технологическим развитием, изменением потребительских предпочтений, геополитическими сдвигами. В данных условиях компаниям необходимо адаптироваться к внешним вызовам, а также фор-

мировать конкурентное преимущество, что положительно влияет на их устойчивое развитие.

Существует огромное количество методов стратегического анализа, однако в основном их используют по отдельности, что приводит к разрыву между диагностикой текущего состояния и разработкой практических мер по его улучшению. Так, Маленков Ю.А. [1] пишет о том, что применение классического SWOT-анализа может быть неэффективным для компании, если использовать только его. Меркер А.В. [2] предлагает модернизированный подход к стратегическому анализу и планированию, однако автор уходит от применения классических методов и предлагает подход, основанный на современных инструментах, таких как расширенная стратегическая карта BSC, Agile-подходы и сценарное моделирование. Бруй М.В. и Чиндяйкин А.В. [3] также говорят, что SWOT-анализ является субъективным анализом и не расставляет приоритеты и значимость полученных результатов, однако авторы рассматривают применение классических методов стратегического анализа обособленно от других.

Стоит отметить, что многие авторы используют в своих работах классические методы стратегического анализа, однако они не в полной мере позволяют проанализировать деятельность компании и построить верную стратегию развития. Суворова Т.В. и Баранов И.С. [4] применяют для анализа конкурентной среды SWOT-анализ и предлагают для более глубокого исследования другие методы, такие как матрица БКГ, модель 5 сил М. Портера и другие. Чернышова Л.И. [5], Денисова Е.В. и Петрова Г.В. [6], Караева Ф.Е., Шахмурзова А.В., Макоев К.А. [7], Караева Ф.Е., Дзуганова М.А. [8], Сидорчукова Е.В., Мороз Н.Ю., Марьяненко А.С., Савинская Н.А. [9] в своих работах также применяют классические методы стратегического анализа компании.

Для преодоления разрыва и повышения эффективности анализа необходимы комплексные методики, которые включают несколько аналитических инструментов, обеспечивая более полный и глубокий взгляд на состояние и положение компании. Сочетание анализа внутренней и внешней среды (SWOT-анализ), генерации страте-

гий (расширенный SWOT-анализ) и оценки макроокружения (PEST-анализ) является универсальным и структурированным подходом, который позволит перейти из анализа в действие [10, 11].

Целью данной работы является разработка и апробация комплексного подхода для анализа конкурентоспособности компании на основе интеграции классического SWOT-анализа, расширенного SWOT-анализа и PEST-анализа.

Материал и методы исследования

Методическая основа исследования строится на последовательном применении трех взаимодополняющих моделей анализа: классический SWOT-анализ, расширенный SWOT-анализ и PEST-анализ. Также использовались вторичные данные, а именно открытые данные ООО «Элмат» (г. Калуга) [12].

Результаты исследования и их обсуждение

Для проведения анализа конкурентоспособности ООО «ЭЛМАТ» первоначально обратимся к методу SWOT-анализа, в рамках которого рассматриваются внешние и внутренние факторы, влияющие на организацию (таблица 1).

Таким образом, можно сказать, что ООО «ЭЛМАТ» располагает достаточно большим количеством сильных сторон и потенциальных возможностей для дальнейшего развития. Из наиболее значимых можно выделить: наличие широкого ассортимента товаров, который регулярно пополняется и обновляется, что позволяет удовлетворять разнообразные потребности и запросы клиентов, увеличивая тем самым уровень конкурентоспособности компании и расширяя целевую аудиторию; сотрудничество с крупными известными компаниями (партнерами компании являются: Ашан, ЛеманаПро, Аксон, Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет, OBI и многие другие, что увеличивает доверие клиентов и позволяет реализовывать более выгодные условия сотрудничества, тем самым повышая объемы продаж и увеличивая прибыль; достаточное количество финансовых ресурсов, которое позволяет осуществлять бесперебойное производство, что способствует стабильным поставкам и высокой надежности компании.

Таблица 1

SWOT-анализ ООО «ЭЛМАТ»

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Наличие широкого ассортимента товаров, который регулярно пополняется и обновляется благодаря программе разработки дизайна под индивидуальный стиль клиента; 2. Сотрудничество с крупными известными компаниями, позволяющее уменьшить финансовые риски и увеличить прибыль; 3. Достаточное количество финансовых ресурсов для обеспечения бесперебойного производства продукции; 4. Наличие складской программы, обеспечивающей бесперебойные стабильные поставки и постоянное наличие изделий, что увеличивает объем продаж; 5. Участие в международных выставках с целью демонстрации новых разработок, что увеличивает целевую аудиторию; 6. Наличие новейшего современного оборудования, которое ускоряет процесс производства, минимизирует затраты и способно полностью контролировать качества; 7. Наличие собственного автомобильного парка, который позволяет снизить расходы на доставку.	1. Высокие цены на некоторые виды товаров, что может привести к снижению спроса; 2. Слабая маркетинговая деятельность, что не дает возможности повышать узнаваемость бренда и привлекать новых клиентов; 3. Относительно высокая себестоимость продукции; 4. Отсутствие собственной сети розничных магазинов; 5. Высокий уровень управленческих расходов.
Возможности	Угрозы
1. Освоение новых рынков сбыта; 2. Захват доли рынка в связи с уходом крупного игрока ИКЕА; 3. Развитие маркетинговой деятельности, направленной на продвижение товаров компании; 4. Участие в национальных проектах с целью повышения конкурентоспособности и рентабельности производства; 5. Пересмотр ценообразования, что приведет к увеличению спроса на рынке; 6. Увеличение спроса на продукцию компании за счет роста уровня жизни и развития строительства; 7. Внедрение энергосберегающих технологий и повышение экологичности производства.	1. Повышение цен на сырье и материалы, необходимые в процессе производства, что может отразиться на себестоимости продукции; 2. Появление на рынке новых сильных конкурентов; 3. Введение санкций, которые могут негативно отразиться на экспорте продукции; 4. Снижение доходов населения, что может снизить спрос на продукцию компании; 5. Ужесточение государственного регулирования и требований к производству; 6. Изменение предпочтений потребителей.

Источник: составлено авторами на основе информации о компании [12].

Среди наиболее перспективных возможностей для дальнейшего развития деятельности ООО «ЭЛМАТ» можно выделить следующие: освоение новых рынков сбыта, то есть расширение географии продаж (например, на Восток), что приведет к увеличению объемов реализации продукции и росту доли рынка; захват доли рынка после ухода крупного игрока даст возможность увеличить свою долю рынка и расширить клиентскую базу; развитие маркетинговой деятельности, а именно внедрение современных методов маркетинга (цифровой, digital-маркетинг), позволит увеличить узнаваемость компании, привлечь новых потенциальных клиентов, повысить спрос на продукцию.

Обращаясь к слабым сторонам, были выделены следующие: высокие цены на некоторые виды товаров (выше, чем у конкурен-

тов) могут негативно отразиться на спросе и привести к потере клиентов, поскольку покупатели обратят внимание на более доступные альтернативы; отсутствие эффективной маркетинговой стратегии не дает компании повышать узнаваемость и привлекать новых клиентов, более того, слабая маркетинговая деятельность может привести к снижению уровня конкурентоспособности и потере доли рынка, так как в современном цифровом мире люди станут обращать большее внимание на активно продвигаемые бренды; высокие показатели себестоимости могут привести к снижению рентабельности производства (в 2024 году показатели рентабельности имеют тенденцию к снижению, например, рентабельность основной деятельности снизилась в 2024 году на 46% по отношению к 2022 году [13]).

Таблица 2

Расширенная матрица SWOT-анализа ООО «ЭЛМАТ»

	Возможности	Угрозы
Сильные стороны	СИВ - Наличие достаточного количества финансовых ресурсов дает возможность компании инвестировать в разработку и внедрение маркетинговых стратегий, основанных на цифровизации, для продвижения компании. - Сотрудничество с крупными компаниями, которое снижает финансовые риски и увеличивает прибыль, может позволить использовать эти средства на участие в национальных проектах с целью повышения конкурентоспособности и рентабельности производства. - Широкий, постоянно пополняемый и обновляемый ассортимент продукции позволяет компании выходить на новые рынки сбыта, предлагая широкий выбор продукции.	СИУ - Наличие широкого ассортимента и программы разработки дизайна под индивидуальные запросы потребителей позволят нивелировать изменение потребительских предпочтений и подстроиться под них. - Наличие широкого ассортимента, который регулярно пополняется и обновляется, а также наличие новейшего современного оборудования дадут возможность снизить воздействие новых сильных конкурентов в отрасли. - Складская программа позволит обеспечить бесперебойные поставки даже в условиях ужесточения государственного регулирования и требований к производству.
Слабые стороны	СЛВ - Участие в национальных проектах может позволить снизить показатель себестоимости. - Внедрение энергосберегающих технологий и повышение экологичности производства также может позволить снизить себестоимость. - За счет пересмотра ценообразования могут быть снижены цены на некоторые виды товаров.	СЛУ - Развитие маркетинговой деятельности позволит снизить риски, связанные с появлением новых сильных конкурентов. - Снижение цен на некоторые виды товаров позволит снизить риск, связанный со снижением доходов населения. - Развитие собственной сети магазинов позволит минимизировать риски, связанные с введением санкций.

Источник: составлено авторами.

Рассматривая угрозы, которые в той или иной степени могут повлиять на деятельность компании, выявили следующие: повышение цен на сырье и материалы может привести к росту себестоимости и, соответственно, к повышению цен на конечную продукцию, что может снизить спрос на товары ООО «ЭЛМАТ»; появление новых сильных конкурентов на рынке может привести к потере доли рынка и снижению объемов продаж компании, а также компания будет вынуждена совершенствовать продукцию, искать новые подходы к ценообразованию и маркетинговым стратегиям для сохранения конкурентоспособности; введение санкций может сократить экспортные поставки и снизить объемы продаж, более того, при потере поставок компании будет необходимо ориентироваться на новые рынки сбыта.

На основании проведенного базового SWOT-анализа [14] ООО «ЭЛМАТ» и сделанных выводов, обратимся к расширенному способу анализа конкурентоспособности компании, который позволит выявить взаимосвязи между обозначенными блоками анализа (таблица 2).

Анализируя таблицу 2, можно выделить несколько стратегий развития ООО «ЭЛ-

МАТ»: стратегия инвестирования в цифровой маркетинг и инновации (например, внедрение инструментов digital-маркетинга, а именно мобильного приложения), стратегия укрепления государственно-частного партнерства (активное участие в национальных и отраслевых проектах), стратегия гибкого ассортимента и антикризисного предложения (создание отдела, который сможет быстро реагировать на меняющуюся моду и оперативно адаптировать дизайн товаров).

Таким образом, можно сказать, что, используя представленные возможности и поддерживая имеющиеся сильные стороны, выделенные в ходе анализа, ООО «ЭЛМАТ» может не только снизить влияние слабых сторон на свое функционирование, но и минимизировать риски, которые могут возникнуть при появлении рассмотренных угроз.

Для дальнейшего анализа конкурентоспособности ООО «ЭЛМАТ» стоит обратить внимание на влияние внешних факторов, а именно политических, экономических, социально-культурных и технологических, которые подробно описываются с помощью метода PEST-анализ (таблица 3).

Таблица 3

PEST-анализ ООО «ЭЛМАТ»

Politics (политика) – политическое окружение	Economics (экономика) – экономическое окружение
1. Политическая нестабильность в стране и регионе 2. Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности (таможенные пошлины, импорт/экспорт) 3. Налоговая политика и возможные изменения в налогообложении 4. Законодательство в области охраны труда и окружающей среды 5. Государственное регулирование отрасли (нормативно-правовая база, лицензирование и т.д.)	1. Уровень инфляции и ключевой ставки ЦБ РФ; 2. Колебание валютного курса; 3. Повышение цен на сырье и материалы 4. Снижение уровня располагаемых доходов населения; 5. Уровень безработицы и покупательская способность населения
Socio-Culture (социум – культура) – социально-культурное окружение	Technology (технологии) – технологическое окружение
1. Изменения требований к качеству продукции 2. Повышение значимости экологичности производства 3. Изменение потребительских предпочтений 4. Демографические изменения и структура населения 5. Изменение ценностных ориентаций	1. Внедрение новых инновационных материалов и современных дизайнерских решений 2. Развитие производственных технологий 3. Цифровизация и развитие ИТ-технологий 4. НИОКР и технологические тренды на рынке мебели 5. Совершенствование систем логистики и транспортировки

Источник: составлено авторами.

Анализ внешней среды позволяет выявить ключевые факторы, которые необходимо учитывать при разработке стратегий и принятии решений [4].

Основными политическими факторами являются политическая нестабильность, которая может привести к непредсказуемым изменениям в деловой среде, перебоям в поставках, снижению спроса на продукцию и государственное регулирование внешнеэкономической деятельности, которое может сказаться на себестоимости товаров и открытости рынков сбыта.

Наиболее значимыми экономическими факторами являются уровень инфляции и колебания валютного курса. Рост инфляции и ключевая ставка ЦБ РФ приводят к увеличению уровня расходов в области кредитов, удорожанию сырья, материалов и комплектующих, что может привести к снижению рентабельности производства.

Из социально-культурных факторов наиболее значимы изменения требований к качеству продукции и экологичности производства. Растущие экологические проблемы могут повлиять на выбор потребителей и повышение спроса на экологичную мебель. Также потребители могут изменить свои предпочтения в сторону более индивидуализированной, стильной мебели, что усложнит работу дизайнеров. Это требует

постоянного контроля и развития новых технологий производства мебели.

Среди технологических факторов стоит выделить появление новых инновационных материалов и развитие производственных технологий, что также требует постоянного повышения качества производства, обновления оборудования, создания уникальной продукции, что приведет к повышению конкурентоспособности компании.

Заключение

Исследуемая организация имеет большое количество конкурентных преимуществ, однако ей стоит сфокусироваться на агрессивных стратегиях роста, используя имеющиеся финансовые возможности и широкий ассортимент товаров, а также необходимо снижать стратегические риски, развивая собственные маркетинговые и сбытовые каналы.

Таким образом, последовательное применение трех аналитических инструментов превосходит по своей результативности изолированное использование каждого из них, интеграция классического и расширенного SWOT – анализа с PEST – анализом обеспечивает более глубокое и всестороннее понимание текущего состояния компании. Данный подход является гибким и может быть адаптирован для компаний различных отраслей и масштабов бизнеса.

Библиографический список

1. Маленков Ю.А. Развитие российских методов стратегического анализа и целесообразность замены SWOT-модели // Экономическое возрождение России. 2023. №1 (75). С. 24-34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-rossiyskih-metodov-strategicheskogo-analiza-i-tselesoobraznost-zameny-swot-modeli> (дата обращения: 23.08.2025).
2. Меркер А.В. Развитие инструментария стратегического планирования для промышленных предприятий в условиях неопределенности и глобальных вызовов // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 2 (58). С. 321-324. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-instrumentariya-strategicheskogo-planirovaniya-dlya-promyshlennyh-predpriyatij-v-usloviyah-neopredelennosti-i-globalnyh> (дата обращения: 23.08.2025).
3. Бруй М.В., Чиндяйкин А.В. Методы стратегического анализа деятельности предприятия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. №2-2 (120). С. 70-73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-strategicheskogo-analiza-deyatelnosti-predpriyatiya> (дата обращения: 21.08.2025).
4. Суворова Т.В., Баранов И.С. Маркетинговый инструментарий анализа конкурентной среды и его практическое использование // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 9. С. 116-123. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=2982> (дата обращения: 23.08.2025).
5. Чернышова Л.И. Оценка и пути повышения конкурентоспособности строительной организации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 8-3. С. 494-497. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3687> (дата обращения: 23.08.2025).
6. Денисова Е.В., Петрова Г.В. Оценка конкурирующих возможностей на рынке автомобилей китайских брендов // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 9-3. С. 407-411. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3751> (дата обращения: 23.08.2025).
7. Караева Ф.Е., Шахмурзова А.В., Макоев К.А. Механизм анализа конкурентоспособности организаций АПК // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. 2023. №2 (40). С. 147-154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-analiza-konkurentosposobnosti-organizatsiy-apk> (дата обращения: 23.08.2025).
8. Караева Ф.Е., Дзуганова М.А. Инструменты стратегического анализа для разработки стратегии организации // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. 2020. №1 (27). С. 123-127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-strategicheskogo-analiza-dlya-razrabotki-strategii-organizatsii> (дата обращения: 23.08.2025).
9. Сидорчукова Е.В., Мороз Н.Ю., Марьяненко А.С., Савинская Н.А. Оценка конкурентоспособности организаций пищевого машиностроения // Вестник Академии знаний. 2025. № 3 (68). С. 402-410. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-konkurentosposobnosti-organizatsii-pischevogo-mashinostroeniya> (дата обращения: 23.08.2025).
10. Казыева Я.Р., Кузнецова Е.В., Цифровая трансформация маркетинга: возможности для современного бизнеса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. №10-1 (116). С. 174-177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-marketinga-vozmozhnosti-dlya-sovremennogo-biznesa> (дата обращения: 20.08.2025).
11. Шарафутдинова Н.С., Палякин Р.Б. Управление конкурентоспособностью организации: учебное пособие. М.: РУСАЙНС, 2023. 132 с. ISBN:978-5-4365-9935-9.
12. ELMAT Group [Электронный ресурс] URL: <https://elmatgroup.ru/> (дата обращения: 22.08.2025).
13. Ресурс БФО [Электронный ресурс] URL: <https://bo.nalog.gov.ru/organizations-card/8511134> (дата обращения: 23.08.2025).
14. Кучумов А.В., Сафронов А.М., Еремичева П. Ю. Специфика SWOT-анализа как инструмента стратегического управления // Экономический вектор. 2024. № 2 (37). С. 86-90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-swot-analiza-kak-instrumenta-strategicheskogo-upravleniya> (дата обращения: 20.08.2025).

УДК 338.242.2

Е. Ю. Дорохина

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
Москва, e-mail: dorokhina.eyu@rea.ru

МОНИТОРИНГ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ НА МЕЗО- И МИКРОУРОВНЯХ

Ключевые слова: мониторинг, управление рисками, корпоративное управление, модель трех линий обороны, функции мониторинга управления рисками.

Мониторинг анализируется как важнейшая часть корпоративного управления, в основе которого лежит теория агентских отношений (Agency-Theorie). Показана структура внутреннего корпоративного мониторинга. Мезоуровень мониторинга представлен так называемой «моделью трех линий обороны» (*Three-Lines-of-Defence-Modell*, TLoD). Исследованы формы мониторинга на микроуровне, в том числе отражены преимущества и недостатки такой формы, как самоконтроль (самооценка). В качестве независимых от процессов форм мониторинга описаны экспертные оценки и анализ управления на предприятии. Рассмотрена система и процессы внутреннего мониторинга, процесс мониторинга поделен на четыре этапа. Подробно отражены шесть функций внутреннего мониторинга, в том числе, защитная, обеспечивающая, информационная, обучающая, отчетная функции и функция документирования. Показаны позитивные эффекты мониторинга управления рисками на предприятии.

Е. Yu. Dorokhina

Plekhanov University of Economics, Moscow, e-mail: dorokhina.eyu@rea.ru

MONITORING OF RISK MANAGEMENT AT THE MESO- AND MICRO-LEVELS

Keywords: monitoring, risk management, corporate governance, three-line defense model, risk management monitoring functions.

Monitoring is analyzed as an essential part of corporate governance, which is based on the theory of agency relations (Agency-Theory). The structure of internal corporate monitoring is shown. The meso-level of monitoring is represented by the so-called «Three-Lines-of-Defence-Modell» (TLoD). The forms of monitoring at the micro level are investigated, including the advantages and disadvantages of such a form as self-monitoring (self-assessment). Expert assessments and management analysis at the enterprise are described as process-independent forms of monitoring. The system and processes of internal monitoring are considered, the monitoring process is divided into four stages. Six internal monitoring functions are described in detail, including protective, assurance, informational, training, reporting, and documentation functions. The positive effects of risk management monitoring at the enterprise are shown.

Введение

Мониторинг является важнейшей частью корпоративного управления, в основе которого лежит теория агентских отношений (Agency-Theorie), исследующая поведение в рамках договорных отношений между принципалом (заказчиком) и агентом (управленцем). Полное и бесплатное соблюдение интересов принципала невозможно, потому что устранение асимметрии информации влечет за собой агентские затраты [1], включающие, среди прочего, затраты мониторинга. Мониторинг – это, по существу, наблюдение принципала за агентом. Целью мониторинга является обеспечение прозрачности действий агента и, следовательно, их контролируемости. Управление рисками как

элемент системы управления также является объектом мониторинга.

Цель нашей работы – провести комплексное исследование мониторинга управления рисками на предприятии.

Материалы и методы исследования

Рассмотрим сначала внутренний мониторинг как основу общей модели мониторинга. Структура внутреннего мониторинга представлена на рис. 1.

Во внутреннем мониторинге можно выделить мезо- и микроуровни. Мезоуровень – это так называемая «модель трех линий обороны» (*Three-Lines-of-Defence-Modell*, TLoD) [2]. Её обычно используют банки для мониторинга деятельности предприятий.

Рис. 1. Структура внутреннего корпоративного мониторинга
Источник: разработан автором

Линии обороны можно интерпретировать как «защитные валы», оберегающие предприятие от внешних и внутренних рисков. Следовательно, TLoD-модель можно рассматривать как универсальную, риск-ориентированную модель корпоративного мониторинга, не зависящую от размера и структуры компании.

Структура TLoD-модели представлена на рис. 2.

Мониторинг со стороны оперативного руководства и операционных подразделений (первая линия обороны) охватывает операционную деятельность предприятия. Мониторинг подразумевает, с одной стороны, классический оперативный контроль процессов. С другой стороны, в него входят мероприятия, проводимые руководителями, отвечающими за контролируемый процесс. Такие мероприятия осуществляются, например, менеджерами среднего звена в сфере их влияния. Обеспечение эффективности и результативности операционных бизнес-процессов – цели первой линии мониторинга.

Мониторинг как косвенная функция управления (вторая линия обороны) включает управление рисками [3], контроллинг, управление качеством и комплаенс. Эта функция предназначена для поддержки и контроля первой линии обороны, особенно с точки зрения эффективности ее концепции и функционирования. Задачи второй линии обороны часто определяются конкретными подразделениями или должностями.

Мониторинг посредством внутреннего аудита представляет собой третью линию обороны. Внутренний аудит служит для проверки эффективности первой линии (внутреннего контроля) и второй линии (управления рисками и комплаенса). Внутренний аудит, с одной стороны, является независимой внутренней функцией проверки структур и процессов предприятия, а, с другой стороны, независимой от процессов инстанцией, которая проводит эти внутренние проверки и предоставляет результаты анализа и рекомендации в отношении проверяемого контента.

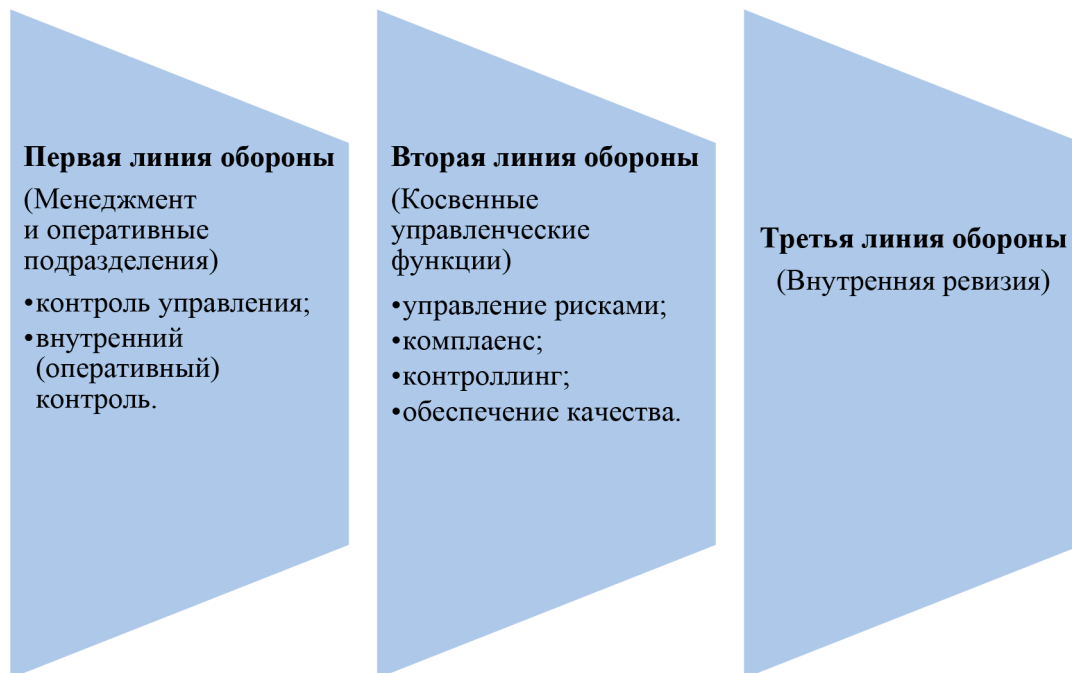

Рис. 2. Модель трех линий обороны
Источник: разработан автором

Согласно традиционному мнению, сфера деятельности внутреннего аудита включает в себя финансовый, операционный и управленческий аудит, а в последнее время к его обязанностям относят также внутренний консалтинг. При этом, особенно в рамках TLoD-модели, классическая сфера деятельности внутреннего аудита расширяется до мониторинга первых двух линий обороны и, следовательно, мониторинга косвенных управленческих функций, таких как управление рисками.

Финансовый аудит включает в себя проверку финансов и бухгалтерского учета [4]. В рамках операционного аудита предпринимается внутренняя проверка систем и процессов [5]. Аудит управления служит для оценки эффективности работы руководителей. В рамках внутреннего консалтинга разрабатываются предложения по повышению эффективности предпринимательской деятельности. С точки зрения мониторинга управления рисками особое значение приобретает операционный аудит.

Объектом операционного аудита могут быть практически все процессы и системы предприятия. Его основная сложность заключается в том, что не представляется возможным создание единых стандартов, требуется анализ процессов, реализуемых

на предприятии. К внутреннему аудиту предъявляются высокие требования: объективность и независимость; высокие профессионализм и качество работы.

Микроуровень мониторинга. Меры контроля, зависящие от процесса, осуществляются лицами, вовлеченными в процесс или ответственными за него. В литературе меры мониторинга, зависящие от процесса, называются организационными мерами безопасности [6]. Соответственно, эти меры мониторинга, как правило, реализуются в подразделениях компании. Независимый от процессов мониторинг осуществляется независимыми субъектами, в том числе экспертами (рис. 3).

Наряду с организационными мерами безопасности к первой линии обороны относятся контрольные мероприятия мониторинга. Особой формой контроля является так называемая «самооценка». В ходе самооценки лицо, осуществляющее процесс, его же и контролирует, а при необходимости устраняет отклонения от норматива. Самооценка – наименее затратная форма мониторинга, поскольку субъект контроля знаком с объектом контроля. В качестве преимуществ этой формы мониторинга можно назвать быстрое принятие корректирующих решений и успешное обучение.

Рис. 3. Формы мониторинга первой линии обороны
Источник: разработан автором

Основными недостатками самооценки являются возможность манипулирования и отсутствие навыков анализа причин и следствий отклонений. Этот метод не подходит для выявления и устранения преднамеренных ошибок. Кроме того, ошибки самооценки могут возникнуть при выборе как фактической величины, так и норматива.

При определенных условиях экономический смысл могут иметь затраты на внешний мониторинг. Участники процесса могут не располагать достаточными ресурсами; высока вероятность преднамеренных ошибок; по требованиям законодательства необходимо независимое мнение. Сторонний мониторинг способствует объективизации результатов. Следовательно, самооценку и внешний мониторинг можно рассматривать как взаимодополняющие подходы.

Существует множество форм внешнего мониторинга. Он проводится лицами, независимыми от процессов в подразделениях предприятия. Примерами такого мониторинга являются экспертная оценка или оценка управления.

Экспертная оценка может проводиться, например, уполномоченным подразделением или другим операционным подразделением компании. Существенными преимуществами экспертной оценки могут быть профессиональные знания оператора мониторинга и низкие затраты на проведение.

Оценка управления проводится субъектом оперативного управления. Это может быть ответственный за проверяемую область или менеджер-нерезидент, хотя в первом случае возможны конфликты интересов.

Оценку управления проводит субъектом оперативного управления. Это может быть ответственный за проверяемую область или менеджер-нерезидент, хотя в первом случае возможны конфликты интересов.

Система и процессы внутреннего мониторинга. Согласно теории систем, система мониторинга в целом – это совокупность мер и организационных правил, направленных на оценку надлежащего выполнения процессов и соответствия фактических и заданных состояний. В качестве центральной задачи системы мониторинга рассматривается обеспечение надежности процессов компании в соответствии с принципом экономической эффективности. Система внутреннего мониторинга выглядит следующим образом (рис. 4).

Организационные меры безопасности охватывают все (зависящие от процесса) меры, включающие, в том числе, постоянные автоматические меры и меры, направленные на предотвращение ошибок текущих процессов [7]. К ним относятся, например: (а) принцип разделения функций; (б) рабочие инструкции и (в) меры цифровой безопасности.

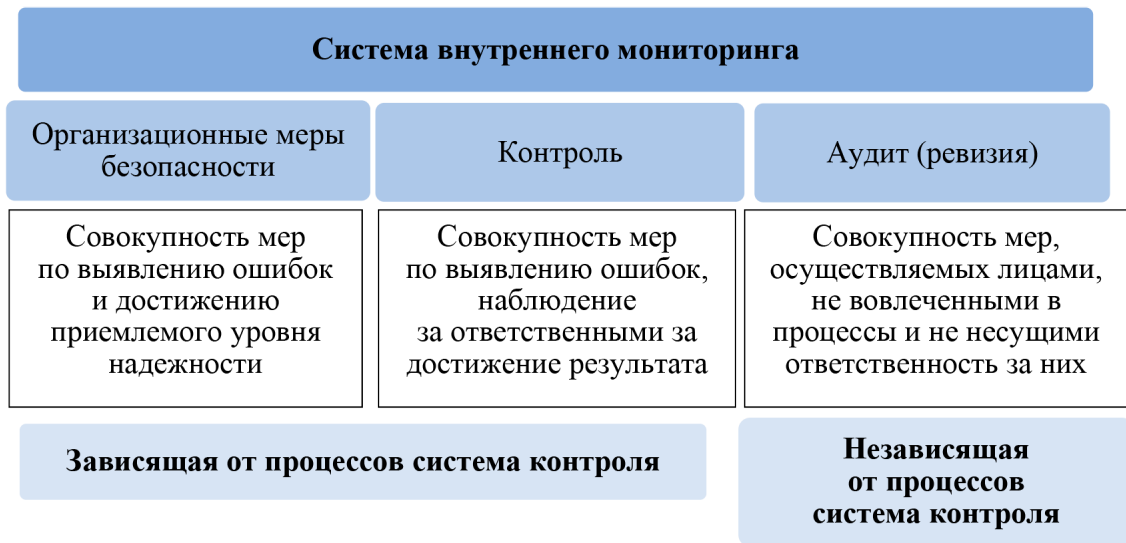

Рис. 4. Система внутреннего мониторинга
Источник: разработан автором

В соответствии принципом разделения функции управления, исполнения и контроля выполняются разными лицами (по крайней мере, двумя). Это – основное условие эффективности организационных мер безопасности [8].

Рабочие инструкции должны обеспечивать стандартизацию процессов на предприятии.

Для обеспечения производственных процессов могут также использоваться цифровые технологии с соответствующими мерами защиты. Меры защиты интегрированы в систему, и пользователи обязаны их соблюдать в рамках цифровой обработки бизнес-процессов. К такого рода мерам относятся, например, разрешения или ограничения доступа, правила разработки и обслуживания системы. Меры цифровой безопасности охватывают все три категории организационных мер защиты, реализованных в цифровом формате.

Контроль, который по определению интегрирован в корпоративные процессы, призван снизить вероятность ошибок. Он может выполняться в виде априорного, одновременного или апостериорного. Контроль может проводится лицом, вовлеченным в процесс, или в ИТ-системе.

Внутренний аудит также рассматривается как часть системы внутреннего мониторинга. Аудит проводится независимым от процессов, внутренним подразделением, которое мониторирует деятельность орга-

низации. Внутренний мониторинг может быть определен как «многоуровневый информационный процесс и процесс принятия решений, включающий в себя все меры, направленные на проверку соответствия состояний или процессов стандартам». Согласно концепции Хмелевича, процессы мониторинга можно интерпретировать как его технологию.

В литературе выделяются четыре типовых этапа процесса мониторинга [9].

На первом этапе процесса мониторинга необходимо определить предполагаемый (заданный) и фактический размеры. Заданный размер является эталоном, поэтому его часто называют также стандартным размером. Фактический размер получают из информационных систем и/или документации компании. Фактический размер (размер, подлежащий мониторингу) сопоставляется с заданным размером. Предметом мониторинга могут быть и прогнозные величины (будущие величины).

Выявление возможного отклонения (или соответствия) фактического и заданного размеров составляет второй этап процесса мониторинга. Этот этап может осложняться различным масштабированием, ненадежными данными и дискреционными правами относительного определения двух величин.

На третьем этапе процесса проводится анализ отклонений, целью которого является определение причин выявленных отклонений и оценка отклонений с точки зре-

ния заданных соотношений «цель-средства достижения».

Четвертый этап процесса мониторинга включает в себя определение корректирующих и оптимизирующих действий. Этот этап выполняет профилактическую функцию с точки зрения предотвращения отклонений в будущем. Могут быть также определены допустимые пределы отклонений, при которых корректирующие действия не предпринимаются.

Наряду с этими четырьмя этапами этапом процесса мониторинга часто называют отчетность, которая приобретает все большее значение по мере увеличения размера предприятия. Иногда в качестве еще одного этапа процесса мониторинга называются последующие проверки.

Рассмотрим типы и требования к сравниваемым размерам.

При определении нормативов могут быть дифференцированы следующие стандарты:

- стандарты 1-го порядка, в основе которых лежат четкие правила (положения закона или математические расчеты);
- стандарты 2-го порядка, основанные скорее на общепринятых принципах;
- стандарты 3-го порядка, определяемые на основе объективных критериев.

К стандартам предъявляются следующие требования:

- одинаковая размерность, т.е. фактический или будущий размеры и стандартный размер должны иметь одинаковые единицы измерения;
- одинаковое время; фактический или будущий размеры и стандартный размер должны относиться к одному и тому же периоду времени;
- одинаковые даты измерения;
- идентичные методы оценки, т.е. фактический или будущий размеры и стандартный размер определяются с помощью одних и тех же процедур.

В теории аудита различается системно-ориентированная проверка и проверка, ориентированная на результат. В то время как аудит, ориентированный на результат, оценивает отдельные случаи, системный аудит предполагает, что только система генерирует надежную информацию, и вероятность ошибки в этом случае уменьшается.

Мониторинг может выполнять следующие функции (рис. 5).

Защитная функция включает в себя обеспечение фактического выполнения процессов в соответствии с заданной целью. Рекомендуемые корректирующие действия направлены на исправление фактических результатов.

Рис. 5. Функции мониторинга
Источник: разработан автором

В рамках процесса мониторинга происходят генерация и обработка информации, т.е. реализуется информационная функция мониторинга, включающая информирование руководства компании и заинтересованных сторон относительно реализации процессов и предпринимаемых мер.

Мониторинг выполняет отчетную функцию, как для соответствующего подразделения (инстанции), так и для контролируемых объектов. Кроме того, он защищает руководство предприятия, имеющего обязательства перед владельцами бизнеса.

Функция документирования позволяет фиксировать как позитивные, так и негативные изменения в выполнении бизнес-задач.

Обеспечивающая функция поддерживает реализацию целей, поставленных руководством компании или контролирующим органом в рамках корпоративных процессов. Контроль, объявление о нем или даже само существование контролирующего органа обеспечивает положительное влияние на поведение контролируемых субъектов.

Кроме того, мониторинг выполняет важную обучающую функцию. Он оказывает положительное воздействие на предотвращение будущих непреднамеренных ошибок.

Результаты исследования и их обсуждение

Проанализируем мониторинг управления рисками с точки зрения внутреннего корпоративного мониторинга. Из-за асимметрии информации и поведенческих рисков, с одной стороны, и возможности ошибок в сложных процессах, с другой стороны, управление рисками также является объектом мониторинга [10]. Процесс управления

рисками является ключевым информационным процессом на предприятии, генерирующим информацию, важную для принятия решений. Только эффективный процесс управления рисками может выполнять возлагаемые на него функции. При этом важную роль играет внутренний корпоративный мониторинг. Защитная функция направлена на обеспечение выполнения процессов и действий в соответствии с заданным целевым состоянием, т.е. процесс управления рисками реализуется во всех подразделениях компании в соответствии с целями, определенными политикой управления рисками. Именно мониторинг обеспечивает прозрачность процесса управления рисками (информационная функция) для руководства компании и других заинтересованных лиц. Весьма важна в мониторинге управления рисками и обеспечивающая функция. Например, мониторинг противодействует неправильному принятию рисков вследствие небрежной идентификации и искусственно заниженной оценки.

Положительный эффект мониторинга процесса управления рисками может возникать вследствие того, что он обеспечивает открытое обсуждение рисков внутри компании и, таким образом, позитивно влияет на культуру рисков. Мониторинг выполняет важную обучающую функцию.

Заключение

Мы провели комплексное исследование мониторинга управления рисками на предприятии как части корпоративного управления, проанализировав этапы, функции, позитивные последствия реализации внутреннего мониторинга.

Библиографический список

1. Дорохина Е.Ю. Корпоративное управление рисками с позиций теории трансакционных издержек // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 11-3. С. 346-351. DOI: 10.17513/vaael.3887. EDN: WICQLD.
2. Hampel V., Eulerich M., Theis J. Das Three-Lines-of-Defence-Modell und die Positionierung der Internen Revision innerhalb der Corporate Governance-Konzeptionelle Überlegungen und empirische Ergebnisse für Deutschland // Zeitschrift für Corporate Governance. 2012. Vol. 7. № 5. S. 201-207. DOI: 10.37307/j.1868-7792.2012.05.03.
3. Таубэ А.А., Морозов В.А., Гильдеева Г.Н. Разработка комплексных решений управления рисками фармацевтического предприятия при обеспечении качества лекарственных препаратов на основе опроса специалистов // Фармация. 2025. Т. 74, № 1. С. 30-40. DOI: 10.29296/25419218-2025-01-04. EDN: GYWJAI.
4. Музалева Т.И. Роль внутреннего финансового аудита в системе ведомственного финансового контроля // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2023. № 4. С. 231-234. DOI: 10.56584/1560-8816-2023-4-231-234. EDN: ECIMKS.

5. Пивень И.Г., Захарченко К.А. Вопросы организации внутреннего контроля и внутреннего аудита: подходы и практика // Экономика и предпринимательство. 2021. № 1(126). С. 1472-1476. DOI: 10.34925/EIP.2021.126.01.290. EDN: FSNVLZ.
6. Lück W., Henke M., Gaenslen P. Die Interne Revision und das Interne Überwachungssystem vor dem Hintergrund eines integrierten Risikomanagementsystems / Hölscher R., Elfgen R. (Hrsg.), Herausforderung Risikomanagement: Identifikation, Bewertung und Steuerung industrieller Risiken. Wiesbaden, 2002. S. 225-238. DOI: 10.1007/978-3-322-82372-4_12.
7. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2006 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования».
8. Миргородская М.Г., Казаков С.М., Целуйко Г.А. Мониторинг и управление угрозами экономической безопасности в промышленности // Инновационное развитие экономики. 2024. № 4(82). С. 75-83. DOI: 10.51832/22237984_2024_4_75. EDN: KXDTBO.
9. Schreyögg G., Koch J. Management: Grundlagen der Unternehmensführung: Konzepte – Funktionen – Fallstudien, 8. Auflage. Wiesbaden, 2020. DOI: 10.1007/978-3-658-26514-4.
10. Билык Т.Х. Методы управления рисками на предприятиях в современных реалиях // Прогрессивная экономика. 2024. № 5. С. 185-194. DOI: 10.54861/27131211_2024_5_185. EDN: CXFMRC.

УДК 338.2

А. А. Ермаков

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт», Москва, e-mail: ermakov@mai.ru

А. Н. Денисова

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт», Москва

Ф. М. Теммоева

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт», Москва

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АВИАСТРОЕНИЯ

Ключевые слова: экономическая эффективность, информатизация, цифровая трансформация, авиастроение, информационные технологии, перспективы развития.

В статье рассматриваются современные тенденции и перспективы развития информатизации на предприятиях авиастроительной отрасли, повышающие экономический эффект и формирующие высокий уровень конкурентоспособности. Анализируются ключевые этапы внедрения информационных технологий в процессы проектирования, производства и эксплуатации авиационной техники. Даны описание и характеристика этапов, каждый из которых определяет эффективное стратегическое развитие и создание устойчивой инновационной инфраструктуры. Особое внимание уделено внедрению таких инструментов, как системы автоматизированного проектирования (CAD/CAM), инструменты искусственного интеллекта и машинного обучения, а также цифровые двойники, технологии интернета вещей (IoT) и промышленный интернет (IIoT). Рассмотрены современные тренды цифровизации в авиастроительной отрасли, приведены примеры их успешного внедрения отечественными и зарубежными компаниями. Результаты исследования представлены сформулированными задачами и ожидаемыми экономическими эффектами развития информатизации. Кроме того, авторами выделены основные вызовы и препятствия, с которыми сталкиваются российские предприятия в процессе цифровой трансформации, включая недостаток квалифицированных специалистов, ограниченность финансовых ресурсов и вопросы безопасности данных. Подчеркивается важность интеграции современных информационных технологий с целью создания единого цифрового пространства, обеспечивающего оперативный обмен данными между различными подразделениями предприятия и внешними партнёрами. Рассматривается экономическое влияние информатизации на снижение производственных издержек, улучшение качества продукции и ускорение вывода новых авиационных моделей на рынок. Статья будет полезна исследователям, специалистам в области экономики и менеджмента, авиационного производства и цифровой трансформации, а также руководителям предприятий, заинтересованным в комплексном понимании перспектив и вызовов информатизации в авиастроении.

A. A. Ermakov

Moscow Aviation Institute, Moscow, e-mail: temmoeva@mai.ru

A. N. Denisova

Moscow Aviation Institute, Moscow

F. M. Temmoeva

Moscow Aviation Institute, Moscow

ECONOMIC PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGY IN THE AIRCRAFT MANUFACTURING INDUSTRY

Keywords: economic efficiency, informatization, digital transformation, aircraft manufacturing, information technology, development prospects.

This article examines current trends and prospects for the development of information technology in the aircraft manufacturing industry, which enhance economic efficiency and foster a high level of competitiveness. It analyzes the key stages of implementing information technology in the design, production, and operation of aircraft. It describes and characterizes each stage, each of which determines effective strategic development and the creation of a sustainable innovation infrastructure. Particular attention is paid to the implementation of tools such as computer-aided design (CAD/CAM), artificial intelligence and machine

learning tools, as well as digital twins, the Internet of Things (IoT), and the Industrial Internet of Things (IIoT). This article examines current digitalization trends in the aircraft manufacturing industry and provides examples of their successful implementation by domestic and international companies. The results of the study are presented in the form of formulated objectives and the expected economic benefits of information technology development. Furthermore, the authors highlight the main challenges and obstacles facing Russian enterprises in the digital transformation process, including a shortage of qualified specialists, limited financial resources, and data security issues. The importance of integrating modern information technologies to create a unified digital space that facilitates the rapid exchange of data between various enterprise departments and external partners is emphasized. The economic impact of informatization on reducing production costs, improving product quality, and accelerating the market launch of new aircraft models is examined. The article will be useful to researchers, specialists in economics and management, aviation production, and digital transformation, as well as business leaders interested in a comprehensive understanding of the prospects and challenges of informatization in the aircraft industry.

Введение

Авиационная отрасль играет значительную роль в развитии национальной экономики и занимает приоритетную позицию в рамках государственных задач. Активное развитие новейших технологий является локомотивом для формирования высоких достижений на мировом рынке. Цифровая трансформация определяет современные перспективные направления применения передовых подходов к обеспечению высокой конкурентоспособности отечественной промышленности. В стратегии развития авиационной отрасли вопросам цифровизации уделяется большое внимание в связи с растущими потребностями рынка и необходимостью выхода на передовые позиции среди мировых лидеров [1]. Производственные процессы в авиастроении насыщены информационными потоками и особенно сложны. Однако, конкурентная среда, сформировавшаяся за последние годы в отрасли, предъявляет высокие требования в части ускоренного запуска новых изделий, оперативного введения конструкторских изменений, также актуальны вопросы импортозамещения авиационной продукции. Данные условия предопределяют автоматизацию процессов проектирования и производства, необходимость быстрого принятия эффективных управленческих решений, целесообразность гибкого реагирования на изменения рынка, организацию работы в ограниченной информационной среде. В связи с этим, особую актуальность приобретают широкое использование математических методов, компьютерной техники, моделирования и информационных технологий. Высокотехнологичная продукция требует активного применения цифровых инструментов для построения и анализа процессов деятельности. Информатизация и автоматиза-

ция технологических процессов, применение искусственного интеллекта, новации в области электродвижения и развитие беспилотной авиации являются базой для успешного завоевания лидерских позиций. Вопросы перспектив развития информатизации были рассмотрены на заседании Экспертного совета Комитета авиационной промышленности, где определили потребность по формулированию рекомендаций и предложений в области законодательной инициативы и нормативной базы. Важным направлением остается реализация проектов по импортозамещению программных продуктов проектирования авиационной техники и управления бизнес-процессами. Кроме того, кадровый вопрос остается немаловажным, для решения комплексных задач, стоящих перед авиапромышленностью, необходимы высококвалифицированные специалисты в области информационных технологий. Аналогичные задачи обсуждались на первой всероссийской конференции «АвиаЦифра 2025» в Казани, что подтверждает актуальность исследуемой темы [2].

Таким образом, использование цифровых инноваций в производстве, эксплуатации и обслуживании авиационной техники образуют новые возможности для повышения экономической эффективности предприятий, роста безопасности и качества разработок.

Анализ направлений развития цифровизации в авиастроении

Информатизация в авиастроении начала развиваться раньше, чем в других отраслях. Потребность в цифровых технологиях возникла в результате инновационного развития авиационной индустрии. Основные этапы информатизации представлены в таблице [3].

Этапы развития информатизации в авиационной отрасли

№ п/п	Этап	Характеристика
1	Автоматизация проектирования (CAD/CAM-системы) – 1970-1980-е гг.	Появление первых автоматизированных систем, позволяющих создавать 3D-модели самолетов в цифровом варианте. Значительное ускорение проектных работ и старт компьютерного управления производственными процессами.
2	Внедрение систем управления производством (MES) – 1990-е гг.	Возможность управления основными производственными процессами в реальном времени. Контроль качества, сроков и ресурсов.
3	Развитие информационных систем управления предприятием (ERP) – 2000-е гг.	Обеспечение интеграции различных бизнес-процессов – от закупок до логистики и финансов, что повысило общую эффективность и прозрачность авиастроительных компаний.
4	Применение цифровых двойников и виртуального моделирования – 2010-е гг.	Появление цифровых двойников (digital twins) дало возможность создавать виртуальные копии самолетов и производственных линий для оптимизации обслуживания и тестирования новых решений.
5	Индустрия 4.0 и Интернет вещей (IoT) – 2020-е гг.	Использование Интернета вещей, больших данных и искусственного интеллекта для мониторинга состояния самолетов, прогнозного обслуживания и оптимизации производственных процессов.

Источник: составлено авторами по [3].

На современном этапе развития авиационной отрасли можно определить основные тренды в области информатизации:

1. Автоматическое управление и авионавигация обеспечивают точность и надежность полетов, снижение нагрузки на экипаж. Увеличение интенсивности воздушного движения предопределяет сложности и нарастающие проблемы в обслуживании полетов, что угрожает уровню безопасности. В связи с данными обстоятельствами Международная организация гражданской авиации ИКАО утвердила Концепцию будущих систем связи навигации и наблюдения, в которой обосновывается необходимость широкой эксплуатации спутниковых технологий и цифровых линий связи.

2. Big Data и аналитика. Данный тренд вызван потребностью в получении многомерной и точной информации различного характера. Технологии позволяют улучшать технические характеристики, сократить количество ошибок, связанных с человеческим фактором. Преимуществами являются не только высокая скорость и точность обработки больших массивов информации в режиме реального времени, но и ее синхронизация и построение взаимосвязей между всеми сопутствующими аспектами, связанными с авиационным управлением и безопасностью. Можно выделить высокое влияние технологий Big Data на авиационную отрасль, заключающееся в изменении про-

цессов конструкции воздушных судов, росте их производительности, а также в совершенствовании мониторинга эксплуатации, профилактической диагностики и техническом обслуживании. GE Aviation – американский производитель авиационных двигателей использует аналитику больших данных для прогнозного обслуживания своей продукции, что обеспечивает значительную экономию на потенциальных ремонтах. Кроме того, широкое применение и дальнейшее будущее развитие инструменты Big Data обрели в процедурах оптимизации маршрутов, расписания и управления ресурсами. Таким образом, растущий размер данных, получаемых в авиационной отрасли из различных источников, невозможно обработать традиционными подходами из-за их сложности и объема, что требует внедрения таких методов анализа, как прогнозирующая аналитика, мониторинг в реальном режиме времени и использование искусственного интеллекта и машинного обучения [4].

3. Цифровые двойники (Digital Twins). Разработка цифровых моделей самолетов, представляющих собой виртуальные копии физических объектов, создает условия для беспрепятственного анализа их состояния и тестирования критических систем управления. Особенно необходимы данные технологии для объектов, требующих непрерывного обновления. Отслеживание уровня работоспособности воздушных судов в ре-

жиме реального времени позволяет своевременно планировать ремонт, что усиливает надежность и безопасность. Преимущества цифровых двойников заключаются в сокращении времени на разработку, испытания, производство силовых агрегатов, а также экономии затрат за счет отсутствия необходимости создания физических образцов. Кроме того, цифровое моделирование позволяет рассматривать различные сценарии событий при изменении входных внешних параметров, влияющих на силовую установку. Немаловажно отметить, что данные технологии сопровождаются наличием единого информационного поля, являющегося основой для эффективного документооборота между участниками процессов. В связи с актуальностью конструкторских данных в цифровом двойнике снижаются риски брака и срывов сроков [5].

Существуют примеры успешного внедрения цифровых двойников на авиастроительных предприятиях. Компания Airbus провела испытания двигателей и топливной системы для лайнера A380 на виртуальном стенде, что позволило снизить сроки работ на два года. Среди отечественного опыта эффективного применения данной технологии можно выделить использование специальной платформы с элементами искусственного интеллекта при разработке турбореактивного двигателя АИ-222-25, что минимизировало число физических испытаний. Имеет место и формирование концепции цифровой сертификации, продвижением которой активно занимается «ОДК-Сатурн». Концепция предполагает проведение предварительных виртуальных испытаний авиационных двигателей (в частности, ПД-8). Таким образом, можно отметить значительные положительные эффекты практического применения цифровых двойников, что предопределяет дальнейшее широкое их использование в различных областях авиастроения [6].

4. Цифровое проектирование и моделирование (CAD/ CAM/ CAE/ PLM).

Данное направление является неотъемлемым условием конкурентоспособности авиастроительных предприятий. CAD (Computer Aided Design) – система автоматизированного проектирования, необходимая для создания конструкторской и технологической документации, а также чертежей и 3D-моделей. Для инженерных расчетов применяется программный пакет CAE (Computer-Aided

Engineering). Инструмент позволяет при помощи автоматизированных расчетов оценить поведение компьютерных моделей изделий в реальных условиях эксплуатации. CAE помогают проанализировать потенциальную работоспособность исследуемых систем в короткие сроки и с минимальными материальными затратами. Современные версии CAE применяются совместно с CAD-системами или интегрируются в них. Среди отечественных разработок выделяется программа ЛОГОС – CAE-система для многодисциплинарного моделирования. Программой пользуются многие компании при проектировании авиационной техники. ЛОГОС позволяет оперативно и точно производить расчеты задач гидрогазодинамики, теплообмена, осуществлять прочностной анализ, анализировать электромагнитное излучение. CAM (Computer-Aided Manufacturing) – программно-вычислительный комплекс для подготовки технологического производства, используется инженерами-технологами. Суть заключается в автоматизации программирования оборудования, что позволяет сократить временные затраты и повысить точность настройки. Для управления жизненным циклом изделий создана технология PLM (Product Lifecycle Management), призванная координировать все данные об изготавливаемом продукте и связанных с ним процессах. PLM сопровождает весь жизненный цикл изделия вплоть до снятия с эксплуатации и хранит всю информацию в виде цифрового макета. Целями вышеперечисленных программных продуктов являются упрощение процессов проектирования и производства, исключение ошибок при выполнении задач, создание максимально точных моделей изделий и формирование полного пакета конструкторской документации [7].

5. Интернет вещей (IoT) и промышленный интернет (IIoT). Технологии применяются в авиастроительной отрасли для контроля состояний воздушных судов, получения информации производителем. Одним из способов использования IoT является мониторинг состояния двигателей посредством множества датчиков. Таким образом, обеспечивается контроль силового агрегата и расхода топлива. В случае возникновения нежелательных отклонений в работе или любых признаков проблем, происходит передача данных в режиме онлайн. Промышленный интернет позволяет организовать непрерывный сбор информации о загрузке

и состоянии производственных линий. Данные операции способствуют сокращению потерь сырьевых ресурсов, оптимизируют ремонт и техническое обслуживание продукции, формируют высокое качество сервиса и увеличивают показатели эффективности производства в целом. Одной из существенных разработок в области данных технологий является PoT.Istok – передовая российская платформа для промышленного интернета вещей. Платформа обладает рядом преимуществ: включает полный набор средств для удаленного мониторинга, диагностики оборудования (технологического, инженерного, стендового, вспомогательного), изделий, процессов эксплуатации. Кроме того, PoT.Istok имеет возможность интеграции с корпоративными информационными системами, включает технологии кибербезопасности, хранит данные за неограниченный промежуток времени. Удобный интерфейс и понятная визуализация результатов мониторинга позволяют оперативно и достоверно оценить текущую ситуацию. Примером успешного внедрения IoT в авиастроении является платформа Skywise, которую запустила в своей деятельности компания Airbus. Платформа применяется в процессе эксплуатации самолетов и посредством возможностей искусственного интеллекта и больших данных обеспечивает оперативный сбор информации. Существенными плюсами Skywise являются прогнозирование неисправностей, что предотвращает внеплановые ремонты и увеличивает безопасность и надежность воздушных судов; сравнительный анализ производительности и топливной эффективности; безопасность обмена данными. В 2018 году компанией Rolls-Royce была представлена концепция IntelligentEngine, которая основана на создании ИИ-системы авиационных двигателей. Особенности концепции являются способность двигателей обучаться на ошибках, предвидеть события, связываться с другими двигателями и наземными службами [8].

6. Искусственный интеллект и машинное обучение (AI/ML). В авиастроении данные инструменты нашли применение в системах предиктивного анализа, а также являются неотъемлемой частью всех современных технологий, включая цифровые двойники и промышленный интернет. Кроме того, алгоритмы искусственного интеллекта используются для оптимизации проектирования, диагностики и управления

производством. AI эффективно участвует в процессах дефектоскопии на ранних этапах сборки изделий, сокращая при этом объемы бракованной продукции.

7. Кибербезопасность. Тенденции цифровизации приводят к усилению рисков кибератак, что обязует внедрять строгие меры защиты информационных систем. Обеспечение кибербезопасности необходимо для предотвращения утечки конфиденциальных данных [9].

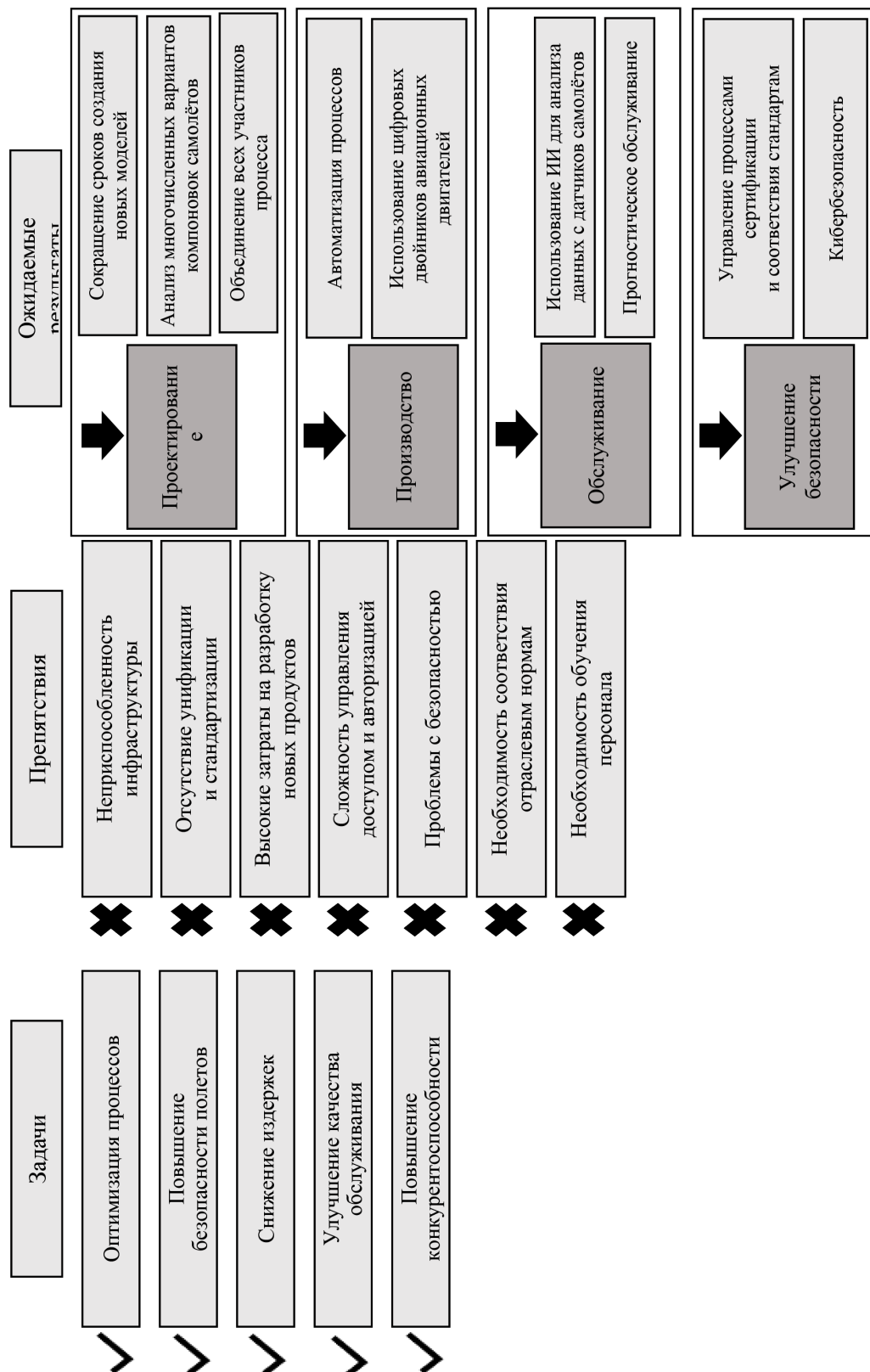
Таким образом, на сегодняшний день идет активная цифровая трансформация авиастроительной отрасли, что предполагает существенное повышение экономической эффективности высокотехнологичных предприятий Объединенной авиастроительной корпорации.

Результаты исследования и их обсуждение

Несмотря на усиленную активизацию внедрения новых информационных технологий, а также инструментов автоматизации процессов, авиационные предприятия продолжают искать пути роста конкурентоспособности и усиления независимости от иностранных игроков за счет разработок инновационных проектов информатизации отрасли.

Ожидаемые экономические результаты на пути развития информатизации авиастроительной отрасли наглядно представлены на рисунке [10].

Дальнейшее развитие и широкое применение цифровых двойников на предприятиях авиастроения требует синергии математических моделей, систем автоматизированного проектирования и программно-вычислительных комплексов (CAD/CAM- и PLM-системы), системы управления активами, ресурсами и производством. В связи с тем, что на разных предприятиях применяются неидентичные программные решения, процесс объединения всех технологий представляется сложной задачей. Цифровые двойники требуют больших массивов информации при их создании, а также генерируют впоследствии данные, требующие облачные технологии их хранения. В данном случае создается предпосылка для разработки масштабных виртуальных платформ. Особое значение приобретает необходимость создания обширной методической основы по использованию специализированных математических моделей для каждого элемента двойника.

Ожидаемые экономические результаты развития информатизации на предприятиях авиационной промышленности
Источники: составлено авторами по [10]

Для максимальной достоверности разрабатываемых цифровых моделей требуется учет множества факторов и параметров, от которых зависит работоспособность силовых установок, что является трудоемким процессом и формирует спрос на высококвалифицированных специалистов, в том числе, комплексных инженеров.

Программно-вычислительные комплексы, применяемые для цифрового проектирования и моделирования, требуют совершенствования в современных динамичных условиях. На сегодняшний день основной целью является достижение технологической независимости CAD- и CAE-систем к 2030 году, что было заявлено на стратегической конференции по математическому моделированию и инженерному ПО. Оптимистичные перспективы импортозамещения основаны на высоком темпе развития и зрелости отечественных программных продуктов, а также взаимодействии с промышленными заказчиками. Планируется реализация проектов в области цифровой науки и интеллектуального проектирования, что сформирует базу для достижения мирового технологического лидерства. Выполнение задачи по технологической независимости CAE-систем к 2030 году ускорит активизацию авиационной отрасли в части перестроения внутренних моделей работы. В качестве направлений совершенствования CAD/CAE-систем целесообразно выделить использование искусственного интеллекта и машинного обучения, в чем уже заинтересованы разработчики программы ЛОГОС. Это обеспечит подбор оптимальных вариантов конструкции изделий на основе большого массива данных, а также создаст условия для автоматической оптимизации параметров. В перспективе взаимодействие с проектом в реальном режиме времени будет обеспечено технологиями виртуальной и дополненной реальности.

Стоит выделить некоторые вызовы, сопровождающие развитие CAD/CAE-систем. К основным препятствиям можно отнести высокую стоимость внедрения, которая формируется из затрат на закупку лицензий, создания материально-технической базы, а также обучения персонала. Кроме того, различные CAD-системы используют данные несогласованных форматов, что значительно затрудняет процедуру их интеграции. В случае с PLM-технологией управления жизненным циклом основная

проблема заключается в растущем объеме данных об изделиях, который требует длительного хранения. Возникает острая необходимость обеспечения информационной безопасности. Перспективным проектом является единая PLM-платформа, разработанная корпорацией «Ростех» и предназначенная для управления жизненным циклом авиационной техники. Платформа аккумулирует данные каждого этапа от проектирования до эксплуатации, что помогает адаптироваться к изменениям и повышать качество.

Перспективы развития IoT и PoT связаны с расширением сети взаимосвязанных устройств и сенсоров, позволяющих производить контроль и управление на каждом этапе производства. К 2028 году прогнозируется удвоение рынка данных технологий, обеспечивая фундаментальное изменение подхода к управлению промышленными процессами, что приведет к усилению безопасности и эффективности производства. Среди барьеров для глобального внедрения новых технологий выступают значительные затраты на оборудование и программное обеспечение, а также обучение персонала. Кроме того, актуальным становится вопрос совместимости нового оборудования со старой материально-технической базой [11].

Развитие информатизации в авиационной отрасли невозможно представить без новых возможностей применения технологий, основанных на искусственном интеллекте и машинном обучении. В России активно ведутся работы по разработке алгоритмов с использованием нейросетей для решения сложных задач, таких как автоматизация аэродинамических расчетов. Данные исследования являются прорывными и не имеют аналогов в мире. На сегодняшний день поставлены цели, связанные с внедрением экспериментального блока на основе машинного обучения для ускорения вычислений, которые планируется достичь к 2026 году. Особенностью отечественных разработок в данной области является комплексный подход к решению задач, что дает значительное конкурентное преимущество будущих результатов. Данный вывод подкрепляется тем, что при проектировании авиатехники необходимо учитывать множество факторов и условий, следовательно процедура моделирования должна иметь системный характер. Подобные зарубежные проекты рассматривают все процессы в аналогич-

ной задаче обособленно друг от друга, что не соответствует условиям практического применения. Однако, стоит выделить перечень угроз использования искусственного интеллекта. К ним относятся: вероятность выбора информации низкого качества для построения алгоритмов, что может привести к существенным ошибкам; отсутствие четкой регламентации ответственности за ошибки, допущенные AI-системой; риск угрозы информационной безопасности в связи с растущим объемом данных. Несмотря на имеющиеся препятствия и необходимость большого внимания к использованию AI, создаются условия для дальнейшего расширения возможностей применения нейросетей в авиастроительной отрасли: выделяются гранты на исследования, привлекаются ученые ведущих вузов, стимулируется тесное взаимодействие научных организаций и представителей промышленности. В связи с растущими потребностями ускоренного развития технологий AI целесообразно законодательно урегулировать ряд вопросов, в том числе разработать ГО-СТы в авиации, обосновывающие перечень обязательных параметров, которым должны соответствовать нейросети для их безопасного внедрения.

В области усиления кибербезопасности возникает необходимость развития программ обучения, которые специализируются на деятельности компаний авиастроительной отрасли. В связи с тем, что кибератаки переходят на более высокий уровень, традиционные методы шифрования данных становятся несостоятельными для защиты конфиденциальной информации, поэтому требуются новые технологии, например, применение квантовой криптографии. В ближайшей перспективе целесообразно обратить усиленное внимание на такое направление, как информационная защита производства самолетов и цепочки поставок.

Вопросы управления качеством будут решены посредством масштабного внедрения системы аналитики, которую представила компания «РТ-Техприемка». Использование системы на предприятиях показало эффективные результаты в виде снижения числа производственных дефектов на 20%. Для организационно-управленческих задач разработаны автоматизированная система управления персоналом («РТ-Информ») и альтернативная замена Microsoft Exchange и Outlook («РТ-Иридиум»). Данные инструменты обе-

спечивают уменьшение административных расходов на кадровое управление, а также способствуют улучшению внутренних коммуникаций на предприятиях [12].

Таким образом, на современном этапе продолжается усиленное развитие современных технологий в области информатизации авиастроительных предприятий. Сформулированы задачи по импортозамещению программного обеспечения и активного внедрения полученных достижений в процессы проектирования, производства и последующей эксплуатации авиационной техники.

Заключение

В современную эпоху цифровых технологий информатизация становится ключевым фактором повышения экономической эффективности и конкурентоспособности предприятий авиастроительной отрасли. Проведенный анализ показал, что внедрение современных информационных систем – от автоматизированного проектирования и систем управления производством до цифровых двойников и технологий Интернета вещей – способствует значительному улучшению процессов проектирования, производства и обслуживания авиационной техники.

Однако развитие информатизации в авиастроении сопровождается рядом вызовов: недостаточная квалификация IT-специалистов, ограниченный бюджет на цифровую трансформацию, а также вопросы обеспечения информационной безопасности. Особое значение приобретает поддержка со стороны государства, выражающаяся в национальных проектах, программах импортозамещения и инвестициях в инновационную инфраструктуру.

Перспективы развития информатизации связаны с дальнейшей интеграцией цифровых технологий в стратегию предприятий, расширением использования больших данных и искусственного интеллекта для прогнозирования и оптимизации процессов. Важно также учитывать необходимость создания комплексных образовательных программ для подготовки квалифицированных кадров, способных работать с современными инструментами цифровизации.

Таким образом, информатизация предприятий авиастроения представляет собой не только технологическую, но и организационно-экономическую трансформацию, способствующую устойчивому развитию

отрасли в условиях глобальной конкуренции. Усилия, направленные на преодоление существующих барьеров и активное внедрение инновационных решений, позволят

российской авиапромышленности повысить качество продукции, улучшить экономические показатели и укрепить свои позиции на мировом рынке.

Библиографический список

1. Тополкараев А.В., Тихонов А.И. Повышение конкурентной устойчивости высокотехнологичных предприятий авиационной промышленности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 10-1. С. 132-138. DOI: 10.17513/vaael.3787.
2. Стратегия развития авиационной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!/minpromtorg_rossii_razrabotal_proekt_strategii_razvitiya_aviacionnoy_promyshlennosti_na_period_do_2030_goda (дата обращения: 15.08.2025).
3. Аврамчиков В.М., Тимохович А.С., Рожнов И.П. Цифровая трансформация в авиационной отрасли: возможности и перспективы // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 3. С. 35-39. URL: <https://esj.today/PDF/04ECVN324.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).
4. Ермаков А.А., Тихонова С.В. Цифровая трансформация в авиационной индустрии // Московский экономический журнал. 2023. Т. 8. № 1. С. 122-128.
5. Тихонов А.И., Просвирина Н.В., Силуянова М.В. Импортозамещение и новые стандарты качества на авиастроительных предприятиях Москвы // Стандарты и качество. 2024. № 8. С. 80-85. DOI: 10.35400/0038-9692-2024-8-52-24.
6. Тихонов А.И., Просвирина Н.В., Силуянова М.В. Разработка укрупненного алгоритма организации процесса инновационного импортозамещения на предприятиях авиастроения г. Москвы // Авиакосмическое приборостроение. 2024. № 6. С. 41-52. EDN: NOUGEQ.
7. Алтухов А.В., Иванов К.А., Уткина Е.Э. О возможности внедрения платформенных решений в авиастроительной отрасли // Экономика и управление. 2022. Т. 28, № 1. С. 61-73. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-1-61-73.
8. Самогородская М.И., Бейнар И.А., Наролина Т.С. Особенности цифровой трансформации предприятий авиакосмической отрасли // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 1(48). С. 91-97. DOI: 10.22394/1997-4469-2020-48-1-91-97.
9. Tikhonov A.I., Prosvirina N.V. Production of Machine Tools for the Aircraft Industry: Import Substitution // Russian Engineering Research. 2023. № 43(8). P. 1033-1036. DOI: 10.3103/S1068798X23080336.
10. Фомичев А.Г. Цифровая трансформация управления на предприятиях авиационной промышленности: вызовы и перспективы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 26-30. DOI: 10.23672/SAE.2024.4.4.032.
11. Байков Ф.Ю. Цифровая трансформация мирового рынка авиационных услуг // E-Management. 2023. Т. 3, № 2. С. 70-76. DOI: 10.26425/2658-3445-2020-2-70-76. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43843943> (дата обращения: 15.08.2025).
12. Сазонов А.А., Арсеньева Н.В., Углова Л.А. К вопросу об экономической эффективности внедрения информационных технологий в авиационной промышленности России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2018. № 1. С. 84-91. DOI: 10.18384/2310-6646-2018-1-84-91.

УДК 338.45.01

С. В. Ибрагимова

АО «ПТФК «ЗТЭО», Набережные Челны

Г. Ф. Галиуллина

Набережночелнинский институт ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет»,
Набережные Челны, e-mail: gulia-fag@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: импортозамещение, энергетическое машиностроение, SWOT-анализ, новая реальность, преференциальные режимы.

Статья посвящена анализу и оценке импортозависимости предприятий энергетического машиностроения. Сложностью реализации политики импортозамещения в отрасли машиностроения является узконаправленность производственного цикла. Особое внимание уделяется проблемам кадрового дефицита, износа производственных мощностей и интеграции российской промышленности в международные кооперационные процессы с целью укрепления технологического суверенитета и конкурентоспособности российского энергомашиностроения. Низкая конкурентоспособность выпускаемой продукции отечественных предприятий связана с используемым в производстве устаревшего оборудования и технологий, дефицитом квалифицированных работников, прежде всего по рабочим специальностям и т.п. На основе проведенного SWOT-анализа предложены рекомендации по их преодолению. В сложных условиях новой реальности современной экономики предлагается решать проблемы импортозависимости в отрасли комплексно, в том числе привлекая такой механизм как преференциальные режимы ведения предпринимательской деятельности. Авторы делают вывод о необходимости сотрудничества и участия государства в формировании условий для устойчивого развития отрасли. Научная статья ориентирована на руководителей и специалистов промышленных предприятий, представителей органов власти и научного сообщества, заинтересованных в укреплении энергетической безопасности страны и развитии высокотехнологичных отраслей промышленности.

S. V. Ibragimova

JSC Production Trade and Financial Company Transport Electrical Equipment Plant,
Naberezhnye Chelny

G. F. Galiullina

Naberezhnye Chelny Institute Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny,
e-mail: gulia-fag@yandex.ru

IMPLEMENTATION OF IMPORT SUBSTITUTION POLICY AT POWER ENGINEERING ENTERPRISES IN THE NEW REALITY

Keywords: import substitution, power engineering, SWOT analysis, new reality, preferential regimes.

The article is devoted to the analysis and assessment of import dependence of power engineering enterprises. The complexity of the implementation of import substitution policy in the engineering industry is the narrow focus of the production cycle. Special attention is paid to the problems of personnel shortages, depreciation of production facilities and the integration of Russian industry into international cooperation processes in order to strengthen the technological sovereignty and competitiveness of the Russian energy engineering industry. The low competitiveness of the products of domestic enterprises is associated with outdated equipment and technologies used in the production, a shortage of qualified workers, primarily in working specialties, etc. Based on the SWOT analysis, recommendations for overcoming them are proposed. In the difficult conditions of the new reality of the modern economy, it is proposed to solve the problems of import dependence in the industry in a comprehensive manner, including involving such a mechanism as preferential business regimes. The authors conclude that there is a need for cooperation and government involvement in creating conditions for the sustainable development of the industry. The scientific article is aimed at managers and specialists of industrial enterprises, representatives of government authorities and the scientific community interested in strengthening the country's energy security and developing high-tech industries.

Введение

Энергетический сектор Российской Федерации, аналогично ряду других отраслей национальной экономики, с начала 2022 г., после введения ограничительных мер, столкнулся с существенными затруднениями в области обеспечения поставок импортируемых компонентов и оборудования. Продукция европейских государств, США и ряда других государств традиционно обеспечивала более 75% потребностей российского рынка в критически важных технических средствах энергетики. В условиях низкой вероятности в среднесрочной перспективе отмены действующих санкций предприятия отрасли вынуждены разрабатывать стратегии импортозамещения, ориентированные на сокращение степени внешней зависимости и укрепление технологического суверенитета государства.

При этом Россия занимает лидирующие позиции среди мировых производителей атомных реакторов, обладая значительными конкурентными преимуществами в этой области. Однако в производстве газотурбинного оборудования и компонентов страна существенно зависит от импорта – до 80% используемых деталей, например, рабочие лопатки газовых турбин, поступают извне. Доля зарубежной продукции для котлов и гидравлических турбин достигает примерно 75%, причем основная масса поставок осуществляется западными компаниями. В связи с этим разработка конкурентоспособных российских аналогов энергетического оборудования и укрепление научной базы отечественной энергетики становятся важнейшими направлениями обеспечивающих национальную безопасность страны в энергетической сфере [1].

Цель исследования – изучить основные проблемы реализации политики импортозамещения на предприятиях энергетического машиностроения, в том числе выявить ключевые барьеры локализации производства.

Материалы и методы исследования

Ученые обращают внимание на важность изучения проблем и разработки эффективных мер реализации политики импортозамещения, в том числе в отрасли энергетического машиностроения [2-4]. Исследователи анализируют деятельность предприятий энергетического машиностроения в условиях новой реальности российской экономики [5-7].

В научных трудах Сказочкина А.В. с соавторами [8] представлен комплексный обзор анализа текущего состояния рынка энергетического машиностроения в России, а также сделан вывод о том, что в настоящее время российское энергетическое машиностроение не является технологически самостоятельным, в частности, для создания парогазовых установок.

Гамидуллаева Л.А., Шуструйский А.В. отмечают, что необходимо выстраивание единой экосистемы, объединяющей топливно-энергетический комплекс, обслуживающие его промышленные предприятия и всех стейкхолдеров с позиции достижения национальных интересов, целей и задач на макроэкономическом, отраслевом, региональном и корпоративном уровнях управления [9].

Различные выводы о механизмах импортозамещения в отрасли энергетического машиностроения представлены в рекомендациях Министерства энергетики Российской Федерации в энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года [10].

Информационная база включает официальные статистические данные федеральной службы государственной статистики, собственные исследования авторов.

В ходе исследования проведен анализ нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы импортозамещения, SWOT-анализ возможностей и угроз, влияющих на импортозависимость предприятий энергетического машиностроения.

Результаты исследования и их обсуждение

Предприятия энергомашиностроительного профиля осуществляют разработку и выпуск технических устройств, предназначенных для генерации, передачи и потребления энергоносителей, удовлетворяя потребность хозяйствующих субъектов различных отраслевых направлений. Однако современные реалии демонстрируют увеличение степени технологического подчинения отечественного сегмента мировой индустрии энергетического оборудования иностранным производителям комплектующих изделий и инновационным разработкам, что создает потенциальную угрозу нестабильности отечественной энергетической отрасли. Вместе со смежными отраслями предприятия энергетической

отрасли обеспечивают энергетическую безопасность страны, которая традиционно понимается совокупность факторов, обеспечивающих непрерывность снабжения потребителей энергией и устойчивое функционирование субъектов производства на рынках реализации продукции.

Энергостратегия Российской Федерации на период до 2050 года устанавливает четкую структуру и цели развития топливно-энергетического комплекса страны. Документ определяет ключевые этапы реализации стратегий, приоритеты развития и прогнозы по каждому направлению энергетики. Приведенная информация охватывает широкий спектр аспектов, включая:

- глобальное положение России на энергетических рынках;
- текущие вызовы и угрозы в сфере энергетики;
- целевые ориентиры по добыче, переработке и использованию энергоресурсов;
- планы модернизации инфраструктуры и технологий;
- задачи в области экологии и устойчивого развития.

Целевые ориентиры по генерации и оборудованию:

- Добыча нефти: планируется поддерживать добычу на уровне не менее 540 млн тонн ежегодно вплоть до 2050 года;
- Переработка нефти: глубина переработки должна достигнуть 90% к 2030 году и далее оставаться на таком уровне;
- Газовая отрасль: уровень газификации населения увеличится до 86,2%, а объем производства сжиженного природного газа (СПГ) возрастет до 110-175 млн тонн;
- Электроэнергетика: установлены цели по увеличению установленной мощности объектов генерации до 331,2 ГВт к 2050 году, уменьшению уровня потерь электроэнергии до 7,3%;

Технологическое оснащение: важное внимание уделяется развитию отечественного оборудования и технологий, созданию условий для технологической независимости и обеспечения энергетической безопасности.

Вышеперечисленные целевые ориентиры формируют базовые требования для дальнейших решений и позволяют определить конкретные шаги по достижению поставленных целей. Важно отметить, что реализация этих ориентиров зависит от успешного выполнения предусмотренных мер

и преодоления возникающих рисков и вызовов [10]. В российском контексте данное понятие расширяется до аспектов государственной, социальной и экономической защищенности от угроз нарушения устойчивости энергосистемы, включая минимизацию вероятности технологических сбоев и поддержание финансово-экономической стабильности всех участников рыночного взаимодействия.

Энергомашиностроительная отрасль занимает стратегически значимую позицию, формируя фундамент национального хозяйства и определяя степень энергетической безопасности государства. Министерство промышленности и торговли РФ утвердило план мероприятий по импортозамещению в энергетическом машиностроении, демонстрируя согласованность действий государства, промышленности и ТЭК в обеспечении стратегического развития связанных отраслей [11]. На фоне геополитических изменений и растущей зависимости от внутренних ресурсов, отрасль энергетического машиностроения продемонстрировала в 2024 году признаки восстановления по большинству ключевых позиций (таблица 1). Наблюдается в 2024 году по отношению к 2019 увеличение производства генераторов переменного тока на 41%, электродвигателей переменного тока на 67%, турбин на водяном паре на 69%.

Восстановление спроса в промышленности, а также государственные меры по стимулированию производства стали основными драйверами положительной динамики. Однако электродвигатели мощностью свыше 37,5 Вт показывает глубокое падение на 45,39% соответственно по сравнению с 2019 годом, несмотря на небольшой рост в 2024 году. Данная ситуация подтверждает проблемы в техническом оснащении и доступе к материалам для крупногабаритных двигателей.

Для более объективного анализа необходимо исследовать комплекс количественных показателей, описывающих различные аспекты формирования импортозамещения продукции энергетического машиностроения (табл. 2).

В качестве базы исследования динамики выпуска импортозамещающей продукции энергетического машиностроения применялся метод горизонтального и вертикального анализа.

Таблица 1

Динамика производства основной продукции энергетического машиностроения в РФ

Наименование продукции	2019 г	2020 г	2021 г	2022 г	2023 г	2024 г	2024 г. к 2019 г., %
Электродвигатели мощностью не более 37,5 Вт, тыс. шт	679	643	593	524	629	650	95,73
Электродвигатели переменного и постоянного тока мощностью более 37,5 Вт, тыс. шт.	293	239	265	199	146	160	54,61
Электродвигатели переменного тока многофазные, тыс. шт.	83,7	81,8	101	127	135	140	167,26
Электродвигатели переменного тока мощностью от 750 Вт до 75 кВт, тыс. шт	237	240	274	264	249	255	107,59
Электродвигатели переменного тока, тыс. шт	16,9	18,3	19,5	24,7	20,4	22	130,18
Генераторы переменного тока (синхронные генераторы), тыс. кВт	3412	2932	3681	3366	4711	4800	140,68
Установки генераторные, тыс. шт	659	537	618	702	704	710	107,74
Аккумуляторы свинцовые, тыс. шт	7961	7519	9060	7306	8929	9000	113,05
Кабели управления, контроля, кабели и провода	277	328	327	257	315	320	115,52
Турбины на водяном паре и прочие паровые турбины, тыс. кВт	1362	5414	4713	3072	2269	2300	168,87
Турбины газовые, кроме турбореактивных и турбовинтовых, тыс. кВт	704	577	1130	1034	918	950	134,94
Насосы центробежные подачи жидкостей прочие, тыс. шт.	1005	858	1011	802	1015	1020	101,49
Насосы воздушные газовые компрессоры, тыс. шт	207	215	226	180	213	215	103,86

Источник: составлено авторами на основании данных ФСГС [12].

Таблица 2

Анализ динамики количественных показателей импортозамещения

Код ТН ВЭД	Наименование товара.	2019 г.	2020 г.				2021 г.	
		Сумма, млн долл США	Сумма, млн долл США	Абс. Откл.	Темп роста, %	Сумма, млн долл США	Абс. Откл.	Темп роста, %
84	Механическое оборудование	40626	42658	2032	105,00	54239	11581	127,15
84-90	Машины и оборудование в том числе:	105246	109700	4453	104,23	144409	34709	131,64
85	Электрическое оборудование	27696	30093	2397	108,65	36 770	6677	122,19
8708	Части и принадлежности моторных и транспортных средств	8077	7636	-441	94,54	10646	3010	139,42

Источник: составлено авторами на основании данных ФСГС [12].

Примечание: статистические данные за 2022, 2023 и 2024 год отсутствуют в открытых данных

Исходя из данных таблицы 3 видно, что в структуре импортных товаров наибольшая доля во все анализируемые периоды принадлежит к товарной группе машин и обо-

рудования в 2019 году показатель составил 55,14%, в 2020 году 55,77%, в 2021 году 56,34%. Структура импортных товаров наглядно представлена на рисунке.

Таблица 3

Анализ структуры количественных показателей
импортозамещающей продукции энергетического машиностроения

Показатели	2019 год		2020 год			2021 год		
	Сумма, тыс. руб	Удель- ный вес, %	Сумма, тыс. руб	Удель- ный вес, %	Струк- турные измене- ния	Сумма, тыс. руб	Удель- ный вес, %	Струк- турные изме- нения
Всего импортных товаров	190990	100	196696	100		256314	100	
Механическое оборудование	40626	21,27	42658	21,69	0,42	54239	21,16	-0,53
Машины и оборудование	105246	55,11	109700	55,77	0,67	144409	56,34	0,57
Электрическое оборудование	27696	14,50	30093	15,30	0,80	36770	14,35	-0,95
Принадлежности транспортных средств	8077	4,23	7636	3,88	-0,35	10646	4,15	0,27

Источник: составлено авторами на основании данных ФСГС [12].

Примечание: статистические данные за 2022, 2023 и 2024 год отсутствуют в открытых данных.

Таблица 4

Финансовое положение наиболее крупных предприятий энергомашиностроения РФ, млн руб.

Предприятие	2022		2023		2024	
	Выручка	Чистая прибыль	Выручка	Чистая прибыль	Выручка	Чистая прибыль
АО «Тяжмаш» (г. Сызрань)	22391,6	994,8	25717,8	3529,2	34705,8	7153,8
сравнение с предыдущим годом, %	*	*	114,85	354,76	134,94	202,70
АО «ПТФК «ЗТЭО» (г. Набережные Челны)	11056,0	1493,6	14718,5	3591,2	14718,6	2577,2
сравнение с предыдущим годом, %	120,86	208,46	133,12	240,44	99,99	71,76
ПАО «НПО «ЭЛСИБ» (г. Новосибирск)	5148,6	419,8	7273,5	660,8	8100,0	1200,0
сравнение с предыдущим годом, %	136,38	220,02	141,27	157,41	111,36	181,60
ЗАО «ОМЗИТ» (г. Омск)	1116,9	14,3	1813,8	97,9	1980,7	11,2
сравнение с предыдущим годом, %	120,87	8186,3	162,39	684,61	109,20	11,44

*нет данных.

Источник: составлено авторами на основании данных ресурса интерфакс – сервер раскрытия информации [13].

Таким образом, в качестве исследования динамики выпуска импортозамещающей продукции энергетического машиностроения применялся метод горизонтально-го анализа.

На сегодняшний день в России насчитывается около 50 энергомашиностроительных предприятий. Лидеры отрасли в сложных условиях новой реальности показывают как рост выручки, так и положительные финансовые результаты, что наглядно представлено в таблице 4.

Анализируемые предприятия продемонстрировали положительную динамику роста выручки за рассматриваемые периоды. Лидер отрасли, АО «Тяжмаш», за анализируемый период, достигнул наибольшего роста объема производства в 2024 году (на 34,94%). Показатели чистой прибыли в 2024 году по отношению к 2023 году увеличились на 102,7%, тем самым увеличивая рентабельность производства. Стабильно наращивает объемы производства и прибыль ПАО «НПО «ЭЛСИБ».

Таблица 5

SWOT-анализ импортозамещения предприятий энергомашиностроительного комплекса РФ

Сильные стороны	Слабые стороны
производство оборудования, соответствующего международным стандартам качества	недостаток инвестиций в научные исследования и разработки
диверсификация производственных мощностей	зависимость от зарубежных технологий
наличие научно-производственной базы	высокие производственные затраты;
научный и технологический потенциал	ограничение гибкости бизнеса из-за необходимости участия в государственных заказах
Возможности	Угрозы
создание программы импортозамещения	зависимость от импортного оборудования, комплектующих и технологий
модернизация энергетической инфраструктуры	отставание в модернизации производственных мощностей от мировых аналогов
создание новых партнерств с дружественными странами	ограниченные возможности в экспорте продукции на традиционные западные рынки

Источник: составлено авторами.

Таблица 6

Основные проблемы энергетического машиностроения

№ п/п	Проблема	Последствия	Возможные решения
1	Экономические санкции	Ухудшение качества продукции и снижение конкурентоспособности	Поиск альтернативных поставщиков находящихся на территории страны
2	Зависимость от иностранных компонентов	Задержка проектов, рост издержек	Импортозамещение, локализация производства
3	Технологическое отставание в науке и НИОКР	Низкое качество технологий	Увеличение финансирования, строительство новых технопарков
4	Износ производственных фондов	Снижение качества и надёжности оборудования	Модернизация предприятий
5	Кадровый дефицит	Отсутствие квалифицированных специалистов	Реформа образования, молодежные программы
6	Сокращение государственного финансирования основных потребителей машиностроительной отрасли	Снижение объемов производства у предприятий энергетического машиностроения	Объединение предприятий в холдинговые структуры, создание промышленных машиностроительных кластеров
7	Недостаток инвестиций в инновации	Застой в развитии технологий	Гарантии для инвесторов, государственные меры

Источник составлено авторами по материалам [15-17].

В 2024 года снижение прибыли при росте выручке показывает ЗАО «ОМЗИТ». Снизило в 2024 году рентабельность АО «ПТФК «ЗТЭО» – при сохранившем объеме производства, чистая прибыль уменьшилась на 28,24%.

В новой реальности развитие энергетического машиностроения связано с рядом серьезных трудностей: усиление санкционного давления, ограничивающего доступ к передовым технологиям и компонентам; утечка квалифицированных кадров в более привлекательные секторы экономики или

за рубеж; повышенные издержки производства и логистики из-за разрыва прежних цепочек поставок; снижение доверия со стороны иностранных заказчиков из-за нестабильности политической и экономической среды (таблица 5).-

Ключевыми барьерами для развития энергетического машиностроения выступают изношенные производственные мощности, высокая зависимость от импортных технологий и оборудования, а также дефицит квалифицированных кадров. Эти проблемы серьезно затрудняют процесс модернизации

отрасли и ослабляют позиции отечественных производителей на мировом рынке. В обстановке международной политической неопределенности Россия усилила активность в сфере замещения импорта и государственной поддержки стратегических секторов экономики. В числе реализуемых мероприятий – предоставление налоговых преференций, субсидий и стимулирование инвестиций, ориентированных на снижение зависимости страны от зарубежных технологических решений.

Дальнейшие перспективы энергомашиностроения кроются в цифровизации и автоматизации производственных процессов, а также в развитии научно-исследовательской деятельности. Важным шагом для устойчивого роста является модернизация, укрепление технологической независимости и расширение международных связей с дружественными странами, что обеспечит отрасли уверенное развитие в будущем [14].

Актуальность разработки отечественных технических решений и технологий обусловлена необходимостью снижения зависимости государства от импортной продукции и укрепления позиций национального машиностроительного комплекса на глобальном рынке энергооборудования. Это требует проведения фундаментальных научных исследований, внедрения инновационных методов проектирования и производства, обеспечения финансовой поддержки предприятий посредством субсидий и налоговых льгот. Данные меры способствуют ускорению темпов роста промышленного сектора, повышению эффективности и конкурентоспособности выпускаемой техники. Крупные промышленные корпорации заинтересованы в приобретении высокотехнологичного энергетического оборудования, характеризующегося повышенной надежностью, ресурсоэффективностью и длительным сроком эксплуатации, поскольку данные параметры существенно снижают операционные издержки и повышают общую устойчивость национальной энергетической системы.

Разработка долгосрочной стратегии развития отечественного энергомашиностроения предполагает комплексный подход, учитывающий как существующие вызовы, так и перспективные направления технологического прогресса, способствующие устойчивому развитию и усилению международной

конкурентоспособности российского инженерно-технического потенциала.

Решение проблем импортозамещения в энергетическом машиностроении предполагает комплексную трансформацию отрасли: от технологического перевооружения и реформы профессионального образования до выстраивания новой модели научно-производственного сотрудничества и пересмотра принципов промышленной политики (таблица 6). Предлагаем активно использовать такую меру поддержки процессов импортозамещения как преференциальные режимы ведения предпринимательской деятельности [18].

Государство, с одной стороны, предоставляя хозяйствующим субъектам комплекс преференций (налоговых, таможенных, административных), с другой стороны, может выставить индикаторы по уровню локализации открываемых производств на льготных условиях. Тем более такая форма поддержки востребована бизнесом и такая форма преференциальных территорий, как индустриальные парки действуют во многих российских регионах и показывают свою эффективность [19].

Только при всестороннем подходе можно рассчитывать на устойчивое развитие энергетического машиностроения, способного обеспечить не только внутренние потребности, но и занять конкурентоспособные позиции на мировом рынке.

Заключение

Большинство производств российских энергомашиностроительных предприятий является узконаправленным. При этом российские производители проигрывают зарубежным компаниям из-за низкой инновационной составляющей в выпускаемой продукции. В новой реальности основными направления решения вопросов импортозамещения в сфере энергомашиностроения и обеспечения энергетической безопасности страны являются модернизация оборудования и освоение новых технологий производства. Важно отметить, что указанные проблемы не могут быть самостоятельно решены силами производителей энергетического оборудования. И роль государства может заключаться в включении механизма преференциальных режимов с требованиями по локализации открываемых производств.

Библиографический список

1. Зайцев А.А., Шевко А.А., Малютин П.Н., Сиротин Э.Ю. Энергетическое машиностроение и атомная промышленность России в условиях санкций – возможности переориентации импортных поставщиков и перспективы сотрудничества с Китаем. [Электронный ресурс]. URL: <https://cceis.hse.ru/news/712281277.html> (дата обращения: 23.08.2025).
2. Галиуллина Г.Ф., Ситдилов Б.И., Гриб В.Н. Инвестиционные проекты по импортозамещению и методы оценки их эффективности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 11-1. С. 39-44. DOI: 10.17513/vaael.2527.
3. Ефимов К.Д., Дорофеев О.В. Политика импортозамещения как стратегический вектор развития энергетического сектора Российской Федерации // Экономика устойчивого развития. 2023. № 2(54). С. 27-29. DOI: 10.37124/20799136_2023_2_54_27.
4. Овчинникова Ю.А., Шувалова Д.Г. Модель оценки экономических последствий государственного участия на отраслевом рынке энергомашиностроения // Экономика, предпринимательство и право. 2021. № 12. С. 3121–3132. URL: <https://economics.ru/lib/113875> (дата обращения: 25.08.2025).
5. Ишмаев И.М., Маликов Р.И. Оценка современного состояния рынка материально-технических ресурсов и оборудования топливно-энергетического сектора // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 2. С. 208–213. DOI: 10.17513/vaael.3262.
6. Осыка П.В., Викторова Н.Г., Рыгова Е.В. Анализ деятельности предприятий энергетического машиностроения России и Китая в контексте устойчивого развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18, № 9. С. 1738-1757. DOI: 10.24891/ni.18.9.1738.
7. Шувалова Д.Г., Овчинникова Ю.А., Лыкова О.А. Сравнительный анализ отраслевых рынков энергомашиностроительной отрасли и энергетики // E-Management. 2022. Т. 5, № 2. С. 109–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-otraslevykh-rynkovenergomashinostroitelnoy-otrasli-i-energetiki/viewer> (дата обращения: 25.08.2025).
8. Сказочкин А.В., Балаш П.В., Сережкин Л.Н., Перов В.Б. О состоянии энергетического машиностроения в России: возможности и пути инновационного развития // Управление наукой: теория и практика. 2022. № 4. С. 135-150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-energeticheskogo-mashinostroeniya-v-rossii-vozmozhnosti-i-puti-innovatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 25.08.2025).
9. Гамидуллаева Л.А., Шуструйский А.В. Стратегирование устойчивого развития промышленных предприятий для обеспечения технологического суверенитета в топливно-энергетическом комплексе // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2024. № 2. С. 35–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategirovanie-ustoychivogo-razvitiya-promyshlennykh-predpriyatiy-dlya-obespecheniya-tehnologicheskogo-suvereniteta-v-toplivno> (дата обращения: 25.08.2025).
10. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года // Министерство энергетики РФ. URL <https://minenergo.gov.ru/upload/iblock/d6a/Energostrategiya-RF-do-2050-goda.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).
11. Об утверждении плана мероприятий по импортозамещению в отрасли энергетического машиностроения, электротехнической и кабельной промышленности Российской Федерации. Приказ Минпромторга России от 02.07.2021г. № 2422 // Консультант Плюс. URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minpromtorga-Rossii-ot-02.07.2021-N-2422/> (дата обращения: 23.08.2025).
12. Промышленное производство. Производство основных видов продукции в натуральном выражении // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 23.08.2025).
13. Интерфакс–Сервер раскрытия информации. URL: <https://www.e-disclosure.ru/poisk-po-kompaniyam> (дата обращения: 23.08.2025).
14. Шувалов Д.С. Стратегирование развития энергетического машиностроения // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 3. С. 1831-1844. DOI: 10.18334/epp.15.3.122464.
15. Системная проблема российского энергетического машиностроения. URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minpromtorga-rossii-ot-22022011-n-206/strategiia-razvitiia> (дата обращения 08.08.2025). <https://sudact.ru/energomashinostroeniia-rossiiskoi-federatsii/2/2.6/> (дата обращения: 01.08.2025).
16. РЖД рассматривает сокращение инвестиционной программы до 2030 года // Министерство транспорта РФ. URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/news/14125> (дата обращения: 23.08.2025).
17. Шпирна С.А. Зависимость отечественного машиностроения от импортного оборудования в условиях технологической модернизации // Вестник НГУЭУ. 2015. № 3 С. 290–296. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zavisimost-otechestvennogo-mashinostroeniya-ot-importnogo-oborudovaniya-v-usloviyah-ego-tehnologicheskoy-modernizatsii> (дата обращения: 25.08.2025).
18. Шайгарданова Р.А., Галиуллина Г.Ф., Идиатуллина Л.В., Гриб В.Н. Развитие индустриальных парков в Республике Татарстан // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 5-2. С. 293-301. DOI: 10.17513/vaael.2210 (дата обращения: 05.11.2025).
19. Борисов В.Н., Почукаева О.В. Метод оценивания процесса импортозамещения на российском рынке инвестиционного оборудования и его статистическое обеспечение // Вестник НГУЭУ. 2019. № 3. С. 94-108. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-3-094-108 (дата обращения: 07.08.2025).

УДК 339.91:339.97

А. В. Кашенов

Институт демографических исследований ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, e-mail: avkash@list.ru

ПОИСКОВАЯ ТИПОЛОГИЯ СТРАН МИРА. ЧАСТЬ 4. КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ ТИПОЛОГИИ

Ключевые слова: страны мира, классификация, типология, статистические показатели, кластерный анализ, результаты типологии.

В заключительной части серии статей представлены результаты поисковой типологии стран мира. Исследована возможность классификации посредством кластерного анализа 197 стран по 60 социально-экономическим показателям. На основе дивизивной стратегии по методу нормированных евклидовых расстояний выделено 9 кластеров. Многокритериальный подход, основанный на 60 статистических показателях, позволил дифференцировать страны по уровню экономического развития, демографического благополучия, темпам роста населения, масштабам вмешательства государства в экономику, инвестициям, отраслевой структуре экономики, инфляции, обеспеченности населения социальными благами, услугами, продовольствием, мобильной связью, интернетом. Были выделены типы стран: с уровнем развития ниже среднего, в основном отягощенных быстрым ростом населения и массовой бедностью; успешно развивающихся и среднеразвитых стран, включая таких гигантов, как Китай и Индия; компактных по размеру сверхбогатых нефтедобывающих государств, превосходящих все прочие кластеры по ВВП на душу населения; перспективных среднеразвитых государств, к которому кластерный анализ отнес Россию и США; благополучных по комплексу показателей стран, в основном находящихся в Западной и Центральной Европе. Часть полученных группировок стран соответствует ранее разработанным типологиям, другая часть является новой. Полученную типологию можно использовать в страноведении, экономической географии, экспертных разработках по мировой экономике и преподавании соответствующих дисциплин.

A. V. Kashenov

The Institute of Demographic Research of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: avkash@list.ru

THE SEARCH TYPOLOGY OF THE COUNTRIES OF THE WORLD. PART 4. CLUSTER ANALYSIS AND TYPOLOGY RESULTS

Keywords: world countries, classification, typology, statistical indicators, cluster analysis, typology results.

The final part of the series of articles presents the results of the search typology of the countries of the world. The possibility of classifying 197 countries according to 60 socio-economic indicators through cluster analysis was investigated. Based on the divisional strategy, 9 clusters were allocated using the method of normalized Euclidean distances. The multi-criterion approach, based on 60 statistical indicators, made it possible to differentiate countries by the level of economic development, demographic well-being, population growth rates, the scale of state intervention in the economy, investment, sectoral structure of the economy, inflation, social benefits, services, food, mobile communications, and the Internet. The types of countries identified were below average, mostly burdened by rapid population growth and widespread poverty; successful developing and middle-developed countries, including such giants as China and India; compact in size of super-rich oil producing states, exceeding all other clusters in terms of GDP per capita; promising medium-developed states, to which cluster analysis referred Russia and the United States; Countries with a good set of indicators, mainly in Western and Central Europe. Some of the obtained groupings of countries correspond to previously developed typologies, the other part is new. The obtained typology can be used in country studies, economic geography, expert developments in the world economy and teaching the corresponding discipline.

Введение

Целью серии статей «Поисковая типология стран мира» является разработка новой версии классификации стран мира. Поисковая типология является многокритериаль-

ной и производится путем автоматического распознавания сходства и различия между объектами – кластерного анализа [1]. Важное отличие поисковой типологии от нормативной состоит в том, что ее разработ-

чик не следует априорным предпочтениям, а только интерпретирует формальные решения статистической программы.

Материалы и методы исследования

Темой данной статьи, четвертой в серии, является кластерный анализ данных, разделение стран мира на типы и обзор некоторых экономических и демографических особенностей полученных типологических групп. Статистические расчеты производятся в Excel, GRET [2] и программе Stadia. Используются статистические данные ООН, МВФ и других международных организаций и агрегаторов информации. Отбор данных и их источники со ссылками были показаны в первой статье серии публикаций, проверка, стандартизация, корреляционный и факторный анализ показателей были представлены во второй и третьей статьях.

Результаты исследования и их обсуждение

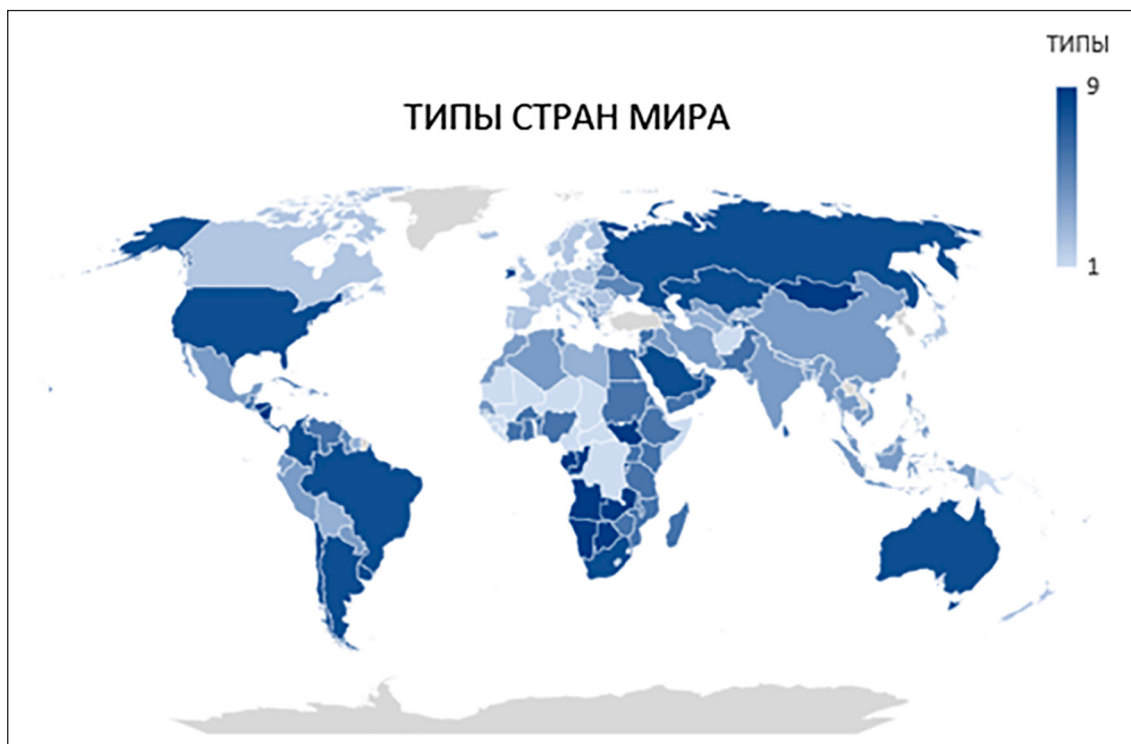
В.В.Вольский в 1968 году дал следующее определение: «тип страны – объективно сложившийся относительно устойчивый комплекс присущих ей условий и особенностей развития, характеризующий её роль и место в мировом сообществе на данном этапе всемирной истории» [3]. А.С. Фетилов в словаре-справочнике «Социально-экономическая география...» уточнил: «Тип в страноведении – устойчивый комплекс особенностей той или иной страны, сложившийся в процессе адаптации её социума к внешним и внутренним условиям развития и определяющий её место и роль в мировом социально-экономическом и политическом сообществе» [4, с.260]. Последняя по времени публикации типология В.В. Вольского (2004 г.) делила страны мира на 4 типа – «экономически развитые», «со средним уровнем развития», «слаборазвитые», и «молодые освободившиеся» [3, с.160]. Важнейшим отличием классических российских классификаций стран от более поздних, в том числе от официальных типологий ООН, было то, что они базировались не на одном, а на множестве критериальных показателей (характеристик).

Кластерный анализ в экономике используется для классификации предприятий, проектов, субъектов рынка труда и других объектов [5,6]. Для целей настоящей работы особое значение имеет использование кластерного анализа в классификации стран

мира и регионов России. В работе Л.М. Григорьева, В.А. Павлюшиной (2018 г.) страны мира делятся на 7 кластеров по одному показателю – ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) [7]. Т.В. Стручкова делит страны на категории по показателям занятости и безработицы) [8]. В подходах большинства отечественных авторов группировка стран производится по одному показателю – ВВП, или по нескольким показателям, относящимся к одной и той же отрасли экономики.

Статистические данные по регионам РФ как правило более доступны, и отличаются высоким качеством, которое гарантирует Росстат. Поэтому типологии и классификации регионов России часто используют многокритериальную версию кластерного анализа. О.А. Доничев, Н.Л. Красюкова, Д.Ю. Фраймович (2011 г.) использовали 15 экономических показателей для разделения субъектов Северо-Кавказского федерального округа РФ на 3 кластера [10]. Л.В. Шамрай-Курбатова, М.В. Леденева (2021) использовали 10 индикаторов и разделили регионы РФ на 8 кластеров по уровню инновационной активности [11]. Также эти авторы произвели группировку регионов по 8 демографическим показателям с выделением и описанием 6 кластеров [12]. А.Г. Кравец и А.А. Кучеренко классифицировали регионы по показателям инвестиционного климата [13]. О.М. Шаталова, Е.В. Касаткина, В.Н. Лившиц классифицировали регионы России по специализации в промышленности [14]. В работе А.В. Кашепова (2024 г.) для кластерного анализа субъектов РФ использовался комплекс 26 экономических и социальных показателей и было выделено 5 типов регионов [15].

Для целей настоящей работы было произведено несколько вариантов расчетов кластерного анализа для 197 стран по 60 социальным, демографическим, экономическим показателям, описанным и проанализированным методами корреляционного и факторного анализа в предшествующих статьях. При выборе наиболее подходящего метода кластеризации одна из проблем состоит в том, что некоторые объекты могут сепарироваться в отдельные кластеры. Например, при работе с регионами РФ Москва одна или с Санкт-Петербургом может составить отдельный кластер, как в работах Л.В. Шамрай-Курбатовой с соавторами [11] и А.В. Кашепова [15].

*Типология стран мира
Источник: составлено автором*

Такая сепарация объектов по принципу «один объект – один кластер» понятна, если эти объекты сильно отличаются от других. Однако это нежелательно, если задача исследования состоит не в поиске уникальных объектов, а в делении стран и регионов на типы для последующего сопоставления. Задача типологизации требует, чтобы в кластерах содержалось если не равное, то сопоставимое число объектов.

Первая волна кластеризации 197 объектов в данной работе производилась на основе 60 показателей, стандартизованных в системе GRETL делением на стандартное отклонение (с пропусками, заполненными заменой на медиану). Расчет кластеров производился в системе STADIA на основе дивизивной (разделительной) стратегии с применением метрик евклидовых расстояний (в том числе нормированных, квадратичных, взвешенных), манхэттенских расстояний, метрики Брея-Кертиса и Канберра. Задавалось разделение объектов на 10, 9, 7 кластеров. В некоторых вариантах расчетов система концентрировала почти все объекты в двух или даже в одном кластере, при этом другие кластеры оставались не наполненными. При этом США, Китай

периодически оказывались в своих кластерах в единственном числе. Был сделан вывод, что использование стандартизованных абсолютных показателей не обеспечивает релевантных результатов кластеризации, не улавливает различий в значимости показателей и масштабе объектов.

Вторая волна расчетов производилась в системе STADIA на основе абсолютных показателей, преобразованных средствами Excel в ранговую форму, с использованием дивизивной стратегии. После перебора вариантов с использованием всех метрик, которые имеются в STADIA, был выбран вариант с наиболее равномерным распределением 197 объектов по 9 кластерам и минимальной, по сравнению с другими, величине средних внутрикластерных расстояний. Это был вариант на основе метрики нормированных евклидовых расстояний. В пределах каждого кластера программа Stadia выделяла наиболее типичный объект (страну). Здесь и далее в тексте они именуются «эталоном». Кластеры, выданные статистической программой, далее именуются «типами». Разработанная таким образом типология представлена в таблице 1 и на рисунке.

Таблица 1

Типология 197 стран мира по результатам кластерного анализа по 60 статистическим показателям

Типы стран	Количество стран	Состав типа	Центр типа (эталон)
1	2	3	4
1 тип	19	Афганистан, Камерун, Центральноафриканская Республика, Чад, Коморские Острова, Демократическая Республика Конго, Экваториальная Гвинея, Эсватини, Гвинея-Бисау, Гаити, Либерия, Мавритания, Мали, Нигер, Папуа – Новая Гвинея, Сьерра-Леоне, Сомали, Того	Гвинея
2 тип	35	Австрия, Бельгия, Болгария, Канада, Хорватия, Кипр, Чешская Республика, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Гонконг, Венгрия, Израиль, Исландия, Италия, Япония, Корея, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Словацкая Республика, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, Соединенное Королевство	Австрия
3 тип	35	Антигуа и Барбуда, Аруба, Багамы, Барбадос, Белиз, Бутан, Боливия, Кабо-Верде, Джибути, Доминика, Фиджи, Гренада, Ямайка, Кирибати, Кыргызская Республика, Лесото, Ливия, Мальдивы, Маршалловы Острова, Микронезия, Науру, Палау, Самоа, Сан Томе и Принсипи, Сейшельские Острова, Соломоновы Острова, Сент Китс и Невис, Сент Лючия, Сент Винсент и Гренадины, Суринам, Тимор-Леште, Тонга, Туркменистан, Тувалу, Вануату	Фиджи
4 тип	23	Алжир, Бангладеш, Камбоджа, Китай, Доминиканская Республика, Эквадор, Индия, Индонезия, Исламская Республика Иран, Ирак, Малайзия, Мексика, Марокко, Мьянма, Непал, Парагвай, Перу, Филиппины, Сенегал, Тайвань, Таиланд, Узбекистан, Вьетнам	Филиппины
5 тип	24	Албания, Андорра, Армения, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Коста-Рика, Сальвадор, Гайана, Греция, Грузия, Иордания, Косово, Ливан, Маврикий, Молдова, Черногория, Северная Македония, Сан-Марино, Сербия, Тринидад и Тобаго, Тунис, Украина, Куба	Албания
6 тип	27	Эритрея, Шри-Ланка, Сирия, Бенин, Буркина-Фасо, Бурунди, Венесуэла, Гамбия, Гана, Гватемала, Египет, Кения, Кот-д'Ивуар, Лаосская Народная республика, Мадагаскар, Малави, Мозамбик, Нигерия, Пакистан, Судан, Таджикистан, Танзания, Уганда, Палестина, Эфиопия, Йемен, Зимбабве	Кения
7 тип	9	Бахрейн, Бруней-Даруссалам, Кувейт, Макао, Оман, Пуэрто-Рико, Катар, Сингапур, Объединенные Арабские Эмираты	Катар
8 тип	14	Аргентина, Австралия, Бразилия, Чили, Колумбия, Ирландия, Казахстан, Панама, Россия, Саудовская Аравия, Южная Африка, Турция, США, Уругвай	Чили
9 тип	11	Ангола, Ботсвана, Республика Конго, Габон, Гондурас, Монголия, Намибия, Никарагуа, Руанда, Южный Судан, Замбия	Замбия

Источник: составлено автором.

В таблицах 2-6 показаны основные экономические и демографические характеристики типов, которые были рассчитаны исходя из группировки абсолютных страновых данных ООН¹, МВФ², МОТ³. Таблицы 3-6, являются продолжением таблицы 2, они имеют единую нумерацию столбцов.

¹ Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. Отдел народонаселения: официальный сайт. URL: <https://population.un.org/dataportal> (дата обращения: 01.08.2025).

² Международный валютный фонд: официальный сайт. Перспективы мировой экономики (World Economic Outlook), April 30, 2025. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO> (дата обращения: 07.08.2025)

³ Международная организация труда, статистический департамент ILOSTAT: официальный сайт. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 05.08.2025).

Таблица 2

Экономические и демографические показатели по типам стран мира

Типы стран	Численность населения в 2023 г., тыс. чел.	Численность населения в 2029 г., тыс. чел.	Численность населения в % от мировой в 2023 г.
	1	2	3
1 тип	333995,3	344554,0	4,2
2 тип	755492,5	759683,0	9,4
3 тип	48687,7	50558,0	0,6
4 тип	4221851,1	4344530,0	52,6
5 тип	148793,6	130486,0	1,9
6 тип	1305926,1	1331420,0	16,3
7 тип	34840,8	38625,0	0,4
8 тип	1058287,3	1085717,0	13,2
9 тип	116261,7	141130,0	1,4
МИР	8024136,2	8226703,0	100,0

Таблица 3

Экономические и демографические показатели по типам стран мира (продолжение)

Типы стран	Номинальный ВВП в 2023 г., млрд долл. (МВФ)	Номинальный ВВП в 2023 г. в % от мирового	Номинальный ВВП на душу населения в 2023 г., долларов
	4	5	6
1 тип	326,0	0,3	976,0
2 тип	31927,4	30,2	42260,4
3 тип	275,5	0,3	5658,7
4 тип	29319,7	27,7	6944,7
5 тип	1206,3	1,1	8106,9
6 тип	2085,1	2,0	1596,6
7 тип	1727,3	1,6	49575,7
8 тип	38543,4	36,5	36420,5
9 тип	297,5	0,3	2558,6
МИР	105708,1	100,0	13173,8

Таблица 4

Экономические и демографические показатели по типам стран мира (продолжение)

Типы стран	ВВП ППС в 2023 г. млрд долл.	ВВП ППС в 2023 г. в % от мирового	ВВП ППС на душу населения в 2023 г., долларов	Сила валюты (отношение номинального ВВП к ВВП ППС) в 2023 г., раз
	7	8	9	10
1 тип	919,9	0,5	2754,2	0,354
2 тип	44870,0	24,4	59391,7	0,712
3 тип	625,0	0,3	12837,2	0,441
4 тип	71420,3	38,8	16916,8	0,411
5 тип	3034,2	1,6	20391,8	0,398
6 тип	7894,0	4,3	6044,8	0,264
7 тип	2814,9	1,5	80793,5	0,614
8 тип	51644,0	28,1	48799,6	0,746
9 тип	876,0	0,5	7534,7	0,340
МИР	184098,3	100,0	22943,1	0,574

Таблица 5

Экономические и демографические показатели по типам стран мира (продолжение)

Типы стран	Площадь стран, тыс. кв. км	Площадь стран в % от мировой	Плотность населения, чел. на 1 кв. км	Число рождений, тыс. чел.	Число рождений в % от мирового	Число смертей, тыс. чел.
	11	12	13	14	15	16
1 тип	10615,2	7,8	31,5	12756,4	9,7	2773,3
2 тип	15464,8	11,4	48,9	6071,4	4,6	7811,9
3 тип	4974,1	3,7	9,8	965,4	0,7	336,6
4 тип	27028,1	20,0	156,2	54851,4	41,7	29926,8
5 тип	1940,2	1,4	76,7	1438,6	1,1	1372,7
6 тип	12653,7	9,3	103,2	38918,0	29,6	9536,9
7 тип	1173,7	0,9	29,7	364,6	0,3	102,4
8 тип	55026,7	40,6	19,2	12618,2	9,6	8647,7
9 тип	6493,8	4,8	17,9	3618,0	2,7	741,8
МИР	135370,3	100,0	59,3	131601,8	100,0	61250,2

Таблица 6

Экономические и демографические показатели по типам стран мира (продолжение)

Типы стран	Число смертей в % от мирового	Сальдо миграции, тыс. чел.	Население трудоспособного возраста (15+), тыс. чел.	Население трудоспособного возраста (15+), в % от мирового	Занятое население, тыс. чел.	Занятое население, в % от мирового
	17	18	19	20	21	22
1 тип	4,5	368,1	161880,1	3,0	93754,8	2,9
2 тип	12,8	2693,34	543441,10	9,9	370121,40	11,3
3 тип	0,5	-18,4	31504,0	0,6	17934,8	0,5
4 тип	48,9	-2660,0	3038994,0	55,6	1806123,6	55,2
5 тип	2,2	-625,8	116660,0	2,1	60695,8	1,9
6 тип	15,6	-2549,2	662025,5	12,1	392538,0	12,0
7 тип	0,2	621,9	39858,8	0,7	27076,2	0,8
8 тип	14,1	1752,6	809759,0	14,8	467145,1	14,3
9 тип	1,2	446,7	63227,0	1,2	36172,7	1,1
	100,0	29,3	5467349,5	100,0	3271562,4	100,0

Источник: составлено автором на основе данных ООН, МВФ, МОТ.

Кластеризация выделила несколько типов «развивающихся» стран. Не все они на самом деле развиваются, то есть имеют положительную динамику экономических и социальных показателей. Некоторые страны стагнируют в экономическом и социальном отношении, в них увеличивается только численность населения. К данной категории относятся 1 тип (наиболее типичный представитель – Гвинея), 3 тип (Фиджи), 6 тип (Кения) и 9 тип (Замбия).

1 тип состоит из 19 наименее развитых государств Африки, Южной Азии, Океании, значительная часть которых расположена

в экваториальной и тропической климатических зонах, часть их территории занимают пустыни. В странах этой группы проживает 4,2% мирового населения, но производится только 0,3% мирового номинального ВВП и 0,5% ВВП ППС. ВВП ППС на душу населения здесь составляет 2754,2 доллара, против 22943,1 доллара в среднем в мире. Здесь рождается почти каждый десятый ребенок (9,7%) и активно растет численность населения. Это демографически растущая зона бедности и отставания в развитии, социально-экономические проблемы которой пытаются решать ООН, Всемирный банк,

ВОЗ и другие международные организации в рамках политики «устойчивого развития». Но пока еще проблемы далеки от своего решения.

Относительно более экономически благополучным из типов, объединяющих развивающиеся страны, с точки зрения ВВП ППС на душу населения, является **3 тип** (эталон Фиджи), объединяющий 35 стран. Это самые малые по площади страны «третьего мира». Подушевой ВВП ППС в среднем по странам этой группы составляет 12837,2 доллара против среднемирового 22943,1 долл. (таблица 4).

В наборе показателей, использованных для кластеризации, не было географического идентификатора «остров». Был индикатор среднегодовой температуры по странам, который полезен для различения объектов по векторам «север – юг» или «экваториальный пояс – умеренный пояс» и показатель величины территории. Тем не менее, в этот кластер вошли многие островные государства тропической и экваториальной зоны, в том числе мировые туристические центры – как Мальдивы. Вероятно, развитию туризма эти страны обязаны своим относительным благополучием, по сравнению с другими развивающимися странами. Сюда вошли также некоторые компактные (небольшие по площади, или населению) континентальные страны: Боливия, Кыргызская Республика, Ливия, Туркменистан. Отметим, что в Туркменистане успешно развивается нефтегазовый сектор, в прошлом он развивался в Ливии, а на Аруба производилась переработка, а сейчас организована перевалка венесуэльской нефти. Это достаточно компактный кластер, здесь живет всего 0,6% мирового населения и производится 0,3% мирового ВВП ППС.

27 стран **6 типа**, типичным объектом которого является Кения, в основном расположены в экваториальной и тропической климатических зонах. Здесь присутствуют такие крупные по численности населения страны как Нигерия, Пакистан, Египет, такие политически проблемные как Палестина, из республик бывшего СССР к этой группе относится Таджикистан. По численности населения этот кластер один из самых крупных – здесь живет 16,3% мирового населения. Однако экономика отстает – на долю 6 типа приходится только 2% номинального ВВП и 4,3% ВВП ППС в мире. Это кластер, в который входят от-

кровенно «депрессивные» в текущий период экономики, поэтому номинальный ВВП здесь сокращается. Здесь самая слабая среди всех типов стран валюта. Соотношение номинального ВВП и ВВП ППС здесь составляет всего 0,264 (таблица 4, столбец 10). Теоретически это могло бы способствовать росту экспорта, но практически в большинстве стран кластера ресурсы для внешней торговли ограничены. Нефтедобыча и переработка сильно развиваются в Нигерии, но в других странах группы они представлена слабо. В то же время население здесь растет в высоком темпе, а число рождений в кластере составляет 29,6% от мирового. Так что этот кластер можно назвать демографически растущей зоной материального неблагополучия.

11 развивающихся стран составляют **9 тип** (эталон – Замбия). Это Монголия в Восточной Азии, Никарагуа в Центральной Америке и 9 стран Африки. Эти страны составляют 1,4% мирового населения, производят 0,3% номинального ВВП и 0,5% ВВП ППС. По многим характеристикам экономики они приближаются к 1 и 6 типам. Здесь самый высокий темп роста населения – согласно прогнозам ООН, в перспективе до 2029 года его численность в кластере может возрасти на 21,4%.

Самый крупный по численности населения **4 тип** (эталон – Филиппины) состоит из 23 стран. В экономическом смысле эти страны можно назвать как «развивающимися», так и «среднеразвитыми». Слаборазвитая Бангладеш здесь скорее исключение из общего правила. Правилom здесь являются быстрорастущие в экономическом отношении Китай, Индия, Иран, Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Тайвань, Таиланд, а также выходящий по численности населения на 2 место среди постсоветских республик Узбекистан. В этом кластере проживают 4,2 млрд чел. – 52,6% населения мира и производится 27,7% мирового номинального ВВП и 38,8% ВВП ППС. Многие из этих стран, особенно Китай, являются активными экспортёрами, поэтому не заинтересованы в укреплении своих валют. Средняя сила валюты стран кластера 0,411. Здесь самая высокая среди типов стран плотность населения – 156,2 чел. на 1 кв. км. Будучи «развивающимися» по большинству экономических показателей, страны кластера являются мировыми лидерами по абсолютным демографическим показателям.

В 2023 г. здесь родилось 54,9 млн детей, это составило 41,7 процента от всей мировой рождаемости. Однако в Китае и ряде других стран население быстро стареет и вслед за этим растет смертность. В 2023 году почти каждый второй умерший в мире (48,9%) приходился на 4 кластер. Хотя некоторые страны этого типа принимают мигрантов, но в целом по кластеру отрицательное сальдо миграции в 2023 г. составило 2,7 млн чел. В краткосрочной и среднесрочной перспективе 4 тип будет достаточно обеспечен трудовыми ресурсами: здесь сосредоточено 55,6% мирового населения трудоспособного возраста (15+) и 55,2% занятого населения – 1,8 млрд работников (таблица 6).

Следующий тип, страны которого в традиционных терминах следовало бы назвать «среднеразвитыми» – **5 тип**, эталонной страной которого является Албания. Здесь распределены представители Латинской Америки, Южной и Восточной Европы. Из бывшего СССР к этому кластеру система STADIA отнесла Армению, Азербайджан, Беларусь и Украину. Страны данного типа концентрируют 1,9% мирового населения и являются единственным кластером в данном исследовании, население которого сокращается. В 2023 г. число родившихся в этой группе стран (1,438 млн) немного превышало число умерших (1,373 млн), но сальдо миграции было отрицательным и составляло 0,6 млн чел. Страны данного типа производят 1,1% мирового ВВП по номиналу и 1,6% по ППС. По ВВП ППС на душу населения они превосходят другие кластеры «развивающихся» стран (20391,8 долл.) и находятся по этому показателю близко к среднемировому уровню (22943,1 долл.).

К **7 типу** (типичный объект – Катар) относятся 9 стран, отличающихся высоким уровнем материального благополучия – торгово-финансовые центры Восточной Азии – Сингапур и Макао и нефтедобывающие страны Персидского залива и других регионов мира. Сюда также входит Пуэрто-Рико, имеющая официальный статус «неинкорпорированной территории США». Прежде страны этого кластера относились к «развивающимся», но потом они превзошли по экономическим параметрам многие «развитые» страны Европы. В «катарском» кластере на 0,9% мировой территории сосредоточено всего 0,4% мирового населения, но производится 1,6% ВВП. Этот кластер лидирует по ВВП ППС на душу населения

(80793,5 долл. в 2023 г. против среднемирового 22943,1 долл.) и в этом смысле является самым «развитым» на планете.

8 тип стран (эталон – Чили) включает развитые и среднеразвитые страны, в том числе Россию, Казахстан, Саудовскую Аравию. В эту группу также вошли США. Мировой лидер США по многим показателям уровня экономического и социального развития превосходит Чили, Россию и другие страны кластера. Тем не менее при комплексной формальной оценке по 60 показателям США относится к этой группе стран. Численность населения стран «чилийской» группы составляет 1,1 млрд чел., то есть 13,2% от общемировой, они занимают 40,6% площади мира и контролируют значительную часть мировых природных ресурсов. Кластер лидирует по производству номинального ВВП (36,5% от мирового) и ВВП ППС (28,1%). Сила валюты в США равна 1, поэтому в целом по кластеру она выше среднего по миру (0,746 против 0,574). По числу родившихся (12,6 млн чел. в 2023 г.) кластер заметно уступает другим крупным типам – четвертому и шестому, по сальдо миграции он несколько уступает второму типу. Но в целом по 8 кластеру демографическая ситуация не отличается от среднемировой.

Наиболее материально благополучными в мире по большинству экономических и социальных показателей являются развитые страны Европы, составившие большинство **2 типа** (эталон – Австрия). Из других частей мира к ним присоединились Канада, Гонконг, Израиль, Япония, Республика Корея и Новая Зеландия. Страны «австрийской» группы концентрируют 755,5 млн чел населения (9,4% от мирового) и занимают 11,4% мировой территории. Плотность населения здесь 48,9 чел. на 1 кв. км., это выше, чем в других кластерах развитых и среднеразвитых стран. Страны 2 типа производят 30,2% мирового номинального ВВП и 24,4% ВВП ППС, уступая по этому показателю только 4 типу с Китаем и Индией и 8 типу с США. По ВВП ППС на душу населения (59391,7 долларов в год) страны 2 типа превосходят все прочие, кроме стран 7 типа. Но поскольку «катарский» 7 тип очень мал по численности населения и прочим абсолютным показателям, то можно сказать, что страны 2 типа – это самый крупный в мире конгломерат высокоэффективных экономик. Страны 2 типа неблаго-

получны с точки зрения демографии. Число рождений здесь составляет 4,6% от мирового, а число смертей 12,8%. Здесь самое большое среди всех типов сальдо миграции (2,6 млн чел. в 2023 г.), так как Европа принимает беженцев и трудовых мигрантов со всего мира. В последние годы миграция во многих странах все больше осознается как политическая проблема. Поэтому можно сказать, что положение в странах 2 группы наиболее ярко отражает глобальное противоречие между экономическим благополучием, демографическим упадком и избыточной миграцией.

Заключение

Таким образом, в продолжение традиций комплексной классификации социально-экономических объектов, в серии из четырех статей была исследована возможность разработки поисковой типологии стран посредством кластерного анализа по экономическим, демографическим, социальным показателям.

Многокритериальный подход, основанный на 60 статистических показателях, позволил не только выстроить основные виды сходства и различия между странами вдоль двух противоположно направленных векторов – экономического благополучия и демографического развития, но и дифференцировать страны по характеристикам роста или стагнации, величины территории, обеспеченности населения медицинскими и образовательными услугами, качественным и калорийным питанием, автомобилями, мобильной телефонией, интернетом и по многим другим признакам.

Было выделено несколько типов стран «неустойчивого» развития, в основном отягощенных быстрым ростом населения и массовой бедностью, которые следовало бы называть «слаборазвитыми», или даже «депрессивными». Но с точки зрения «то-

лерантности» употребление подобных терминов не считается возможным. Кластерный анализ выявил также ряд типов стран, которые не только называются «развивающимися» в официальных документах ООН, но и реально развиваются. Это в первую очередь тип компактных по размеру стран-экспортеров природных ресурсов, но также сюда входят и новые технологические гиганты, как Китай. Несколько типов «средне-развитых» стран представлены как успешными экспортерами природных ресурсов, так и технологическими лидерами. В один из таких типов вошли столь разные страны, как Россия и США. Наиболее благополучный в экономическом и социальном отношении тип состоит из стран Европы и некоторых присоединившихся к ним представителей других континентов.

Возможные перспективы использования разработанной типологии достаточно разнообразны. Главное – как свидетельство того, что многокритериальная комплексная типология стран мира в принципе возможна. Поэтому можно использовать поисковую типологию как первый этап (отправную точку) для разработки экспертами новой версии официальной нормативной типологии. Можно также объединять абсолютные данные по десяткам и даже сотням показателей (при их наличии) в группы по типам регионов, рассматривая это как способ поиска ранее не наблюдавшихся территориальных различий в экономической и социальной сферах современного мира. Прогнозирование переходов стран из одного кластера в другой на основе примененной в этой статье методологии затруднительно, так как каждое повторение кластерного анализа с высокой вероятностью будет давать новую картину. Но само по себе повторение подобных работ на новой статистической базе может быть полезно для понимания изменений, происходящих в мире.

Библиографический список

1. Клименко А.В., Слащев И.С. Кластерный анализ данных // Вестник науки. 2019. Т. 1, № 1(10). С. 159-163. EDN: YSQIXJ.
2. Малова А.С. Основы эконометрики в среде GRETL. М.: ООО «Проспект», 2016. 112 с. ISBN 978-5-392-20334-5. EDN: VMWDQF.
3. Вольский В.В. Избранные сочинения / редкол.: Фетисов А.С. и др.; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва; Смоленск: Ойкумена, 2009. – 376 с. ISBN 5-93520-065-1. EDN: QTVWCJ.
4. Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Смоленск: Ойкумена, 2013. 325 с. ISBN 978-5-93520-083-X.

5. Гичиев Н.С. Кластерный анализ в экономике: теоретический аспект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 8(118). С. 176-186. DOI: 10.26726/1812-7096-2020-8-176-186. EDN: BKPXQG.
6. Боженко С.В., Брут-Бруляко А.А. Кластерный анализ в экономических исследованиях: направления и опыт использования // Вестник Костромского государственного технологического университета. 2008. № 18. С. 35-38. EDN: KVSITN.
7. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 5-29. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-7-5-29. EDN: XTBYLR.
8. Стручкова Т.В., Ротарь Т.С. Ситуация на рынке труда развитых стран: кластерный анализ // Вектор экономики. 2019. № 12(42). С. 46. EDN: NGJKXI.
9. Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. Метод кластеризации регионов РФ с учетом отраслевой структуры ВРП // Прикладная эконометрика. 2016. № 1(41). С. 24-46. EDN: VSELOB.
10. Доничев О.А., Красюкова Н.Л., Фраймович Д.Ю. Кластерный анализ как инструмент оценки социально-экономического развития регионов // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 47(254). С. 39-45. EDN: OJSXEB.
11. Шамрай-Курбатова Л.В., Леденева М.В. Кластерный анализ субъектов РФ по уровню инновационной активности // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 1(54). С. 88-97. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.54.174. EDN: JUDWJI.
12. Леденева М.В., Шамрай-Курбатова Л.В., Столярова А.Н., Чумакова Е.А. Кластерный анализ регионов России по демографическим показателям // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 4. С. 1621-1636. DOI: 10.18334/ce.16.4.114526. EDN: JCLRAW.
13. Кравец А.Г., Кучеренко А.А. Подход к оценке регионального инвестиционного климата и кластерный анализ регионов Российской Федерации // Математические методы в технологиях и технике. 2022. № 3. С. 62-65. DOI: 10.52348/2712-8873_MMTT_2022_3_62. EDN: CMKQPH.
14. Шаталова О.М., Касаткина Е.В., Лившиц В.Н. Кластерный анализ и классификация промышленно ориентированных регионов РФ по экономической специализации // Экономика и математические методы. 2022. Т. 58, № 1. С. 80-91. DOI: 10.31857/S042473880018971-7. EDN: OOBKSN.
15. Кашепов А.В. Экономический рост, занятость и заработная плата в регионах России: динамика и типология // Экономические и социальные проблемы России. 2024. № 4(60). С. 34-62. DOI: 10.31249/espr/2024.04.02. EDN: HTXTJX.

УДК 332.1

Ш. В. Куулар

ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», Кызыл

В. К. Севек

ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», Кызыл, e-mail: vsevek@mail.ru

Л. С-К. Анай-оол

ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», Кызыл

А. Э. Чульдум

ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», Кызыл

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, показатели, анализ, государственная поддержка, инфраструктура, Республика Тыва.

Анализ состояния малого и среднего предпринимательства в Республике Тыва связан с необходимостью выработки стратегии дальнейшего роста и решения возникающих проблем. Развитие малого бизнеса в республике остается одним из ключевых направлений социально-экономического развития региона. Цель исследования – оценка текущего состояния малого предпринимательства в Республике Тыва с применением математических методов для анализа данных по выявлению основных проблем и ограничений и механизма содействия развитию малого бизнеса в регионе. Гипотеза исследования: выявление основных проблем, которые препятствуют развитию малого предпринимательства. Методы исследования: основаны на данных официальной статистики Росстата, на отчетах республиканских министерств экономического развития, промышленности и финансов и на математических методах для выявления особенности функционирования малого бизнеса. Задачи исследования – исследовать текущее состояние сектора малого бизнеса в регионе, выявить тенденции и проблемы. Результаты исследования: на основе данных официальной статистики Росстата выявлено, что в сфере малого бизнеса занято всего 25% экономически активного населения республики. Большая часть предпринимателей сосредоточены в столице республики, что создает угрозу отставания в социально-экономическом развитии сельских территорий.

Sh. V. Kuular

Tuva State University, Kyzyl

V. K. Sevek

Tuva State University, Kyzyl, e-mail: vsevek@mail.ru

L. S-K. Anay-ool

Tuva State University, Kyzyl

A. E. Chuldum

Tuva State University, Kyzyl

ANALYSIS OF THE STATE OF SMALL BUSINESS IN THE REPUBLIC OF TYVA

Keywords: small and medium entrepreneurship, indicators, analysis, government support, infrastructure, Republic of Tyva.

An analysis of the current state of small and medium-sized businesses in the Republic of Tyva requires developing a strategy for further growth and addressing emerging challenges. Small business development remains a key area of socioeconomic development in the republic. The purpose of the study is to assess the current state of small business in the Republic of Tyva using mathematical methods to analyze data to identify the main problems and limitations and a mechanism for promoting the development of small business in the region. Research hypothesis: to identify the key issues hindering small business development. Research methods: based on official statistics from Rosstat, reports from the republican ministries of economic development, industry, and finance, and mathematical methods to identify the specific features of small businesses. The objectives of the study are to examine the current state of the small business sector in the region and identify trends and challenges. Research results: based on official statistics from Rosstat, it was revealed that only 25% of the economically active population of the republic is employed in small businesses. The majority of entrepreneurs are concentrated in the capital of the republic, which poses a risk of lagging behind in the socioeconomic development of rural areas.

Введение

Республика Тыва является одним из регионов Российской Федерации, характеризующихся специфическими социально-экономическими условиями, включая удаленность от центральных районов страны, суровые климатические условия и ограниченный доступ к инфраструктуре. Малое предпринимательство играет важную роль в экономике региона, способствуя созданию рабочих мест, развитию местных рынков и повышению уровня жизни населения. Однако развитие малого бизнеса сталкивается с рядом проблем, таких как нехватка финансовых ресурсов, низкая квалификация кадров и недостаточная поддержка со стороны государства.

Научные исследования посвящены различным аспектам развития малого предпринимательства в Республике Тыва. Среди ключевых работ можно отметить исследования, проведенные учеными Сибирского федерального университета [1, 2], Института экономики и организации промышленного производства СО РАН [3, 4, 5], а также сотрудниками научных центров Республики Тыва [6, 7, 8]. Эти исследования показывают, что малый бизнес в регионе обладает значительным потенциалом для роста, однако требует улучшения условий для своего функционирования.

Одним из направлений исследований является изучение факторов, влияющих на успешность малых предприятий. Это включает анализ влияния макроэкономической среды, инфраструктуры поддержки бизнеса, доступности кредитных ресурсов и качества управления предприятиями. **Цель исследования** – оценка текущего состояния малого предпринимательства в Республике Тыва с применением математических методов для анализа данных по выявлению основных проблем и ограничений и механизма содействия развитию малого бизнеса в регионе.

Материалы и методы исследования

При анализе состояния малого предпринимательства Республики Тыва использовались данные официальной статистики Росстата, годовые отчеты деятельности республиканских министерств экономического развития и промышленности, а также финансов за 2022-2025 гг. с применением математических методов для анализа данных выявления особенностей функционирования

малого бизнеса и предсказания его динамики при изменении каких-либо параметров.

Результаты исследования и их обсуждение

В Республике Тыва функционируют две инновационные инфраструктуры: промышленный парк «Индустриальный парк г. Кызыла», созданный в 2019 г. и Агропромышленный парк «АгроТыва», введенный в 2024 г. Индустриальный парк республики создан в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в г. Кызыле со стратегической направленностью: производство строительных материалов, деревообрабатывающее производство, перерабатывающая промышленность. Форма собственности – государственная. Размер инвестиционной площадки 60 га инженерная инфраструктура (электроснабжение, теплоснабжение, водоснабжение, водоотведение, кондиционирование, интернет), как основы для создания потенциального кластера обрабатывающих производств [1, 9]. По состоянию 29.12.2024 г. сообщалось о 11 резидентах – это подтверждается Агентством инвестиционного развития Тувы [10]. ОАО «Сергиевский текстиль» запустил цех по первичной обработке шерсти с перспективой запустить дополнительную линию для более глубокой переработки сырья. ООО «Селера-Т» выпускает мебель для офиса и дома. На территории парка производят стеновые панели, профнастил, кирпич, кованые изделия, пиломатериалы, арболитовые блоки, тротуарную плитку. Планируется открыть цех по лесопереработке и развитию транспортно-логистических услуг: перевозка и перераспределение грузов, складирование, пассажироперевозки, ремонтное обслуживание транспортных средств.

Агропромышленный парк «АгроТыва» создан в г. Кызыле с целью формирования комплексной агропромышленной площадки [11, 12], как основа будущей точки роста агропромышленного комплекса Республики Тыва. Специализация парка: пищевая перерабатывающая промышленность: мяса, рыбы, овощей и дикоросов. Частная форма собственности – ООО «Управляющая компания «Агросервис17». Вся необходимая инженерная инфраструктура подключена к зданию парка.

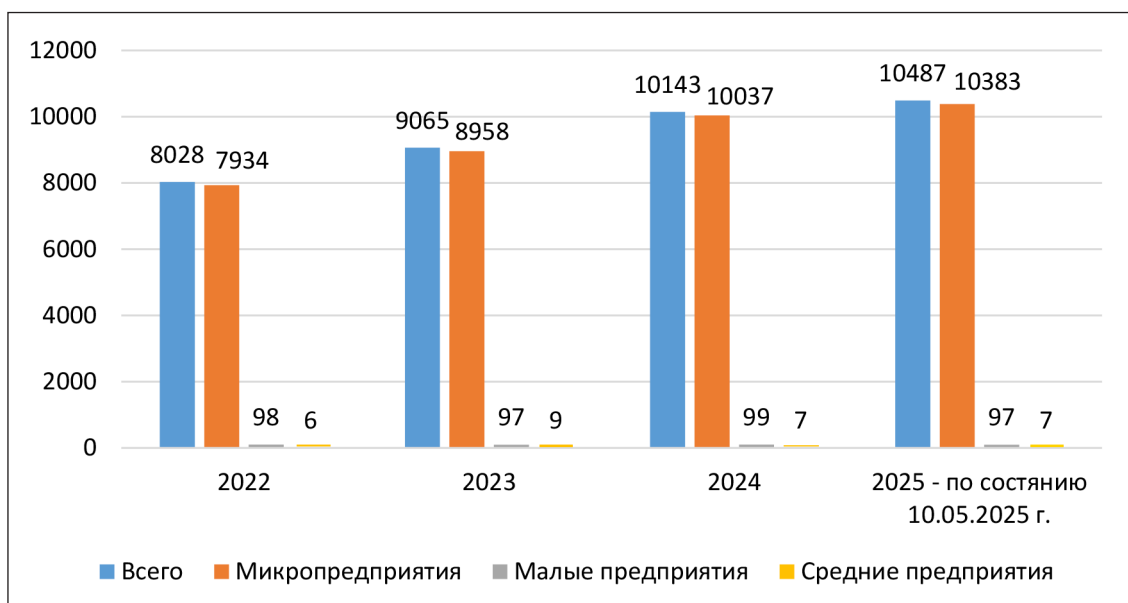

Рис. 1. Количество МСП Республики Тыва за 2022-2025 гг. [13]
Источник: составлен авторами на основе данных Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС России

Общая площадь территории 9,5 га, в агропромышленном парке запланировано разместить 6 резидентов со специализацией переработки мяса, рыбы, овощей и дикоросов.

На основе данных ФНС России ежегодно количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в Республике Тыва увеличивается (рис. 1).

Рост количества МСП в регионе, как ключевого драйвера экономического роста и создания рабочих мест напрямую связан с исполнением республиканских программ:

1. Постановление Правительства Республики Тыва от 12.10.2023 N 748 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Тыва».

Цель программы – создание условий для развития субъектов МСП и производство товаров и услуг на территории республики, увеличение численности занятых в этой сфере, повышение производительности труда. Программа реализуется в 2024-2030 гг.

2. Распоряжение Правительства Республики Тыва от 26.03.2024 №153-р «О развитии малого и среднего предпринимательства в курируемой отрасли экономики и в муниципальных образованиях Республики Тыва в 2024-2025 годах».

Документ направлен на достижение таких результатов, как содействие предприни-

мателям в обеспечении производственными и офисными помещениями, снижение их расходов, повышение устойчивости предпринимательской деятельности, создание новых рабочих мест и снижение уровня безработицы.

По официальным данным Министерства экономического развития и промышленности Республики Тыва и ФНС России на 10.01.2024 г. в МСП занято 32 868 чел., при численности рабочей силы порядка 120-130 тыс. чел. (25-27% экономически активного населения), а доля МСП республики в валовом региональном продукте приходится 5,5% [14].

На рисунке 2 представлены основные отрасли, где у малых предприятий республики больше оборота в млн руб. за 2023 г. [15]

На рисунке 3 представлены основные виды деятельности микропредприятий республики за 2023 г., млн руб. [14]

При сравнении основных видов деятельности малых предприятий (рис. 2) и микропредприятий (рис. 3) можно отметить, что в обоих случаях направления деятельности одинаковые. Привлекательность для МСП сферы торговли, в том числе оптовой и розничной связана с отсутствием больших материальных затрат, доступностью торговых площадей, которых можно взять в аренду в торговых центрах и других объектах.

Рис. 2. Основные отрасли, в которых работают малые предприятия Республики Тыва
Источник: составлен авторами на основе данных Красстата.

Рис. 3. Основные виды деятельности микропредприятий Республики Тыва за 2023 г., млн руб.
Источник: составлен авторами на основе данных Красстата

Активность в сферах ремонта автотранспортных средств и обрабатывающего производства стала возможной поддержкой программ, направленных на создание предприятий производственного характера для развития промышленности и привлечения инвестиций [16, 17], а также льготные целевые займы для промышленных предприятий [18].

Развитость отрасли строительства в МСП республики связана с реализацией в Республике Тыва льготной ипотечной семейной программы под 2% годовых (первая волна 2023-06.2024 гг. и вторая волна 18.03.2025-31.12.2025 гг.) с участием банков ДОМ.РФ и Сбербанк [19] и национальных проектов «Образование», «Здравоохранение», «Культура» и «Безопасные качественные дороги» [20].

Непривлекательность сферы сельского хозяйства субъектам МСП республики связана: с низкой инвестиционной привлекательностью сельских территорий, высокими рисками и отсутствием развитой инфраструктуры; высокой себестоимостью продукции и низкой конкурентоспособностью местных производителей; оттоком молодых и образованных людей с сельской местности; низким уровнем развития социальной инфраструктуры; отсутствием централизованных приемочных пунктов сельскохозяйственной продукции.

Рассмотренные проблемные аспекты ставят выбор среди сельских жителей создавать фермерское хозяйство или разводить скот как личное подсобное хозяйство, где нет плановых задач. На основе данных статистики поголовья скота в республике более 60% всех видов скота принадлежит личным подсобным хозяйствам [21]. Инвестиции в аграрный сектор и развитие системы поддержки местных производителей могут способство-

вать не только улучшению их положения, но и привлечению молодежи в этот сектор, что важно для обеспечения преемственности традиций и дальнейшего прогресса.

Выводы

Республика Тыва относится к регионам малой предпринимательской активности. Для развития новых форм поддержки и создания благоприятной предпринимательской среды необходимы следующие направления:

- стимулирование спроса на продукцию МСП для расширения доступа к государственным закупкам, формирования новых рыночных ниш и содействия развитию кооперации;
- приграничное положение республики, которое создает условия для развития экспортного потенциала малого бизнеса;
- развитие системы заемного финансирования для обеспечения доступности финансовых средств, в том числе через микрокредитную организацию «Фонд поддержки предпринимательства Республики Тыва» и «Гарантийный фонд республики»;
- развитие конкуренции на локальных рынках посредством снижения административных барьеров, которые препятствуют занятию рыночных ниш на региональные и муниципальные рынки товаров, работ и услуг;
- популяризация предпринимательской деятельности за счет создания школьных бизнес-инкубаторов и включения в вариативную часть образовательной программы «Предпринимательские компетенции».

Анализ состояния малого предпринимательства в республике требует постоянного мониторинга и активных действий для преодоления существующих проблем, в контексте с ключевым фактором – поддержки малого бизнеса.

Работа выполнена в соответствии с Планом учебно-научной лаборатории «Региональная экономика» экономического факультета Тувинского государственного университета.

Библиографический список

1. Балакина Г.Ф., Бадарчи Х.Б., Кыргылдай А.Ч. Внешнеэкономическая деятельность и экономический рост в Республике Тыва // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 10. С. 1695-1704. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54674047_62504708.pdf (дата обращения: 15.08.2025).
2. Оюн А.В. Актуальные проблемы развития малого предпринимательства в Республике Тыва // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 4. С. 1375-1388. DOI: 10.18334/ce.15.4.112001.

3. Зарипова Ю.О. Эффекты конвергенции и дивергенции в информатизационном развитии регионов России: эмпирический анализ // ЭКО. 2025. № 3. С. 150-163. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-3-150-163.
4. Руднева В.А., Тарасова О.В. Гость или хозяин тайги: модели поведения крупного бизнеса в малых населенных пунктах Сибири // ЭКО. 2025. № 5. С. 131-151. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-5-131-151.
5. Кравченко Н.А., Агеева С.Д., Иванова А.И. Инвестиции для устойчивого и инклюзивного развития регионов азиатской России: проблемы и перспективы. 2023. № 1. С. 78-98. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-78-98.
6. Донгак Б.А., Монгуш О.Н., Оюн А.О., Ондар С.А. Оценка влияния мер государственной поддержки на развитие малого и среднего предпринимательства Республики Тыва // Наука и бизнес: пути развития. 2024. № 11(161). С. 136-138.
7. Сат С.А. Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Тыва // Региональная стратегия и планирование. 2024. № 6. С. 1023-1044. DOI: 10.24891/re.22.6.1023.
8. Донгак Д.Д. Проблемы и возможности пути развития сферы малого и среднего бизнеса Республики Тыва // Научный аспект. 2024. Т. 12. № 6. С. 1440-1443. [Электронный ресурс]. URL: <https://na-journal.ru/6-2024-ekonomika-menedzhment/12948-problemy-i-vozmojnye-puti-razvitiya-sfery-malogo-i-srednego-biznesa-respubliki-tyva> (дата обращения: 15.08.2025).
9. Промышленный парк «Индустриальный парк г. Кызыл» // Инвестиционный портал Республики Тыва [Электронный ресурс]. URL: <https://ituva.ru/invest/2/> (дата обращения: 15.08.2025).
10. Министерство экономического развития и промышленности Республики Тыва объявляет приём заявок от предпринимателей и инвесторов на присвоение статуса резидента промышленного парка «Индустриальный парк г. Кызыла». [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-118759407_6105?w=wall-118759407_6105&ysclid=mhrqzrs8bs285376510 (дата обращения: 17.08.2025).
11. Агропромышленный парк «АгроТыва» // Инвестиционный портал Республики Тыва [Электронный ресурс]. URL: <https://ituva.ru/invest/3/> (дата обращения: 20.08.2025).
12. Бадарчи Х.Б., Балакина Г.Ф., Монгуш О.Н. Инновационные преобразования в условиях многоотраслевой специализации и этнокультурные особенности населения // Горная промышленность. 2024. № 5. С. 80-85.
13. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства // ФНС России [Электронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=7&ssrf=17&ysclid=mbc0ofjq2e697519438> (дата обращения: 05.08.2025).
14. Компании Республики Тыва // СПАРК интерфейс [Электронный ресурс]. URL: <https://spark-interfax.ru/statistics/region/93000000000> (дата обращения: 15.08.2025).
15. Республика Тыва в цифрах 2023: Стат.сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2024. 168 с.
16. Государственная программа Республики Тыва «Развитие промышленности и инвестиционной политики Республики Тыва на 2024-2030 годы» от 18.10.2023 г. № 752 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mintrud.tuva.ru/sites/default/files/get_pdf/1.09%20MB_0.pdf (дата обращения: 15.08.2025).
17. Kuular Sh.V., Ondar A.V., Sevek V.K., Mongush A.K., Ch and Sat U.V. (2025) Small business management system in agriculture of the Republic of Tyva // BIO Web Conf. International Scientific and Practical Conference “From Modernization to Rapid Development: Ensuring Competitiveness and Scientific Leadership of the Agro-Industrial Complex” (IDSISA 2025). Section Scientific Support for Innovative Development of Livestock Farming and Biotechnology. 09 June 2025. Vol. 179. DOI: 10.1051/bioconf/202517901013.
18. Фонд развития Республики Тыва представил меры поддержки бизнеса на 2025 год // Фонд развития Республики Тыва [Электронный ресурс]. URL: <https://ituva.ru/news/355.html> (дата обращения: 15.08.2025).
19. Консультации по льготной ипотеке под 2% в Кызыле можно получать ежедневно // Официальный портал Правительства Республики Тыва [Электронный ресурс]. URL: <https://rtyva.ru/press/news/5401/?ysclid=mhrsikjjqs794830042> (дата обращения: 15.08.2025).
20. В Правительстве Тувы подвели итоги реализации национальных проектов за 6 лет // Официальный портал Правительства Республики Тыва [Электронный ресурс]. URL: <https://rtyva.ru/press/news/4917/> (дата обращения: 13.08.2025).
21. Сельское хозяйство. Итоги социально-экономического развития Республики Тыва за 2024 год. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPJRJIUfoewruN9PuAw_uQKxFE8iPj_CleZaIij8RtxZWw624FG0PBt4owv-LRn9IPY4hUr35DmleFgwIQzHBkEldAbr0OiCqn3WePJjh4AYnXCOAhDWGmN3o6ID6RQxUy3Fg8kpQCgLGa%3D%3D%3Fsign%3Dsqsps9N6iHUji2XPlv3-5zN2XPeY2i3FnBLMH7SLQYU%3D&name=spravka-itogi-ser-rt-za-2024-g.docx&nosw=1 (дата обращения: 15.08.2025).

УДК 336.648

О. В. Лифановская

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва

С. С. Фешина

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, e-mail: SSFeshina@fa.ru

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ЦИФРОВОМ СЕКТОРЕ НА ПРИМЕРЕ ОПЕРАЦИЙ С ЦИФРОВЫМИ ФИНАНСОВЫМИ АКТИВАМИ: МОНИТОРИНГ И НАДЗОР

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, виртуальные активы, ПОД/ФТ, операторы ЦФА, риск-ориентированный подход, мониторинг, надзор.

В статье представлена характеристика выпуска, учета и обращения цифровых активов. Целью исследования является анализ институциональных механизмов контроля, технологических инструментов мониторинга на основе использования принципов риск-ориентированного подхода в цифровом секторе. В результате исследования выявлены ограничения, препятствующие полноценному внедрению риск-ориентированного подхода, несмотря на имеющуюся базовую правовую инфраструктуру и формализованные требования к участникам рынка в текущей модели цифровых финансовых активов в Российской Федерации. Высокая технологическая открытость цифрового сектора создает предпосылки для внедрения современных инструментов мониторинга и надзора в первую очередь в сфере противодействия отмыванию доходов и финансирования терроризма (ПОД/ФТ). Практическая значимость работы заключается в обосновании перехода к проактивному мониторингу операций в цифровой среде и выстраивания устойчивой модели надзора на основе риск-ориентированного подхода в контексте цифровизации финансовой экономики.

O. V. Lifanovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

S. S. Feshina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: SSFeshina@fa.ru

RISK-BASED APPROACH IN THE DIGITAL SECTOR ON THE EXAMPLE OF OPERATIONS WITH DIGITAL FINANCIAL ASSETS: MONITORING AND SUPERVISION

Keywords: digital financial assets, virtual assets, AML/CFT, digital financial assets, DFAs operators, risk-based approach, monitoring, supervision.

The article presents the characteristics of the issue, accounting and circulation of digital assets. The purpose of the study is to analyze institutional control mechanisms and technological monitoring tools based on the principles of a risk-based approach in the digital sector. As a result of the study, limitations have been identified that prevent the full implementation of a risk-based approach, despite the existing basic legal infrastructure and formalized requirements for market participants in the current model of digital financial assets in the Russian Federation. The high technological openness of the digital sector creates prerequisites for the introduction of modern monitoring and supervision tools, primarily in the field of Anti-Money Laundering and Counter Financing of Terrorism (AML/CFT). The practical significance of the work lies in substantiating the transition to proactive monitoring of operations in the digital environment and building a sustainable supervision model based on a risk-based approach in the context of digitalization of the financial economy.

Введение

Развитие инструментария по работе с информацией, на основе использования вычислительных, компьютерных и других технологий постоянно меняет структуру

экономических отношений и коммуникации между их участниками. Такие процессы привели к появлению качественно новой реальности экономических взаимоотношений – цифровой экономике [2].

Инструменты инвестиционной деятельности» (цифровые финансовые активы (токены)) являются результатом внедрения цифровых технологий в инвестиционные отношения. Преимуществами развития цифровых технологий [4] можно считать снижение экономических издержек, упрощение доступа субъектов экономических отношений на финансовые, фондовые, товарные и иные рынки. Цифровые финансовые активы (ЦФА) существуют в виде записи в одной из информационных систем, имеющих лицензию Банка России. Выпуск, учет и обращение ЦФА происходит на основе блокчейна – технологии распределенного реестра. Данный финансовый инструмент даёт возможность как компаниям, выпускающим ЦФА, так и инвесторам – эмитентам ЦФА, распоряжаться ими, как и имуществом: выпускать, покупать, продавать, обменивать и погашать. Стоит отметить, что ЦФА дают преимущества для повышения инвестиционной активности организаций малого и среднего бизнеса. При ограниченных финансовых возможностях и из-за удобства взаимодействия с инвесторами и гибкости инструмента предприятия малого и среднего бизнеса могут отдать предпочтение ЦФА.

По оценкам рейтингового агентства «АКРА» максимальный объем рынка может достичь 500 млрд руб. на горизонте трех лет (до 2027 года) в умеренно оптимистичном сценарии (ЦФА станут дополнением традиционного рынка долгового финансирования или даже смогут оттянуть на себя часть инвесторов, эмитентов и банковских заемщиков отдельных категорий с учетом наметившейся тенденции использования ЦФА как альтернативы краткосрочному банковскому кредитованию) [12].

Однако, данный вид активов формирует значительные риски в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) по причине своей анонимности, трансграничности и высокой скорости транзакции. [7]. В связи с чем вопросы являются актуальными и нуждаются в серьезном анализе и осмыслении.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным аспектам функционирования рынка виртуальных активов, в российской научной литературе не представлены широко. Научная проблема заключается в недостаточной разработанности методологических подхо-

дов мониторинга и контроля за выпуском, учетом и обращением ЦФА адаптированных к современным условиям функционирования финансового сектора в условиях развития цифровой экономики. Несмотря на наличие отечественной нормативно-правовой базы и международных рекомендаций ФАТФ (FATF, Financial Action Task Force, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег), в российской практике недостаточно исследованы вопросы мониторинга и контроля в цифровом секторе с учетом технологических инноваций и изменяющихся паттернов преступной деятельности [1]. Следует уделить внимание применению риск-ориентированного подхода в цифровом секторе. Его реализация должна учитывать особенности институциональной архитектуры, законодательного регулирования, цифровой зрелости участников и доступности технологических средств мониторинга.

Целью настоящего исследования является анализ характеристик институциональных механизмов контроля, технологических инструментов мониторинга (включая блокчейн-аналитику, систему индикаторов, смарт-рейтингование) в условиях недостаточности нормативных и аналитических средств при реализации надзорной функции. Эти аспекты служат основой для выработки прикладных рекомендаций применения риск-ориентированный подход в цифровом секторе.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют принципы системного подхода в экономической науке, позволяющие рассматривать риск-ориентированный подход сфере цифровой экономики на примере использования принципов риск-ориентированного подхода в методологии мониторинга и надзора за обращением ЦФА с целью обеспечения финансовой безопасности во взаимосвязи с регулятивной средой и технологическими инновациями. Теоретической базой выступают концепции риск-ориентированного подхода в финансовом контроле, международные рекомендации ФАТФ по контролю за ЦФА в целях ПОД/ФТ.

На основе проведенного анализа исследуемых источников были идентифицированы и систематизированы внутренние сильные и слабые стороны нормативной и институциональной модели, а также рас-

смотрены внешние возможности и угрозы, влияющие на устойчивость и результативность применения риск-ориентированного подхода (регуляторных и надзорных решений в цифровом секторе.

Результаты исследования и их обсуждения

Операторы ЦФА – это организации, которые предоставляют инфраструктуру и платформы для выпуска, хранения, передачи и торговли цифровыми финансовыми активами. С 2021 года правовой режим обращения цифровых финансовых активов в Российской Федерации регулируется положениями Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон установил правовой статус таких участников, как операторы информационных систем и операторы обмена цифровых финансовых активов, определил требования к выпуску, обращению и погашению ЦФА, а также закрепил регуляторные полномочия Банка России по ведению реестров и надзору за соответствием участников установленным требованиям [3]. В условиях действующего правового режима, ключевую роль в обеспечении прозрачности и контроля за операциями с ЦФА играют операторы информационных

систем, операторы обмена, а также иные профессиональные участники, вовлечённые в выпуск, хранение и обращение цифровых активов.

В 2025 году на рынке ЦФА функционирует ряд операторов, включая платформы лидеров финансового рынка [11]. Рейтинг платформ приведён табл.1.

Основные функции операторов ЦФА [10]:

- выпуск цифровых активов;
- хранение активов;
- организация торгов и передачи активов;
- соблюдение нормативных требований;
- защита данных и пользователей.

Ключевую роль в обеспечении безопасности и прозрачности работы на рынке ЦФА играют операторы. Реестр операторов обмена ЦФА (или список операторов информационных систем для работы с активами) в РФ утвержден официально. Отвечает за его ведение Центральный Банк России. Операторы информационных систем по выпуску ЦФА в свою очередь предоставляют Центробанку доступ к сведениям о сделках, покупателях и эмитентах.

Преимущества отдельных инструментов перечислены в табл. 2.

Широкое распространение ЦФА в различных отраслях экономики требует переосмысления подходов к регулированию, мониторингу и управлению рисками, связанными с их использованием.

Таблица 1

Рейтинг платформ ЦФА в 2025 году

№ п/п	Оператор информационной системы	Объем размещения, тыс. руб.			
		2023 год	2024 год	2025 год	
				(с 01.01.2025 по 30.09.2025)	Доля, %
1	Альфа-банк	32 741 786	193 296 410	288 344 080	41
2	Мастерчейн	15 116 847	112 125 250	-	-
3	НРД	425 000	19 577 900	134 090 030	19
4	Сбербанк России	1 811 579	14 591 180	82 539 840	12
5	Токеон	433 900	29 539 060	84 319 800	12
6	ВТБ Капитал Трейдинг	-	-	49 925 000	7
7	СПБ Биржа	-	8 629 250	39 082 470	6
8	Атомайз	1 523 682	1 125 070	16 802 750	2
9	Еврофинанс Моснарбанк	100 000	812 650	1 000 000	0
10	ЦФА Хаб	340 000	3 917 700	118 070	0
11	ЛайтХаус	5 785 000	-	-	-

Таблица 2

Преимущества отдельных видов ЦФА

№ п/п	Вид ЦФА	Преимущества
1	Цифровые облигации	– снижают затраты на выпуск за счет оптимизации расходов на андеррайтинг, регистрацию и сопровождение; – упрощают процесс размещения: быстрый выход на рынок, минуя сложные бюрократические процедуры; – доступ к более широкой базе инвесторов включая частных лиц и институциональных игроков, которым ранее было сложно инвестировать, например, в малые предприятия; – более гибкие условия сделки: частота выплаты купонов, графики погашения, автоматическое рефинансирование.
2	Инвестиционные ЦФА	<i>(привязка к базовому активу, которым может выступать недвижимость, сырье, энергетические ресурсы, уникальные товары и драгметаллы)</i> – облегчают дробление актива и повышают его инвестиционную привлекательность; – позволяют выходить напрямую к инвесторам, минуя крупных посредников (банки, биржи).
3	Мотивационные ЦФА	– могут использоваться для создания уникальных мотивационных программ; – поощряют лояльность и вовлеченность к достижениям сотрудников.
4	Цифровые финансовые продукты	– позволяют инвесторам приобретать доли в индексах, не покупая отдельные акции; – упрощают процесс инвестирования; – снижают риски за счет дробления актива.
5	Гибридные цифровые продукты	– открывают инновационные возможности для бизнеса; – дают возможность разработки уникальных продуктов и услуг для клиентов; – позволяют владельцам одновременно получать финансовые выгоды и доступ к конкретным товарам или услугам.

В условиях постоянного роста технологической сложности операций и появления новых моделей цифровой инфраструктуры – включая экосистеме финансовых сервисов, работающих на блокчейне без участия банков и других посредников (DeFi, Decentralized Finance), смарт-контракты, мультицепочные решения и сервисы с повышенным уровнем анонимности – классические надзорные практики оказываются недостаточными. Это определяет необходимость повсеместного внедрения риск-ориентированного подхода, рекомендованного ФАТФ, в практику оценки и регулирования операций с ЦФА как на уровне отдельных субъектов, так и в разрезе отраслевых рисков.

Реализация риск-ориентированного подхода в цифровом секторе должна учитывать особенности институциональной архитектуры, законодательного регулирования, цифровой зрелости участников и доступности технологических средств мониторинга. Однако, несмотря на наличие нормативной базы, действующая модель регулирования носит инфраструктурный, а не риск-ориентированный характер, так как фокусируется преимущественно на допуске

участников к рынку и на соблюдении формальных процедур (например, регистрации платформ), но не обеспечивает комплексной оценки профиля рисков в зависимости от типа операций, отраслевой специфики или уровня анонимности транзакций.

Банк России обладает полномочиями по ведению реестров операторов ЦФА, установлению требований к их внутреннему контролю и раскрытию информации. Однако процедуры оценки рисков операций с ЦФА, сбора аналитических данных о транзакционной активности, а также интеграции надзорных технологий (RegTech) в текущую практику мониторинга на сегодня остаются фрагментарными и методологически не закреплёнными в открытых документах.

Как отмечается в официальной позиции Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ), основным инструментом надзора за операциями с ЦФА должно стать технологическое сопровождение на базе цифровых решений, включая анализ данных на платформах, построение индикаторов отклонений, автоматический аудит смарт-контрактов и применение сценарных моделей контроля [5]. Однако для полноцен-

ной реализации этого подхода требуется не только технологическая инфраструктура, но и методическая база, обеспечивающая адаптацию риск-ориентированного подхода к условиям оборота ЦФА.

Внедрение секторального анализа рисков предполагает дифференциацию участников и операций по уровню угроз. В этой связи представляется необходимым:

- формализовать критерии оценки рисков ЦФА для операторов на уровне подзаконных актов;

- расширить аналитические полномочия надзорных органов (например, наделить их правом доступа к данным распределенного реестра (DLT-данным) и смарт-контрактам в условиях обеспеченного технического интерфейса);

- внедрить автоматизированные инструменты предварительного ранжирования рисков операций (в т.ч. путём создания системы индикаторов с машинной обработкой).

Эти направления создают основу для перехода от формальной регистрации и учёта субъектов – к динамической оценке их рисков поведения, что отвечает рекомендациям ФАТФ по применению риск-ориентированного подхода в отношении виртуальных активов [8, 9].

Одним из ключевых условий внедрения риск-ориентированного подхода в секторе цифровых финансовых активов является использование технологических решений, способных обеспечить автоматизированный, непрерывный и глубинный контроль за операциями, совершаемыми в цифровой инфраструктуре. Учитывая особенности распределённых реестров, смарт-контрактов и высокоскоростной транзакционной среды, традиционные формы надзора оказываются недостаточными для оперативного выявления рисков.

На текущем этапе наибольший потенциал имеют следующие категории инструментов:

- Blockchain-аналитика и визуализация потоков: позволяет отслеживать движение активов в распределённых реестрах, идентифицировать связанные адреса и аномальные транзакционные паттерны. Внедрение таких решений уже реализовано в надзорных практиках США, ЕС и Сингапура [6].

- Рейтингование субъектов и адресов (risk scoring): формирование шкал оценки надёжности участников цифровых сделок по множеству критериев (юрисдикция, история операций, аффилированность, вовлечённость в подозрительные схемы). Такие рей-

тинги могут использоваться для автоматического флажирования рискованных операций.

- Анализ смарт-контрактов на наличие уязвимостей и функций маскировки: инструменты автоматической верификации кода позволяют выявлять контракты, способные скрывать транзакционные цепочки, выполнять несанкционированные действия или управляться извне.

- Системы предиктивной аналитики и сценарного моделирования: на основе накопленных данных и поведенческих моделей возможно построение прогнозов о потенциальных схемах легализации или вывода активов (например, при приближении операций к пороговым значениям или повторяющихся аномалиях).

- Интеграция RegTech-платформ: создание интерфейсов обмена данными между операторами ЦФА, субъектами 115-ФЗ и надзорными органами на основе API (Application Programming Interface), с возможностью подключения к централизованной системе оценки рисков (например, аналог SupTech-решений, внедрённых в ЕС).

В условиях цифровизации финансового сектора важно не просто фиксировать подозрительные операции постфактум, а формировать механизмы раннего предупреждения и предиктивного контроля, встраиваемые в инфраструктуру участников. Это особенно актуально в отношении операций, совершаемых вне традиционного банковского канала – через обменники, DeFi, шлюзы и кроссчейн-платформы, где ручной контроль невозможен.

Применение таких технологий должно сопровождаться методической унификацией: определением перечня индикаторов риска, шкал оценивания, алгоритмов взаимодействия и регламентов верификации. Эти элементы, в свою очередь, могут лечь в основу автоматизированных модулей оценки риска субъектов и транзакций, интегрируемых в систему секторального мониторинга.

Несмотря на нормативное закрепление ключевых понятий и участников рынка цифровых финансовых активов в российском законодательстве, существующая правоприменительная практика демонстрирует ряд существенных ограничений, затрудняющих полноценное внедрение риск-ориентированного подхода в сфере ПОД/ФТ.

Во-первых, сохраняется правовая фрагментарность в отношении цифровых активов и связанных с ними субъектов. Закон

№ 259-ФЗ охватывает исключительно ЦФА, выпускаемые в рамках российских информационных систем, в то время как значительная часть операций осуществляется с использованием криптовалют, токенов иных типов и смарт-контрактов, не подпадающих под действие текущего законодательства. Это приводит к размытости контуров регулирования и невозможности применения единых процедур оценки рисков.

Во-вторых, отсутствует формализованная методика оценки рисков операций с ЦФА с позиции ПОД/ФТ. В отличие от банковского сектора, где разработаны индикаторы, шкалы, регламенты анализа и сценарные модели, для цифровых активов такие механизмы находятся в стадии разработки или используются в ограниченном объеме внутри отдельных структур (например, Росфинмониторинга или ЦБ РФ). В результате мониторинг носит преимущественно реактивный, а не превентивный характер.

В-третьих, техническая оснащенность операторов ЦФА и уровень внедрения RegTech-инструментов остаются крайне неравномерными. Крупные инфраструктурные участники могут использовать элементы автоматизированного контроля, но малые и средние платформы зачастую не располагают необходимыми ресурсами и компетенциями. Это усугубляется отсутствием обязательных требований по внедрению соответствующих решений.

В-четвертых, до настоящего времени не урегулирован порядок доступа надзорных органов к данным в распределённых реестрах, включая механизмы получения информации о транзакциях, логике исполнения смарт-контрактов и управляющих механизмах в децентрализованных протоколах (DAO). Это снижает эффективность расследования операций, имеющих признаки ПОД/ФТ, и увеличивает долю недоступных или неидентифицированных рисков.

Наконец, отсутствует единый формат взаимодействия между операторами ЦФА, финансовыми организациями, субъектами 115-ФЗ и компетентными органами в части обмена данными о рисках и подозрительных операциях. Это ограничивает реализацию системного подхода к управлению рисками и сдерживает развитие горизонтальной координации между участниками.

Совокупность этих факторов указывает на необходимость не только технического и методического развития механизмов оценки, но и институционального укрепления надзорной функции, в том числе через:

- пересмотр нормативных основ регулирования ЦФА с расширением охвата типов активов и участников;
- разработку официальной модели оценки рисков ПОД/ФТ в секторе ЦФА;
- внедрение обязательных RegTech-модулей для операторов и создание платформы обмена аналитическими данными.

Таблица 3

SWOT-анализ практики применения риск-ориентированного подхода к регулированию операций с ЦФА в России

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
– Правовое признание ЦФА и базовая регуляторная рамка (ФЗ № 259-ФЗ) – Наличие регистрируемых операторов под контролем ЦБ РФ – Включение ПОД/ФТ в контур обязанностей операторов – Поддержка внедрения RegTech-инструментов (позиция ЦБ)	– Отсутствие унифицированной методики оценки рисков ПОД/ФТ по ЦФА – Неурегулированность криптовалют и нерегулируемых активов – Недостаточная прозрачность операций на DeFi и кроссчейн-платформах – Фрагментарность правоприменительной практики и ограниченный доступ к данным DLT
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
– Внедрение SupTech/RegTech для предиктивного мониторинга – Расширение перечня субъектов 115-ФЗ на участников ЦФА – Формирование секторальных индикаторов и профилей риска – Координация с международными стандартами (FATF, BIS и др.)	– Увеличение доли нерегулируемых участников и платформ – Трансграничные потоки активов вне юрисдикции РФ – Рост анонимных сервисов и автоматизация противоправных схем – Задержки в нормативной адаптации и слабая институциональная связность

Источник: разработано автором.

Без устранения обозначенных ограничений риск-ориентированный подход в цифровом секторе не сможет выполнять свою функцию как инструмент превентивного мониторинга и системного управления угрозами ПОД/ФТ.

Для обобщения выявленных характеристик текущей системы регулирования цифровых финансовых активов и оценки степени её готовности к внедрению риск-ориентированного подхода целесообразно использовать инструмент SWOT-анализа. SWOT-анализ практики применения риск-ориентированного подхода к регулированию операций с ЦФА в России приведён табл. 3.

SWOT-анализ показывает, что в российской модели регулирования ЦФА уже заложены ключевые элементы для перехода к риск-ориентированной модели надзора: правовая база, институциональное закрепление функций операторов, интерес со стороны регулятора к RegTech-решениям. Однако слабые стороны – в первую очередь отсутствие прикладной методики оценки рисков, ограниченность доступа к данным в децентрализованных инфраструктурах и неохват криптовалют – серьёзно сдерживают эффективность контроля.

Во внешнем контуре главными возможностями выступают интеграция с международными инициативами и цифровизация надзорной деятельности, в то время как угрозы связаны с ростом трансграничных и анонимных операций, а также с опережающим развитием технологий, не охваченных текущим регулированием. Таким образом, таблица подчёркивает необходимость системных изменений в нормативной, методической и технологической плоскости для полноценного внедрения риск-ориентированного подхода в секторе ЦФА.

Заключение

Таким образом, анализ действующей нормативной и институциональной базы регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации показывает, что при наличии базовой правовой инфраструктуры и формализованных требований к участникам рынка в текущей модели сохраняются значительные ограничения, препятствующие полноценному внедрению риск-ориентированного подхода. К числу ключевых барьеров относятся отсутствие унифицированной методики оценки рисков операций с ЦФА, фрагментарность доступа к данным распределённых реестров, ограниченная технологическая оснащённость участников и отсутствие межведомственных каналов обмена аналитической информацией.

Вместе с тем высокая технологическая открытость цифрового сектора создаёт предпосылки для внедрения современных инструментов мониторинга – от RegTech-решений и blockchain-аналитики до систем поведенческого риск-оценивания. Использование этих инструментов требует институционального и методического оформления, в том числе через закрепление обязанностей субъектов по информационному взаимодействию, расширение перечня поднадзорных лиц и формирование единой цифровой платформы управления рисками ПОД/ФТ.

SWOT-анализ подтверждает, что дальнейшее развитие риск-ориентированной модели надзора возможно лишь при условии нормативной детализации подходов к оценке рисков ЦФА, цифровизации регуляторной практики и усиления координации между участниками системы ПОД/ФТ. Это создаёт необходимую основу для перехода к проактивному мониторингу операций в цифровой среде и выстраивания устойчивой модели управления рисками в контексте цифровизации финансовой экономики.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Библиографический список

1. Боташева Л.Х., Лифановская О.В. Перспективные направления совершенствования системы внутреннего контроля в целях ПОД/ФТ/ФРОМУ на предприятиях финансового сектора // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/61FAVN325.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

2. Грачев Е.С. Предпосылки возникновения цифровых акций как финансовых инструментов // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 1(66). С. 177-184. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.66.906.
3. Доровских М.С., Фешина С.С. Использование DE-FI в расчетах с контрагентами: риски и возможности для бизнеса в современных условиях // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17, № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/88ECVN325.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).
4. Зарук Н.Ф., Коломеева Е.С., Перевозчиков К.О. Развитие цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2024. № 6. С. 44-48. DOI: 10.51760/2308-9407_2024_6_44.
5. Ключевская Н. Цифровые права и активы: предложения Банка России по совершенствованию правового регулирования [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/article/1584501> (дата обращения: 20.08.2025).
6. Лучшие инструменты для блокчейн-анализа и как они работают. [Электронный ресурс]. URL: <https://investfuture.ru/articles/luchshie-instrumenty-dlya-blokcheyn-analiza-i-kak-oni-rabotayut> (дата обращения: 20.08.2025).
7. Николаев Д.А. Цифровые финансовые активы и противодействие отмыванию доходов: инфраструктурные решения и регуляторные вызовы // Экономическая безопасность. 2025. Т. 8, № 6. С. 1619-1636. DOI: 10.18334/ecsec.8.6.123467.
8. Руководство по применению риск-ориентированного подхода в надзорной деятельности. Рекомендации ФАТФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-MUMCFM-FATF%20Guidance%20on%20Risk-based%20Supervision.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).
9. Виртуальные активы и провайдеры услуг виртуальных активов. Руководство по применению риск-ориентированного подхода. ФАТФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3LRzKB> (дата обращения: 20.08.2025).
10. Цифровые финансовые активы в России. Информационная среда для профессионалов финансового рынка и инвесторов. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbonds.ru/dfa/> (дата обращения: 20.08.2025).
11. Цифровые финансовые активы и их операторы [Электронный ресурс]. URL: <https://fitconsulting.ru/blog/tpost/dfdlg59ig1-tsifrovie-finansovie-aktivi-i-ih-operato> (дата обращения: 20.08.2025).
12. Чернышова Е. Аналитики допустили рост рынка цифровых активов в России до \$500 млрд. Как может развиваться новый инструмент. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/20/02/2024/65d33f059a79473986e2ff19> (дата обращения: 20.08.2025).

УДК 338.1

М. В. Лысенко

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет, Санкт-Петербург,
e-mail: dec_eib@mail.ru

Ю. В. Лысенко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Уральский филиал,
Челябинск

О. Л. Симченко

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Ижевск

Л. В. Камдина

Челябинский государственный университет, Челябинск

Б. И. Ерашев

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Ижевск

Д. В. Ксенофонтов

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Уральский филиал, Челябинск

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: природно-климатические условия, организационно-правовые механизмы, источники финансирования, развитие региона, ресурсной обеспеченности региона, структурные связи, хозяйственная система региона.

В статье анализируются способы совершенствования организационно-правового механизма государственного регулирования регионального развития, предлагаемые российскими учёными – экономистами и специалистами по государственному управлению. Под действием организационно-экономического механизма снимаются препятствия для социально-экономического роста регионов и стимулируется сам рост. Это ведёт к постепенному преодолению излишнего разрыва в уровне социально-экономического развития разных регионов Российской Федерации. Рассматривается реализация федеральных и региональных инфраструктурных проектов. Анализируются конкретные примеры государственно-частного партнёрства в Мурманской области. В данной статье рассмотрены основные подходы и методы, применяемые для оценки готовности реализации организационно-правового механизма государственного регулирования регионального развития. Выделяются основные элементы анализа готовности к изменениям и предлагаются рекомендации по улучшению формирования организационно-правового механизма государственного регулирования регионального развития на основе передовых подходов. Стоит учитывать, что переход на организационно-правового механизма государственного регулирования регионального развития не прост, и каждый уровень федеральный, региональный, государственно-частное партнерство должно обеспечивать свою деятельность для развития региона.

М. V. Lysenko

St. Petersburg State Forest Engineering University, Department of Economics, St. Petersburg,
e-mail: dec_eib@mail.ru

Yu. V. Lysenko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Ural branch, Chelyabinsk

O. L. Simchenko

Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, Izhevsk

L. V. Kamdina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

B. I. Erashev

Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, Izhevsk

D. V. Ksenofontov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Chelyabinsk,

ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISM FOR IMPROVING STATE REGULATION OF REGIONAL DEVELOPMENT

Keywords: natural and climatic conditions, organizational and legal mechanisms, sources of financing, regional development, resource availability of the region, structural connections, economic system of the region.

This article analyzes methods for improving the organizational and legal mechanism for state regulation of regional development, proposed by Russian economists and public administration specialists. This organizational and economic mechanism removes barriers to regional socioeconomic growth and stimulates growth itself. This leads to a gradual bridging of the excessive gap in the level of socioeconomic development between different regions of the Russian Federation. The implementation of federal and regional infrastructure projects is examined. Specific examples of public-private partnerships in the Murmansk Region are analyzed. This article examines the main approaches and methods used to assess the readiness of the organizational and legal mechanism for state regulation of regional development. Key elements of change readiness analysis are highlighted, and recommendations for improving the formation of the organizational and legal mechanism for state regulation of regional development based on advanced approaches are offered. It is important to note that the transition to an organizational and legal mechanism for state regulation of regional development is not simple, and each level—federal, regional, and public-private partnership—must ensure its activities for the development of the region.

Регионы Российской Федерации в настоящее время в значительной мере различаются по уровню социально-экономического развития, и можно констатировать наличие множества проблем в этой области, несмотря на попытки федеральной российской власти сгладить дифференциацию между ними. С точки зрения ряда российских исследователей, причины этого разрыва в уровнях развития комплексные. Имеются объективные причины, в малой степени зависящие от управленческого воздействия или требующие долгосрочных мероприятий по выравниванию уровня развития между разными регионами, и те, которые поддаются исправлению под влиянием продуманной государственной политики. К первому классу объективных причин относятся природно-климатические условия, особенности пространственного размещения городов и сельских поселений, структура путей сообщения, наличие или отсутствие выхода к морю или к большим рекам, к границе, больших транспортных хабов и пр. Также сюда можно отнести отличия в этнокультурном отношении, а также во всём том, что составляет социально-экономическую специфику: разные уровни развития транспортной сети, доминирование тех или иных отраслей экономики, различия в уровне квалификации рабочей

силы, в объёмах имеющихся у бизнеса капиталов, в размерах налоговых поступлений в региональный бюджет и пр. Ко второй группе причин можно отнести разную степень задействования региональных резервов для развития, которые необходимо открыть на основе научного анализа и научиться реализовывать, что и призвана совершать региональная власть [8].

Именно вторая группа причин, поддающихся коррекции, и интересует авторов данной статьи. В ней будет описано действие некоторых важных организационно-правовых механизмов, которые позволят ускорить развитие регионов, что и приведёт к преодолению излишнего контраста в уровнях их развития в федеральном масштабе.

Основные принципы действия механизма государственного регулирования регионального развития. Этими механизмами, которые будут рассмотрены в данной статье, являются два: стратегическое планирование развития и создание территорий опережающего развития. Оба этих механизма несут в себе диалектическое противоречие, которое каждый раз должно быть творческим образом разрешаться: соблюдение иерархичности в распределении полномочий, с одной стороны, и делегирование ряда полномочий по осуществлению стратегических планов на уровень регионов, с другой стороны [8].

Для осуществления стратегических планов создаётся объёмная и разветвлённая информационно-аналитическая база. Она включает в себя результаты комплексного анализа: (1) источников финансирования региональных проектов, (2) ресурсной обеспеченности региона, (3) структурных связей и зависимостей хозяйственной системы региона как внутри последнего, так и с другим регионами и, наконец, с экономикой РФ в целом, а также другие показатели [4].

Эффективность механизма регулирования развития региона зависит от двух важнейших факторов: (1) от исторически сложившегося комплекса отношений между хозяйствующими субъектами как элементами региональной системы внутри этой системы, а также (2) от комплекса связей этих субъектов со средой, внешней по отношению к регионам [7]. В этой связи можно выделить такую закономерность: если в регионе осуществляется инфраструктурный проект, имеющий общероссийское значение, то к нему привлекаются трудовые и материальные ресурсы (как государства, так и частного бизнеса) со всей РФ. Это и создаёт мультипликационный эффект экономического развития на данной территории в целом. Данная проблематика также рассматривается в предлагаемой статье на примере Мурманской области.

Стратегическое планирование как средство повышения эффективности государственного регулирования развития региона.

В данной статье сначала будет проанализировано стратегическое планирование как организационно-правовой механизм, посредством которого возможно регулирование развития региона. Согласно Закону РФ о стратегическом планировании от 28.06.2014 г., регионы вправе самостоятельно составлять планы своего социально-экономического развития, а также оценивать достигнутые результаты [11]. Также этот закон устанавливает определённые отношения между органами власти, уполномоченными составлять стратегические планы и их осуществлять: субъектами федерации, региональными властями и в ряде случаев – отдельными муниципальными образованиями. Стратегическое планирование предполагает целеполагание, что подразумевает определение приоритетов развития и принятие решений о распределении ресурсов ради достижения поставленных целей [11].

Тем не менее, согласно Р. Шпаковой, создатели закона о стратегическом планировании не прописали механизм оценки недостигнутых целей в процессе реализации планов и корректировки данных планов. В результате оценка результатов уже осуществлённых программ развития регионов была совершена только в 21-м случае из 51-го. При этом лишь в отдельных случаях были проанализированы факторы, повлиявшие на успех или частичную неудачу осуществления данной программы, а также была дана оценка того, по какому сценарию развивалась экономика региона – по инерционному, умеренному или оптимистичному [11, с. 4]. Чаще всего, согласно Р. Шпаковой, региональные органы власти всего лишь сопоставляют плановые и фактические показатели, что «не несёт достаточной смысловой нагрузки» [11].

Имеется ещё один механизм регулирования развития регионов, помимо составления стратегических планов и концентрации ресурсов регионов с целью их реализации. Он подразумевает трансферы из федерального бюджета в региональные с целью обеспечения сбалансированности бюджетов последних, а также кредиты на развитие регионов, которые предоставляются как федеральным бюджетом, так и банками, в том числе и специально созданным для этих целей Всероссийским банком развития регионов [7]. Следует отметить антикризисный характер данных мер, согласно намерениям федерального правительства, что привело к тому, что после 2022 г. важным инвестором в РФ стало само государство [4].

Территории опережающего развития: опыт Мурманска. Другой организационно-правовой механизм, позволяющий ускорить социально-экономическое развитие региона, предусматривает создание свободных экономических зон, в которых действуют специфические налоговые льготы.

В Мурманской области Постановлением Правительства РФ в 2020 г. была создана свободная экономическая зона под названием Территория опережающего социально-экономического развития (ТОР) «Столица Арктики». Эта ТОР объединяет в себе целый ряд хозяйствующих субъектов: Морской торговый порт «Лавна» с возводимым на западном берегу Кольского залива новым угольным терминалом; Центр строительства крупнотоннажных морских сооружений Мурманского отделения компании

«НОВАТЭК»; Морской терминал «Тулума» также на западном берегу залива, на котором будет совершаться перевалка апатитового и литиевого концентрата и др. Также реализуется инвестиционный проект по созданию международного культурно-делового центра на месте бывшей угольной базы рядом с Морским вокзалом г. Мурманска, поскольку после окончания строительства порта «Лавна» именно туда будет перенесена угольная база – данный проект финансируется Корпорацией развития Мурманской области [9]. Участники данной ТОР платят налог на прибыль в 5% вместо 20-ти% в течение первых 5-ти лет, в последующие 5 лет – всего 12%, а также получают освобождение от налога на имущество в течение 5-ти лет и от налога на землю – в течение 3-х лет. На конец лета 2025 г. проекты ТОР «Столица Арктики» привлекли более 260 млрд рублей инвестиций, причём было создано 4200 рабочих мест, а число проектов было расширено до 8-ми [10].

Самостоятельная внешнеэкономическая деятельность регионов: опыт Мурманской области. С.А. Живодрова предложила ещё один организационно-правовой механизм, способствующий совершенствованию механизма регулирования регионального развития. Он состоит в расширении хозяйственной самостоятельности регионов, в том числе в предоставлении им прав самостоятельно осуществлять внешнеэкономическую деятельность [2].

Эти рекомендации учитываются при формировании региональной государственной политики. Так, Министерством развития Арктики и экономики Мурманской области ещё в 2023 г. был разработан региональный проект под названием «Системные меры развития международной кооперации и экспорта». Он входит в качестве составной части в национальный проект «Международная кооперация и экспорт», который осуществляется в масштабе всей РФ. В 2023 году был разработан и внедрён Региональный экспортный стандарт 2.0, который помогает экспортёрам укрепить деловые связи за рубежом в условиях санкций недружественных стран.

Дальнейший материал написан на основе рассказа министра развития Арктики и экономики Мурманской области Светланы Панфиловой мурманским журналистам. С её слов, ещё в 2009 г. был создан Центр поддержки экспорта Мурманской области.

В 2023-2025 гг. он оказывал услуги субъектам малого и среднего предпринимательства, в основном, рыбакам (в 209 случаях). В результате ценные бумаги 4-х таких субъектов разместили на международных электронных торговых площадках, а также было заключено 18 экспортных контрактов на сумму 6,55 млн долларов США [5]. Последствия деятельности этого Центра таковы: за 9 месяцев (январь – сентябрь) 2025 г. мурманские рыбаки поставили на экспорт 123 тыс. тонны рыбы, из них 98 тонн – в Евросоюз, 17,4 тыс. тонн – в Китай, более 4 тыс. тонн – в Южную Корею, а остальные – даже в такие отдалённые страны, как Вьетнам, Алжир, Марокко [3].

Однако при этом существовала проблема, обсуждавшаяся много лет: при том, что значительный объём рыбы, выловленной мурманскими рыбаками, идёт на экспорт, её настолько не хватало в самом Мурманске, что местные рыбоперерабатывающие предприятия переходили на дальневосточное сырьё. Ещё в августе 2023 г. в Мурманском отделении газеты «Комсомольская правда» был собран круглый стол для обсуждения этой проблемы. На него были приглашены и сами рыбаки, и представители как рыбоперерабатывающей промышленности, и чиновники регионального министерства экономики. На этом заседании Владимир Журавлёв (сопредседатель правления Союза рыбопромышленников Севера) объяснил, что главной причиной малого интереса рыбаков Мурманска к сдаче рыбы в родной порт является крайняя изношенность портовой инфраструктуры, возникшая за 90-е гг. XX в. и с тех пор не преодолённая. Также было отмечено, что надежды на частного инвестора, который должен был привести инфраструктуру в порядок, не оправдались [6].

Через год после проведённого Круглого стола государство нашло решение: была заявлено о начале строительства универсального Мурманского морского порта на месте изношенных причалов 70-х гг., который будет предназначен для нужд как рыбаков, так и угольных и металлургических компаний. Проект, который начал реализовываться в феврале 2024 г., предусматривает инвестиции 20 млрд руб., завершение к 2028 г. и полную окупаемость за последующие 10 лет [1].

Таким образом, на примере Мурманской области можно говорить о позитивном опыте совершенствования механизмов

государственного регулирования регионального развития. Смысл этого опыта состоит в выстраивании успешного взаимодействия между государством, бизнесом и гражданским обществом, в результате чего выигрывают все стороны: государство помогает бизнесу в его внешнеэкономической деятельности; в свою очередь бизнес предлагает государству сложный, но единственно приемлемый путь решения заста-

релой проблемы изношенности основных фондов. Государство начинает большой инфраструктурный проект, к которому присоединяется бизнес, и в перспективе этот проект улучшит качество жизни региона в целом. Следовательно, Мурманская область идёт по пути государственно-частного партнёрства, что и позволяет отладить механизмы регулирования регионального развития.

Библиографический список

1. Бородин А. Создание универсального порта в Мурманске обойдется в 20 млрд руб. // РБК. Мурманское региональное приложение. [Электронный ресурс]. URL: <https://murmansk.rbc.ru/murmansk/13/02/2024/65cb741c9a7947cba23b8880> (дата обращения: 13.08.2025).
2. Живодрова С.А. Государственное регулирование регионального развития: понятие, задачи, принципы // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2010. № 4. С. 9-12.
3. Логинов А. Мурман поставил на экспорт 123 тысячи тонн рыбы. 98 тысяч тонн съели европейцы // Северпост: региональный информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://severpost.ru/read/177348/> (дата обращения: 13.09.2024).
4. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Моделирование развития и организация управления экономикой региона в рыночных условиях // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 7. С. 2-9.
5. Панфилова С. За последние 5 лет в Мурманской области объём внешнеторгового оборота увеличился почти на 25%. Мурманская область: инвестиционный портал. Материал от 8.04.2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/519411/> (дата обращения: 13.09.2025).
6. Пашенкова М. Дайте рыбу мурманскому берегу! Почему президент говорит, что надо накормить россиян нашей рыбой, а тысячи тонн улова уходят за границу? // Комсомольская правда, Мурманское региональное приложение. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.murmansk.kp.ru/daily/27546/4812772/> (дата обращения: 13.09.2025).
7. Петросянц В.З., Дохолян С.В., Каллаева А.С. Эконометрическая модель прогнозирования и сценарные варианты модернизации региональной экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. № 1 (14). С. 4-17.
8. Петросянц В.З., Петросянц Д.В., Дохолян С.В., Шахтанова Л.Г. Механизм регулирования регионального развития: особенности формирования и алгоритм реализации // Экономика и управление. 2018. № 8. С. 8-13.
9. Тырцев С. Первая территория опережающего развития создана в Арктике // Международный Арктический Форум. [Электронный ресурс]. URL: <https://forumarctica.ru/news/pervaya-territoriya-operezhayushchego-razvitiya-sozdana-v-arktike/> (дата обращения: 13.09.2025).
10. Тырцев С. Проекты ТОП «Столица Арктики» привлекли более 260 млрд рублей инвестиций. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Материал от 28.08.2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/52370/> (дата обращения: 13.09.2025).
11. Шпакова Р.Н. Стратегии социально-экономического развития регионов: от оценки достижения целей – к оценке эффективности // Вестник Евразийской науки. 2019. № 2. Т. 11. С. 1-7. [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/08ECVN219.pdf> (дата обращения: 14.09.2025).

УДК 330.322

В. В. Нарбут

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва

Е. Р. Безсмертная

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, e-mail: EBezsmertnaya@fa.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Ключевые слова: инвестиционная безопасность, инвестиционная активность, санкции, промышленные предприятия, инвестиции.

В статье представлены результаты анализа инвестиционной активности промышленных предприятий России в период 2022–2024 гг. Выявлены системные изменения в источниках финансирования, отраслевые и структурные дисбалансы, а также трансформация факторов, ограничивающих инвестиционную безопасность. Анализ статистических данных свидетельствует о высоком риске истощения «запаса прочности» ранее начатых проектов и об усилении негативного влияния санкционных ограничений на запуск новых инвестиций. Авторами предложен комплекс целевых мер по стимулированию инновационно-ориентированных инвестиций, дополнительной регуляторной поддержке отраслей с наибольшим падением инвестиций, развитию небанковских инструментов, расширению налоговых преференций и прочих мер, способствующих снижению рисков чрезмерной зависимости от циклических колебаний доходов компаний и бюджетных возможностей государства, ускоренному обновлению основных фондов и учету отраслевой специфики при реализации государственной поддержки.

V. V. Narbut

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

E. R. Bezsmertnaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: EBezsmertnaya@fa.ru

TRANSFORMATION OF INVESTMENT ACTIVITY IN RUSSIAN INDUSTRY UNDER SANCTION CONSTRAINTS

Keywords: investment security; investment activity; sanctions; industrial enterprises; investments.

The article presents the results of an analysis of the investment activity of Russian industrial enterprises in the period 2022–2024. It identifies systemic changes in sources of financing, sectoral and structural imbalances, as well as the transformation of factors that limit investment security. The analysis of statistical data indicates a high risk of exhausting the “safety margin” of previously initiated projects and an increased negative impact of sanctions restrictions on the launch of new investments. The authors propose a set of targeted measures to stimulate innovation-oriented investments, provide additional regulatory support for industries with the greatest decline in investments, develop non-banking instruments, expand tax preferences, and implement other measures to reduce the risks of excessive dependence on cyclical fluctuations in company revenues and government budgetary capabilities, accelerate the renewal of fixed assets, and take into account industry-specific factors when providing government support.

Введение

Современные геополитические вызовы и масштабные санкционные ограничения, введенные в отношении России в 2022–2023 годах, оказали значительное воздействие на инвестиционную деятельность отечественных промышленных предприятий.

В условиях растущей международной напряженности актуальной становится проблема обеспечения инвестиционной безопасности как важнейшего фактора устойчивого развития национальной экономики [1].

Российские промышленные предприятия прошли поэтапную адаптацию к внеш-

ним ограничениям [2]. В первый год введения санкций компании демонстрировали устойчивость инвестиционной активности, однако в 2023 году проявились системные изменения в оценке экономической ситуации и выделении ключевых угроз инвестиционной безопасности.

Второй год санкционного режима характеризовался снижением инвестиционной активности во всех основных отраслях промышленности России [3]. Одновременно происходила адаптация предприятий к новым условиям функционирования. Таким образом, 2023 год стал периодом проявления системных изменений в инвестиционной активности предприятий России.

Наиболее пострадавшими от санкций стали отрасли производства текстильных изделий, кожаных изделий, мебельная промышленность, производство прочих готовых изделий, ремонт и монтаж машин и оборудования, швейная промышленность. Отраслевая неоднородность влияния санкционных ограничений подтверждает необходимость дифференцированного подхода к формированию мер поддержки [4].

Кроме того, произошла трансформация угроз инвестиционной безопасности: ослабление таких факторов риска как влияние экономической ситуации, инвестиционные риски, недостаток собственных средств, и усиление влияния таких факторов, как состояние технической базы предприятий, изменение цен на мировом рынке энергоносителей, курсовая политика.

Изменились источники финансирования и приоритеты инвестирования: предприятия стали реже направлять средства на обновление основных средств, что негативно влияет на их долгосрочную конкурентоспособность [5].

В этих условиях исследование характера влияния санкционных ограничений на инвестиционную деятельность российской промышленности становится важным для разработки эффективной экономической политики [6]. Тенденции снижения инвестиционной активности, трансформация структуры угроз и усиление технологического отставания требуют разработки комплексных мер по укреплению инвестиционной безопасности отечественных промышленных предприятий.

Цель исследования – определение ключевых тенденций и структурных изменений в инвестиционной активности рос-

сийских промышленных предприятий под влиянием санкционного давления, а также разработка практических рекомендаций для повышения устойчивости и инновационной направленности их инвестиционной деятельности.

Материалы и методика исследования

Исследование базируется на данных официальной статистики Росстата за 2022–2024 гг. Анализ выполнен с использованием статистических методов анализа. Рассмотрены следующие показатели:

- доля организаций по источникам финансирования инвестиций в основной капитал;
- отраслевая динамика капитальных вложений;
- распределение факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность;
- группировка предприятий по уровням инвестиционной активности.

Результаты исследования и их обсуждение

Влияние санкционных ограничений на инвестиционную деятельность российской промышленности носит системный характер. Тенденции снижения инвестиционной активности, трансформация структуры угроз и усиление технологического отставания требуют разработки мер по укреплению инвестиционной безопасности.

Первое предложение заключается в необходимости стимулирования запуска новых инвестиционных проектов, а также создание условий для перехода предприятий от модели «инерционных инвестиций» (реализация ранее запущенных проектов) к активной, инновационно-ориентированной инвестиционной деятельности. Такое стимулирование должно быть нацелено на преодоление внешних санкционных ограничений и формирование устойчивого внутреннего инвестиционного климата.

Обоснованием предложения является закономерность изменения инвестиционной активности промышленных предприятий. В 2022 году изменений в инвестиционной активности предприятий не произошло, что указывает на наличие «инерционного эффекта» – инвестиции обеспечивались за счет проектов, начатых до введения санкций. А в 2023 году отмечено снижение инвестиционной активности до 79% [7]. Это свидетельствует о риске истощения «запаса проч-

ности» ранее начатых проектов и об усилении негативного влияния санкционных ограничений на запуск новых инвестиций. Актуальные статистические данные, опубликованные Росстатом [8], свидетельствуют о том, что в 2024 году доля организаций, осуществлявших инвестиции в основной капитал, выросла до 88%. Положительная динамика подтверждается и ростом объема инвестиций в 2024 году на 7,4% до уровня 39,5 трлн. руб. [9]. Этот рост может указывать на восстановление или даже на структурный сдвиг в инвестиционной политике предприятий, несмотря на сохраняющееся внешнее давление. Такой позитивный сдвиг подтверждает эффективность принимаемых мер поддержки, однако требует их закрепления и долгосрочного развития с акцентом на инновационность и технологическую модернизацию.

Усиление инвестиционной активности позволит обеспечить устойчивое обновление основных фондов, повысить технологическую независимость и адаптивность промышленности к внешним вызовам, что соответствует стратегической задаче обеспечения экономической безопасности страны. При этом увеличение инвестиционной активности предприятий в 2024 году можно использовать как «точку роста» для закрепления положительного тренда. В качестве мер поддержки инвестиционной активности можно предложить расширение программ субсидирования, развитие инструментов государственно-частного партнерства, а также адресную поддержку для модернизации и внедрения новых технологий.

Перспективным направлением расширения программ субсидирования является увеличение объемов финансирования существующей программы льготного кредитования производителей приоритетной промышленной продукции [10], которая входит в кластерную инвестиционную платформу, направленную на стимулирование инвестиционной активности и достижение технологического суверенитета страны.

Программа предусматривает кредитование организаций, реализующих инвестиционные проекты в сфере производства приоритетной промышленной продукции, с выделением 1 млрд рублей из федерального бюджета. Финансовые условия включают льготную ставку в размере 30% от ключевой ставки Банка России плюс 3 процентных пункта (при текущей ставке 17% составляет

8,1% годовых) и максимальную сумму кредита 100 млрд рублей.

При текущей ключевой ставке 17% льготная ставка в настоящее время составляет примерно 8,1% годовых. Программа направлена на приобретение, сооружение и монтаж основных средств, строительство и реконструкция производственных объектов, выполнение опытно-конструкторских и проектных работ, приобретение сырья и комплектующих (до 20% от суммы кредита), расходы на запуск производства (до 20% от суммы кредита). Увеличение объема финансирования с 1 млрд. руб. до 15 млрд. руб. при текущем уровне ключевой ставки позволит обеспечить финансирование промышленных предприятий России.

Данные меры создадут стимулы для долгосрочного инвестирования и помогут избежать повторения резкого снижения инвестиционной активности, аналогичного ситуации 2023 года.

Второе предложение связано с мерами по повышению отраслевой устойчивости инвестиционной активности предприятий. Масштабное снижение инвестиционной активности в 2023 году охватило практически все виды промышленной деятельности, при этом наибольший ущерб понесли текстильная, кожевенная, мебельная отрасли, производство готовых изделий и ремонтно-монтажные работы.

В 2024 года в российской промышленности зафиксирована обратная тенденция: общий объем капитальных вложений вырос и способствовал восстановлению инвестиционной активности до уровня до введения санкций.

Несмотря на общее восстановление, отставание сохранилось в ключевых секторах: добыча нефти и природного газа, добыча металлических руд, производство текстильных изделий, кожи и изделий из кожи, лекарственных средств, резиновых и пластмассовых изделий, автотранспортных средств, ремонт и монтаж машин и оборудования. Для этих секторов характерны высокая зависимость от импортного оборудования, критических материалов и устаревшие производственные парки, что требует адресных мер регулирования и стимулирования.

В качестве меры по повышению отраслевой устойчивости инвестиционной активности предприятий можно предложить расширение перечня приоритетных отраслей, указанных в Федеральном законе

«О промышленной политике в Российской Федерации»¹, за счёт включения отраслей с наибольшим падением инвестиций. Это позволит предприятиям получать налоговые льготы (снижение ставки налога на прибыль до 10% на 5 лет) и освобождение от уплаты НДС на ввоз оборудования. Применение адресного пакета мер на законодательной основе позволит компенсировать технологические и финансовые ограничения, обусловленные санкционным давлением, и обеспечит восстановление и дальнейший рост инвестиций в стратегически важных для экономики России отраслях.

Третье предложение связано с преодолением технологического отставания промышленных предприятий. В российской промышленности углубляется технологическое отставание вследствие неравномерного и, в целом, недостаточного уровня инвестиций, которое усугубилось в результате санкционного давления. Такой инвестиционный кризис можно обозначить, как структурный, так как одни компании продолжают развитие, а другие, особенно с исторически низкими инвестициями, теряют конкурентоспособность. Таким образом, в промышленном секторе России в настоящее время наблюдается структурное расслоение промышленных предприятий по уровню инвестиционной активности.

Первая группа предприятий – успешные предприятия, у которых был высокий уровень инвестиционной активности до введения санкций, и они смогли сохранить рост инвестиционной активности после санкций. Вторую группу предприятий можно назвать адаптирующимися предприятиями. Инвестиционная активность таких предприятий до санкций была низкой, но которые получили импульс для развития в новых условиях. Третья группа – это кризисные предприятия, которые изначально имели низкий уровень инвестиционной активности, и после введения санкций активность продолжила снижаться. В результате такого расслоения происходит увеличение технологического разрыва между предприятиями, что, в свою очередь, негативно влияет на конкурентоспособность всей промышленности.

Для решения проблемы может быть предложен дифференцированный подход, направ-

ленный на поддержку отстающих предприятий и стимулирование инвестиций в новые технологии. Ключевыми мерами могут стать:

1. Стимулирование инвестиций через государственные программы:

- Создание целевых льготных кредитных линий и налоговых льгот, особенно для предприятий, осуществляющих модернизацию и закупку отечественного оборудования.

- Расширение и упрощение программ государственно-частного партнерства (ГЧП) в приоритетных и отстающих отраслях.

2. Адресная поддержка предприятий «кризисной» группы:

- Проведение диагностики предприятий кризисной группы для выявления «точек роста».

- Разработка для предприятий кризисной группы индивидуальных программ реструктуризации и модернизации.

3. Создание стимулов для кооперации и трансфера технологий:

- Поощрение создания промышленных кластеров, в которых предприятия успешной группы взаимодействуют с предприятиями кризисной группы в цепочках поставок.

- Субсидирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР).

Предложенные меры носят целевой характер и направлены на преодоление проблемы структурного расслоения промышленных предприятий по уровню инвестиционной активности

Так как эта проблема носит структурный характер, то универсальные решения неэффективны. Льготы и адресная поддержка помогут преодолеть кризис у отстающих предприятий, у которых отсутствуют собственные средства для развития. Это напрямую воздействует на причину технологического отставания – недостаток финансирования.

Третье предложение ориентировано на будущие инвестиции, но с учетом «недостаточных вложений прошлых лет». Оно нацелено на преодоление ситуации, когда низкая инвестиционная активность в прошлом приводит к низкому уровню инвестиций в настоящем.

Четвертое предложение связано с проблемой нестабильности структуры финансирования инвестиций в основной капитал российских промышленных предприятий. В 2023 года в российской промышленности произошло резкое сужение доступных источников финансирования инвестиций в ос-

¹ Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 N 488-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 15.09.2025).

новой капитал, что создало угрозу для технического перевооружения, модернизации и долгосрочной конкурентоспособности промышленных предприятий.

Проблема нестабильности структуры финансирования инвестиций проявилась в следующем:

- Сокращение внутренних источников инвестиций: доля предприятий, использующих собственные средства, снизилась на 10 п.п. (с 86% в 2022 до 76% в 2023). Это свидетельствует о снижении финансовой устойчивости и сокращении нераспределенной прибыли компаний.

- Сжатие рынка заемного финансирования: доля предприятий, использующих кредиты, снизилась на 6 п.п. (с 30% до 24%), что свидетельствует о возросшей стоимости кредитов, ужесточении условий их предоставления или нежелании компаний брать на себя долговые обязательства в условиях неопределенности.

- Рост неопределенности: резкое увеличение доли предприятий, не указавших источник финансирования (с 12% до 21%), является индикатором возросшей неопределенности в планировании и, возможно, поиска нестандартных способов финансирования.

Для преодоления проблемы нестабильности структуры финансирования инвестиций в основной капитал предприятий промышленности можно предложить комплекс мер (таблица 1).

Актуальные статистические данные, опубликованные Росстатом [8], демонстрируют кардинальный разворот негативных трендов 2023 года и адаптацию экономики к новым условиям. Произошел рост доли предприятий, источником финансирования

для которых являются собственные средства с 76% до 85% (рост на 9 п.п.). Наблюдается значительный рост предприятий, использующих кредитные и заемные средства - до 32% (рост на 8 п.п.). Удвоилась доля предприятий, использующих бюджетные средства. Существенно снизилась доля предприятий, не давших ответа. Это указывает на то, что выявленная в 2023 году острая проблема сужения источников финансирования инвестиций в основной капитал в российской промышленности к 2024 году была в значительной степени преодолена. Экономика продемонстрировала адаптивность к санкционному воздействию, найдя новые точки опоры. Однако для долгосрочного устойчивого роста необходимо продолжать реализацию предложенных мер, особенно по развитию небанковских инструментов, чтобы снизить риски чрезмерной зависимости от циклических колебаний доходов компаний и бюджетных возможностей государства.

Пятое предложение связано с проблемой сокращения процесса обновления основных фондов, создавшей риски физического и морального износа производственных мощностей и снижения конкурентоспособности промышленных предприятий. Наиболее сильно сократилась доля предприятий, приобретающих здания и сооружения, что указывает на заморозку масштабных строительных и инфраструктурных проектов. Произошло существенное снижение доли предприятий, покупающих информационное и телекоммуникационное оборудование, а также технологические линии. Это может указывать на трудности с цифровизацией и внедрением комплексных технологических решений.

Таблица 1

Меры по преодолению проблемы нестабильности структуры финансирования инвестиций в основной капитал предприятий промышленности

Предложение	Суть предложения
Стимулирование внутренних инвестиций	Введение инвестиционных вычетов по налогу на прибыль, ускоренной амортизации, а также специальных программ субсидирования процентных ставок по кредитам на конкретные цели
Развитие небанковского финансирования	Развитие рынка облигационных займов для промышленных предприятий. Создание благоприятных условий для привлечения прямых и венчурных инвестиций
Повышение прозрачности и управленческой эффективности	Реализация программ по поддержке корпоративного управления и финансового планирования на предприятиях. Поощрение раскрытия информации об инвестиционных планах

Источник: составлено авторами.

Сокращение затронуло все категории основных средств, что говорит о глубинных проблемах с финансированием, логистикой и планированием в промышленности в целом.

Данные за 2024 год демонстрируют восстановление инвестиционной активности после шока 2023 года. Восстановление до санкционного уровня обновления основных фондов произошло по всем видам основных фондов, кроме сооружений. Показатели 2024 года не только вернулись к уровню 2021–2022 гг., но и в большинстве случаев превысили их. Наибольший рост отмечен в информационном, компьютерном, телекоммуникационном оборудовании (с 45% до 63%), что может указывать на активную цифровую трансформацию промышленности. Стали активно обновляться машины и оборудование (отдельные установки) и транспортные средства. Доля предприятий, приобретающих здания, выросла с 24% до 36%, а комплексы и технологические линии – с 30% до 38%. Это указывает на возобновление не только точечного, но и комплексного обновления промышленного производства. Несмотря на улучшение ситуации с обновлением основных фондов в 2024 году, для закрепления позитивной тенденции и предотвращения будущих кризисов необходимы системные меры.

Одной из мер может стать стимулирование цифровизации производственных процессов посредством развития и субсидирования программ по внедрению промышленного Интернета вещей, больших данных и искусственного интеллекта на производствах, а также создания отраслевых цифровых платформ. Резкий рост инвестиций в IT-оборудование в 2024 году показывает готовность бизнеса к цифровизации. Государственная поддержка ускорит этот процесс и повысит его эффективность.

Обновлению основных фондов, также, может способствовать развитие отечественного станко- и приборостроения, которое можно реализовать через ускоренную реализацию программ импортозамещения в сфере производства сложного технологического оборудования, включая меры налогового и кредитного стимулирования. Зависимость от импортного оборудования была ключевой уязвимостью в 2023 году. Развитие собственной производственной базы снизит эти риски в будущем и обеспечит промышленность доступными основными средствами.

В качестве меры по обновлению основных фондов, можно предложить снижение административных барьеров для строительства, упрощение процедур подключения к инфраструктуре, получения разрешений на строительство и ввод в эксплуатацию новых промышленных объектов. Восстановление доли инвестиций в здания и сооружения в 2024 году все еще отстает от других категорий. Снижение нагрузки сможет способствовать более активному обновлению инфраструктуры.

Шестое предложение связано с системными ограничениями, препятствующими устойчивой инвестиционной активности в промышленности. Период 2022–2023 гг. стал переходом от макроэкономических шоков (общая экономическая ситуация, инфляция, кредитные ставки) к более специфическим и структурным проблемам. В 2024 году сформировалась новая конфигурация угроз, где высокая инфляция стала доминирующим ограничителем, выступая наряду с другими ключевыми факторами.

Для решения данной многоуровневой проблемы необходима система мер, направленная на преодоление каждой группы угроз инвестиционной безопасности (таблица 2).

Предложенный комплекс мер будет способствовать стабилизации инвестиционных процессов в промышленности России и созданию благоприятной среды для инвестиций.

Седьмое предложение связано с наличием отраслевой дифференциации факторов, сдерживающих инвестиционную деятельность в промышленности России. Универсальные меры поддержки не учитывают специфические барьеры, риски и потенциал различных секторов, что снижает эффективность государственной политики и мешает целенаправленному преодолению ограничений в каждой конкретной отрасли.

Разные отрасли промышленности сталкиваются с разными угрозами, сдерживающих их инвестиционную активность. Сырьевые отрасли более чувствительны к мировым ценам, курсовой политике и логистическим ограничениям. Обработывающие производства чаще сталкиваются с проблемами с поставками комплектующих, технологическим отставанием и необходимостью импортозамещения. Высокотехнологичные сектора испытывают дефицит кадров, а также необходимостью финансирования НИОКР.

Таблица 2

Предложения по преодолению угроз инвестиционной безопасности

Проблема	Предложение
Инфляция и неопределенность экономической ситуации	1.1. Адресное регулирование цен на критически важные для промышленности товары (энергоносители, сырье) через механизмы долгосрочных контрактов 1.2. Повышение предсказуемости экономической политики: разработка и публичное объявление детализированного «календаря» регуляторных изменений, налоговых новаций и мер поддержки на среднесрочную перспективу (3-5 лет)
Доступ к финансированию	2.1. Развитие специализированных программ льготного кредитования: расширение проектного финансирования под конкретные инвестиционные проекты с фиксированной льготной ставкой, не привязанной к ключевой ставке ЦБ 2.2. Стимулирование использования небанковских инструментов: создание благоприятных налоговых и регуляторных условий для выпуска корпоративных облигаций, особенно для финансирования проектов в приоритетных отраслях. 2.3. «Инвестиционная амнистия»: предоставление налоговых каникул или существенных вычетов по налогу на прибыль для средств, направляемых на инвестиции в основной капитал
Инвестиционные риски и влияние внешних факторов	3.1. Увеличение объемов и упрощение процедур получения государственных гарантий по инвестиционным кредитам, создание фонда страхования валютных и политических рисков для экспортно-ориентированных проектов. 3.2. Активная поддержка импортозамещения и создания собственной технологической базы: прямое субсидирование НИОКР и создания производств критически важных компонентов

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Предложения по учету отраслевой специфики угроз инвестиционной безопасности промышленности России

Предложение	Суть предложения
Разработка отраслевых инвестиционных паспортов	Для каждой ключевой отрасли промышленности сформировать профиль, включающий: • основные внутренние и внешние инвестиционные ограничения • рекомендованные инструменты господдержки
Создание специализированных финансовых инструментов, учитывающих специфику отрасли	Разработать отраслевые программы финансирования, учитывающие особенности бизнес-циклов и рисков: • для сырьевого сектора – кредиты, учитывающие конъюнктуру мировых рынков • для обрабатывающих производств – льготные лизинговые программы на оборудование и программы поддержки экспорта • для высокотехнологичных отраслей – налоговые вычеты на НИОКР
Реализация целевых программ по развитию отраслевой инфраструктуры	Запуск инфраструктурных проектов, нацеленных на решение ключевых проблем конкретных производств: • для химической промышленности – создание эко-технопарков с общей логистикой и инженерной подготовкой • для IT-промышленности – строительство центров обработки данных и развития сетей 5G • для АПК – развитие логистических хабов

Источник: составлено авторами

Отрасли с высокой капиталоемкостью особенно уязвимы к высоким процентным ставкам и сложности привлечения долгосрочных кредитов. Игнорирование наличия отраслевой дифференциации в угрозах инвестиционной безопасности может привести к тому, что государственная поддержка не дойдет до секторов, в которых она дала бы максимальный эффект.

Для решения проблемы необходима дифференцированная промышленная политика, учитывающая особенности каждой

отрасли промышленности и наличия специфических угроз их инвестиционной активности (таблица 3).

Универсальный подход к формированию инвестиционного климата целесообразно заменить отраслевым подходом, то есть подходом, основанным на учете специфики каждого сектора промышленности. Реализация предложенных мер позволит:

- повысить эффективность бюджетных расходов, направляя ресурсы в те сектора, где они дадут максимальный эффект;

- стимулировать частные инвестиции, создавая понятные и предсказуемые условия для каждого сегмента промышленности;
- обеспечить сбалансированное и устойчивое развитие всего промышленного комплекса страны, преодолевая структурные дисбалансы.

Заключение

Проведённое исследование инвестиционной безопасности российской промышленности в условиях санкционного давления выявило системные изменения в инвестиционной активности предприятий и трансформацию структуры угроз. На основе анализа сформирован комплекс из семи ключевых предложений, направленных на укрепление устойчивости и инновационного потенциала отрасли.

Переход от модели «инерционных инвестиций» к активной инвестиционной политике позволит стимулировать инновационно-ориентированную деятельность. Повышение отраслевой устойчивости до-

стигается путём расширения перечня приоритетных секторов и предоставления адресных льгот. Преодоление структурного расслоения предприятий возможно через дифференцированную поддержку и стимулирование кооперации.

Стабилизация финансирования инвестиционных проектов обеспечивается развитием небанковских инструментов и налоговых преференций. Ускорение обновления основных фондов остаётся фундаментальной задачей. Преодоление системных ограничений требует адресного регулирования ключевых угроз инвестиционной безопасности, а учёт отраслевой специфики при формировании мер поддержки позволит сделать государственную политику более эффективной.

Реализация предложенного комплекса мер создаст устойчивую инвестиционную модель российской промышленности, способную эффективно функционировать в условиях внешних ограничений и обеспечивать долгосрочную конкурентоспособность отечественного производства.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Библиографический список

1. Нарбут В.В., Абдикеев М.Н. Инвестиции в реальный сектор экономики в условиях санкционных ограничений // Экономические науки. 2025. №6 (247). С. 35-44. DOI: 10.14451/1.247.35.
2. Кузык М.Г., Симачев Ю.В. Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г. // Журнал НЭА. 2023. № 3(60). С. 172-180. DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180. EDN: SPDHBN.
3. Симачев Ю.В., Яковлев А.А., Голикова В.В., Городный Н.А., Кузнецов Б.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А. Российские промышленные компании в условиях «второй волны» санкционных ограничений: стратегии реагирования // Вопросы экономики. 2023. № 12. С. 5-20. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-12-5-30.
4. Акуленко Н.Б. Проблемы и перспективы развития промышленного сектора России в условиях экономических санкций // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2023. № 3. С. 155-169. DOI: 10.21686/2413-2829-2023-3-155-169.
5. Пугачев А.А., Балыбина В.Р. Трансформация вектора инвестиционной активности предприятий машиностроения России в условиях кризисной ситуации 2022 года // Вестник ТвГУ. Серия: Экономика и управление. 2022. № 4. С. 91-105. DOI: 10.26456/2219-1453/2022.4.091-105. EDN: JSODXD.
6. Гарибов А.Г., Райлян В.А., Альпидовская М.Л. Инвестиционный процесс в России: проблемы и перспективы в санкционный период // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2024. № 1. С. 98-107. DOI: 10.29025/1994-7720-2024-1-98-107.
7. Росстат. Инвестиционная активность организаций в 2023 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=ИНВЕСТИЦИОННАЯ+АКТИВНОСТЬ+ОРГАНИЗАЦИЙ+> (дата обращения: 10.09.2025).
8. Росстат. Инвестиционная активность организаций в 2024 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=ИНВЕСТИЦИОННАЯ+АКТИВНОСТЬ+ОРГАНИЗАЦИЙ+> (дата обращения: 10.09.2025).
9. Росстат. Инвестиции в основной капитал. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 10.09.2025).
10. Правительство России. Меры Правительства по повышению устойчивости экономики и поддержки граждан в условиях санкций. Льготные кредиты производителям приоритетной продукции. [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/sanctions_measures/category/finance/ (дата обращения: 10.09.2025).

УДК 336.5

П. Д. Ромайкин

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, e-mail: p.romaikin@mail.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАСХОДАМИ БЮДЖЕТОВ НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОРГАНИЗАЦИЮ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: расходы бюджета, трансферты населению, управление расходами, социальная помощь, социальная поддержка, социальный контракт.

В статье на основе положений теорий управления дана содержательная характеристика управления бюджетными расходами на социальную помощь. Показана специфика указанного вида расходов, связанная с наличием различных подходов и форм осуществления социальной помощи, что требует адекватного выбора соответствующих подходов к управлению расходами и форм их организации. На основе полученных теоретических выводов проанализирована существующая практика оказания социальной помощи за счет федерального бюджета. Особое внимание уделено инструменту социальной помощи на основании социального контракта. Сделан вывод, что финансовое обеспечение существующих направлений реализации социального контракта осуществляется с помощью стандартных форм расходов, не соответствующих специфике активационного инструмента. Сформулированные теоретические положения могут стать основой для дальнейших эмпирических исследований, посвященных анализу эффективности осуществляемых в России расходов на оказание социальной помощи населению.

P. D. Romaikin

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: p.romaikin@mail.ru

SUBSTANTIVE FEATURES OF BUDGET EXPENDITURE MANAGEMENT FOR SOCIAL ASSISTANCE AND THEIR IMPACT ON THE ORGANIZATION OF SOCIAL SUPPORT MEASURES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Keywords: budget expenditures, transfers to the public, cost management, social assistance, social support, social contract.

Based on the provisions of management theories, the article provides a meaningful description of the management of budget expenditures on social assistance. The article shows the specifics of this type of expenditure related to the availability of various approaches and forms of social assistance, which requires an adequate choice of appropriate approaches to cost management and forms of their organization. Based on the theoretical conclusions obtained, the existing practice of providing social assistance at the expense of the federal budget is analyzed. Special attention is paid to the instrument of social assistance based on a social contract. It is concluded that financial support for existing areas of social contract implementation is provided using standard forms of expenditure that do not correspond to the specifics of the activation tool. The formulated theoretical provisions can become the basis for further empirical research on the analysis of the effectiveness of social assistance expenditures in Russia.

Введение

Меры социальной помощи, направленные на обеспечение поддержки населения с низким уровнем дохода, являются одной из важнейших составляющих национальных систем социальной защиты в большинстве развитых и развивающихся государств. В Российской Федерации проблематика модернизации системы социальной помощи актуальна ввиду наличия национальных

целей по снижению уровня бедности и сокращению доходного неравенства, поставленных Президентом России в условиях сохраняющейся проблемы невысоких доходов населения [1].

Последнее десятилетие в России характеризовалось расширением архитектуры социальной поддержки (прежде всего – для семей с детьми) и соответствующим стремительным наращиванием расходов на предо-

ставление мер социальной помощи. Объем расходов только федерального бюджета на меры социальной помощи для малоимущих домохозяйств, а также социально-уязвимых категорий граждан составляет более 2,5 трлн руб. ежегодно [2]. Расширение архитектуры социальной помощи и объемов ее финансирования в условиях бюджетных ограничений, характерных для современной экономической ситуации, повышает актуальность теоретического анализа вопросов управления расходами на социальную помощь.

Отметим, что теоретические аспекты управления бюджетными расходами довольно полно раскрыты в научной литературе. Так, существуют исследования посвященные как управлению бюджетными расходами в целом [3], так и основным подходам [4], формам расходов [5] и другим элементам управления ими [6].

Тем не менее, применение указанных положений к отдельным направлениям расходов (в частности, на социальную помощь) остается не до конца изученным. В том числе не учитывается теоретическая специфика различных подходов к концептуальной и инструментальной организации социальной помощи, выделяемых в исследованиях научного сообщества [7]. Отечественные исследователи зачастую сосредоточены или на концептуальном анализе развития более широкой системы социального обеспечения [8] или на оценке эффективности отдельных мер поддержки [9]. В то же время конкретный анализ специфики управления бюджетными расходами на социальную помощь проводился исследователями лишь частично [10,11].

Тем самым, обращает на себя внимание проблема увязки теоретических и практических аспектов управления бюджетными расходами на социальную помощь.

С учетом вышеизложенного **целью настоящего исследования** является раскрытие содержательных особенностей управления бюджетными расходами на социальную помощь, что позволит ликвидировать существующий исследовательский пробел в области синтеза положений теорий управления бюджетными расходами и социальной помощью.

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании на основе метода теоретического синтеза проведено

сопоставление основных элементов теории управления бюджетными расходами и теории управления социальной помощью. Представленные положения актуализированы и дополнены с учетом российской практики организации социальной помощи населению. Автором также использованы такие общенаучные методы, как анализ, классификация, сравнение, обобщение, индукция. Информационной базой исследования послужили зарубежные и отечественные научные публикации, данные об исполнении федерального бюджета, а также аналитические материалы органов власти.

Результаты исследования и их обсуждение

В соответствии с определением, данным А.Г. Грязновой, специфика расходов бюджетов проявляется, помимо прочего, через их отраслевую и видовую составляющие [12]. В этой связи необходимо отметить, что совокупность известных науке и практике мер социальной помощи неоднородна и может различаться как концептуально (так, П. Диньо выделил 3 основных подхода: солидарный, индивидуально-трудовой и активационный [13]), так и по форме организации (основными являются три «модальности» социальных трансфертов: в денежной форме, в натуральной форме, в ваучерной форме [14]). Аналогичное разветвление существует и в теории управления бюджетными расходами. Так, исследователями выделяется три основных подхода: затратный, программно-целевой и проектный [4]. Дискуссия же о формах расходов бюджета является неоконченной, в частности, затруднения вызывает само определение понятия «форма расходов» [11]. На взгляд автора настоящей статьи целесообразно согласиться с позицией М.Л. Васюниной, понимающей под формами расходов внешнее проявление организации расходов [5]. Такой подход отражает особенности категории «форма», как способа существования определенного содержания, которым в данном случае выступает материальная составляющая бюджетных расходов (т.е. сами бюджетные средства).

На основе вышеизложенного и с учетом современных воззрений на структуру теории управления [15] на рисунке 1 автором отражены основные элементы теорий управления бюджетными расходами и социальной помощью.

Рис 1. Основные элементы управления расходами бюджета и социальной помощью
Источник: предложено автором

Тем самым, проведенный через призму основных элементов теории управления синтез положений теорий управления бюджетными расходами и социальной помощью позволяет выделить ключевые содержательные особенности более комплексного управления бюджетными расходами на оказание социальной помощи. В частности, при управлении последними необходимо учитывать неоднородность совокупности мер социальной помощи, т. е. специфику различных подходов и форм ее оказания, что влияет на применимость, результативность и эффективность различных подходов и форм организации самих бюджетных расходов. Так, вопросам применимости основных подходов к управлению расходами бюджетов к мерам помощи с различными характеристиками, вытекающими из указанных на рисунке 1 подходов, посвящена предыдущая работа автора [16]. При этом, если подходы к управлению определяют концеп-

туальные основы организации бюджетных расходов, то конкретное их содержание нельзя рассматривать в отрыве от их формы.

На рисунке 2 автором в схематичном виде продемонстрирована связь между формами бюджетных расходов и формами социальной помощи. Соответственно, принятие управленческих решений по конкретной форме поддержки влечет за собой выбор соответствующей формы бюджетных расходов и необходимость разработки правил их осуществления.

Например, в России на федеральном уровне расходы на предоставление социальной помощи составили в 2024 году около 2,5 трлн руб. При этом только 104 млрд руб. направляется на поддержку в натуральной форме, включая в себя оплату компонентов набора социальных услуг (бесплатный проезд на транспорте и санаторно-курортное лечение) и оплату материально-технических средств для инвалидов.

Рис 2. Взаимосвязь форм расходов бюджета и форм оказываемой социальной помощи
Источник: предложено автором

Остальные же средства направляются в денежной форме, 1,6 трлн руб. из которых – с проверкой нуждаемости по доходам. Ваучерная же форма социальной помощи в настоящее время применяется только в отдельных субъектах Российской Федерации несмотря на определённые зачатки, имеющиеся на федеральном уровне в сфере социального обслуживания [17]. Например, в городе Москве определенные категории граждан имеют право на получение социального сертификата, баллы которого могут потрачены на продукты питания, непродуктовые или детские товары в зависимости от вида сертификата [18].

Тем самым, в настоящее время на федеральном уровне в России создана широкая архитектура социальной помощи, сочетающая в себе категориальный и адресный механизм назначения выплат. Такая схема, на взгляд автора, наиболее близка к солидарному подходу, хотя и не ограничивается им: например, проведение комплексной оценки

нуждаемости получателей социальной поддержки, при которой учитывается «уважительность» причин, по которым гражданин не получал трудового дохода, соответствует базовому принципу индивидуально-трудового подхода (более жесткого к отбору получателей).

Более того, одним из активно развивающихся инструментов социальной помощи в России является социальный контракт, направленный на вывод получателей из зоны бедности и являющийся примером активационного подхода к управлению социальной помощью. Указанный инструмент может быть реализован по четырем направлениям в зависимости от выбора гражданина:

1. поиск работы и трудоустройство – в пользу получателя осуществляется четыре выплаты в размере прожиточного минимума: одна выплата после регистрации в качестве безработного на бирже труда и три выплаты в первые три месяца трудоустройства);

2. предпринимательская деятельность (ПД) – в пользу получателя передаются целевые денежные средства, которые могут быть потрачены на организацию собственного бизнеса;

3. ведение личного подсобного хозяйства (ЛПД) – в пользу получателя передаются целевые денежные средства, которые могут быть потрачены на товары и услуги, необходимые для организации личного подсобного хозяйства;

4. преодоление трудной жизненной ситуации – в пользу получателя передаются целевые денежные средства, которые могут быть потрачены на согласованные с органом социальной защиты товары и услуги.

Совокупные данные о финансировании социального контракта из федерального и региональных бюджетов представлены на рисунке 3.

Как следует из данных рисунка 3, основная доля финансирования в рамках социального контракта приходится на направления ЛПХ (12%) и ПД (72,1%). Трактовка указанных денежных трансфертов с позиции теории социальной помощи представляет определенные затруднения. Так, эти выплаты являются целевыми денежными средствами, т. е. могут быть определены как разновидность ваучерной формы поддержки. Тем не менее, в отличие от направления, связанного с преодолением трудной жизненной ситуации (ТЖС), получаемые денежные средства могут быть направлены

только на инвестиционные цели, а не на текущее потребление, что не позволяет с теоретической точки зрения рассматривать их как классические инструменты социальной помощи. Заметим, что в рамках активационного подхода социальная помощь состоит из двух компонентов: активного, направленного на вывод получателя в зону самообеспечения, и пассивного, направленного на поддержку дохода до периода выхода на самообеспечение. В указанных же направлениях (ПД и ЛПХ) пассивный компонент отсутствует.

В свою очередь, направление, связанное с трудоустройством получателей социальной помощи, также может быть объектом критики с позиции заданных положений теории управления бюджетными расходами на социальную помощь. Отметим, что в данном направлении в явном виде присутствует активный (содействие в трудоустройстве) и пассивный (выплаты за выполнение индивидуального плана) компоненты. Однако правила определения размера пассивной составляющей соответствуют правилам определения таковой в рамках адресной системы поддержки малоимущих, т. е. выплаты назначаются в размере прожиточного минимума. Тем самым, справедливо говорить о выплате дополнительного пособия получателю помощи, однако, в соответствии с целями социального контракта, выплаты должны представлять собой вознаграждение за результат активной деятельности.

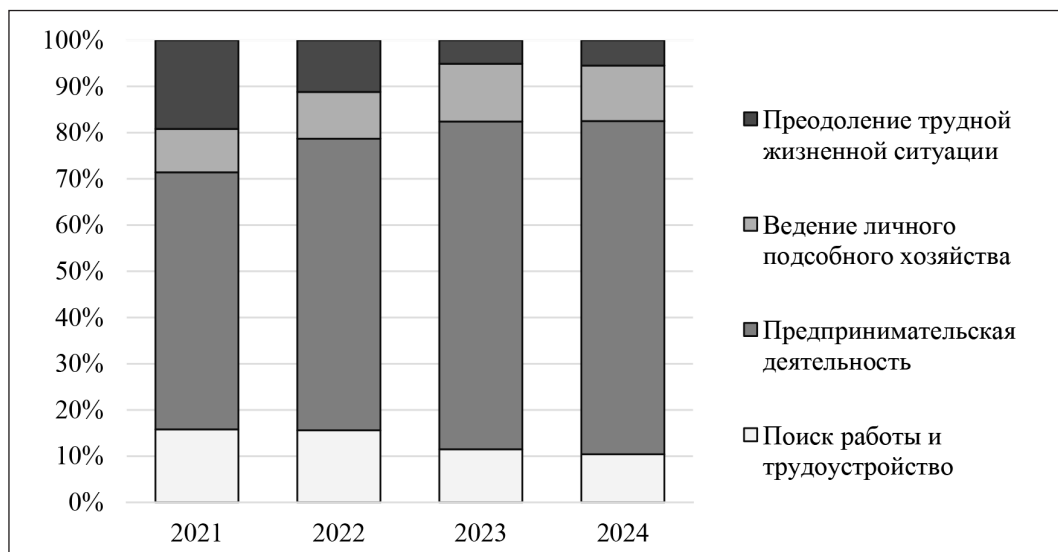

Рис 3. Структура бюджетных средств, направленных на финансирование социальной помощи на основании социального контракта
Источник: составлено по данным Счетной палаты Российской Федерации [19]

Содержательные характеристики различных форм социальной помощи

Форма социальной помощи	Вид инструмента поддержки	Благо, передаваемое получателю	Право выбора у получателя	Формы расходов бюджета (без учета МБТ)
Денежная	Пособие	Денежные средства	Полное	Трансферты населению
	Компенсация	Товары и услуги	Отсутствует	
	Выплата за результат	Денежные средства	Полное	
Натуральная	Товары и товарные наборы	Товар	Отсутствует	Закупка товаров и услуг или субсидии организациям
	Социальные услуги	Услуга	Отсутствует	
Ваучерная	Целевой денежный трансферт	Денежные средства	Ограниченное	Трансферты населению
	Документ, подтверждающий право на товар/услугу	Ваучеры, талоны, сертификаты и др.	Ограниченное	

Источник: составлено автором.

Как следует из построенной автором таблицы, два указанных выше вида инструментов поддержки одинаковы по форме помощи и по форме соответствующих расходов бюджета, а также по отдельным правилам (получатель может без ограничений выбирать, на что тратить полученную помощь).

Однако, если в случае адресных выплат малоимущим, их назначение в размере критерия бедности не вызывает вопросов, то в случае выплат за результат (социальный контракт) их размер должен определяться индивидуально, что соответствует отмечаемой в предыдущей работе проектной природе условных трансфертов [16].

Тем самым, уникальность инструмента социального контракта состоит в фактическом объединении в рамках одного элемента сразу трех разновидностей денежных трансфертов: ваучерная (ТЖС), денежная в виде выплат за результат (трудоустройство) и не являющаяся де-факто пассивной социальной помощью единовременная целевая выплата (ПД и ЛПХ). Указанные содержательные особенности инструмента, как было указано выше, должны определять особенности управления бюджетными расходами, направленными на его финансирование. Тем не менее показано, что относительно новый для российской практики активационный инструмент социальной помощи, несмотря на свою уникальность, вводится с применением уже укоренившихся в других инструментах поддержки форм и правил расходования бюджетных средств.

Тем самым, проведенный теоретический анализ позволил вскрыть проблемы

практического внедрения новых инструментов социальной помощи на примере социального контракта. Выявленные организационные проблемы свидетельствуют о необходимости модернизации существующих в российской практике инструментов активационного подхода с точки зрения их финансирования, что должно стать предметом дальнейших практико-ориентированных исследований, направленных на разработку предложений по уточнению порядка финансирования социального контракта.

Заключение

С учетом вышеизложенного, в работе раскрыты содержательные характеристики управления бюджетными расходами на социальную помощь, базирующиеся на теоретическом синтезе основных элементов управления и позволяющие учесть специфику форм и подходов к социальной помощи при управлении расходами бюджета.

Проведенный на примере российской практики анализ позволил выявить непоследовательность внедрения активационных инструментов социальной помощи и поставить важные практические вопросы, решение которых станет предметом для дальнейших эмпирических исследований

Автор выражает благодарность научному руководителю Тюриной Юлии Габдрашитовне (д.э.н., профессор Кафедры общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации) за содействие при планировании и организации проведения исследования.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 10.08.2025).
2. Федеральный бюджет. Сайт Казначейства России. [Электронный ресурс]. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/federalnyj-byudzheto/> (дата обращения: 10.08.2025).
3. Бегчин Н.А. Современный взгляд на управление расходами бюджетов субъектов федерации // Вестник Финансовой академии. 2010. № 5(59). С. 61. EDN: MUNHTT.
4. Пенчук А.В. Проектный подход: понятие и роль в системе планирования бюджетных расходов // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11, № 4. С. 68–77. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-4-68-77.
5. Васюнина М.Л. Формы бюджетных расходов и их влияние на развитие экономики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 12(150). С. 29–36. EDN: PXCRBL.
6. Балынин, И. В. Управление расходами федерального бюджета на финансирование объектов социальной инфраструктуры // Финансы. 2023. № 2. С. 10–17. EDN: WSBNGG
7. Barrientos A., Malerba D. Social assistance and inclusive growth // International Social Security Review. 2020. Т. 73. №. 3. С. 33–53. DOI: 10.1111/issr.12244.
8. Седова М.Л. Перспективные программы социального обеспечения, финансируемые из публичных источников // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2023. № 3. С. 123. DOI: 10.56584/1560-8816-2023-3-120-128.
9. Гришина, Е. Е., Цапура, Е. А. Влияние системы социальной поддержки на уровень бедности в регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 3. С. 368–377. DOI: 10.19181/lspg.2022.18.3.8.
10. Макашина О.В., Красникова Н.С. Методологические подходы к финансированию государственных расходов на социальную защиту населения // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2021. № 4(50). С. 39. DOI: 10.6060/ivcofin.2021504.565.
11. Хаитов, Г. А. К вопросу о формах расходов бюджета (на примере расходов бюджета на социальное обеспечение) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3(106). С. 53–66. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.27.51.005.
12. Расходы бюджета. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Под общей редакцией А.Г. Грязновой 2002 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/financial-credit/index.htm> (дата обращения: 10.08.2025).
13. Daigneault P.M. Three paradigms of social assistance // Sage Open. 2014. Т. 4, № 4. С. 1–8. DOI: 10.1177/2158244014559020.
14. Hidrobo M. et al. Cash, food, or vouchers? Evidence from a randomized experiment in northern Ecuador // Journal of development Economics. 2014. Т. 107. С. 144–156. DOI: 10.1016/j.jdevco.2013.11.009.
15. Новиков Д.А. Структура теории управления социально-экономическими системами // Управление большими системами: сборник трудов. 2009. № 24. С. 21216–258. EDN: JXQVBJ.
16. Ромайкин П.Д. Особенности, возможности и ограничения применения методов управления бюджетными расходами на социальную помощь населению // Теоретическая и прикладная экономика. 2025. № 2. С. 1–12. DOI: 10.25136/2409-8647.2025.2.74249.
17. Хабаев, С. Г., Крадинов, П. Г. Социальный заказ: оценка политики регионов по внедрению конкурентных процедур определения исполнителя государственных услуг в социальной сфере // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 11. С. 4337–4352. DOI: 10.18334/ce.17.11.119416.
18. Как пользоваться социальным сертификатом. Сайт Мэра Москвы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/otvet-socialnaya-podderjka/kak-polzovatsya-socialnym-sertifkatom/> (дата обращения: 10.08.2025).
19. Бюллетень Счетной палаты № 7 (333) 2025 г. Сайт Счетной палаты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-7-2025> (дата обращения: 10.08.2025).

УДК 336.018

А. А. Смирнова

ФГБОУ ВО Ярославский государственный технический университет, Ярославль,
e-mail: smirnovaaa@ystu.ru

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЫБОРА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: финансовая грамотность; поведенческие финансы; цифровизация экономики; рациональный выбор; когнитивные искажения; экономическое поведение.

В статье исследуются взаимосвязи между уровнем финансовой грамотности, цифровой активностью и рациональностью экономического поведения студенческой молодёжи в условиях цифровизации экономики. Эмпирическая база основана на данных анкетного опроса 342 студентов вузов Ярославской области, обработанных с применением методов корреляционного и логит-регрессионного анализа. Полученные результаты показали, что когнитивные знания и цифровая вовлечённость образуют взаимодополняющую систему факторов, оказывающих комплексное влияние на формирование рациональных моделей финансового поведения. Средние значения когнитивного, поведенческого и цифрового индексов составили соответственно 0,64, 0,46 и 0,71, что отражает структурный дисбаланс между знанием, практическими навыками и технологическим использованием финансовых инструментов. Анализ данных выявил статистически значимую положительную связь между когнитивным и цифровым индексами ($r = 0,41$; $p < 0,01$) и отрицательную зависимость между уровнем знаний и импульсивным потреблением ($r = -0,36$; $p < 0,01$). Совместное воздействие когнитивного и цифрового факторов повышает вероятность ведения бюджета и наличия резервного фонда на 10–15%. Установлено, что цифровизация финансовой среды способствует укреплению рациональности экономических решений и расширяет возможности самостоятельного управления личными финансами. Сделан вывод о необходимости развития цифровых экосистем и аналитических сервисов, способствующих повышению осознанности, финансовой дисциплины и устойчивости домохозяйств в современной экономике.

A. A. Smirnova

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, e-mail: smirnovaaa@ystu.ru

FINANCIAL LITERACY AND BEHAVIORAL ASPECTS OF ECONOMIC CHOICE AMONG STUDENTS IN THE CONTEXT OF ECONOMIC DIGITALIZATION

Keywords: financial literacy; behavioral finance; economic digitalization; rational choice; cognitive biases; economic behavior.

The article examines the relationship between the level of financial literacy, digital activity, and the rationality of economic behavior among students in the context of the digitalization of the economy. The empirical basis of the study is formed by a survey of 342 university students in the Yaroslavl region, analyzed using correlation and logistic regression methods. The findings indicate that cognitive knowledge and digital engagement constitute a complementary system of factors that jointly influence the formation of rational models of financial behavior. The average values of the cognitive, behavioral, and digital indices amounted to 0.64, 0.46, and 0.71, respectively, reflecting a structural imbalance between knowledge, practical skills, and technological use of financial tools. The analysis revealed a statistically significant positive correlation between the cognitive and digital indices ($r = 0.41$; $p < 0.01$) and a negative relationship between the level of knowledge and impulsive consumption ($r = -0.36$; $p < 0.01$). The combined effect of cognitive and digital factors increases the probability of budgeting and maintaining a reserve fund by 10–15%. It was found that the digitalization of the financial environment strengthens the rationality of economic decision-making and expands opportunities for autonomous personal finance management. The study concludes that the development of digital financial ecosystems and analytical services contributes to greater financial awareness, discipline, and the economic sustainability of households in the modern economy.

Введение

Финансовая грамотность является ключевым элементом экономического поведения индивидов и домохозяйств, определя-

ющим способность рационально распределять доходы, принимать обоснованные решения в сфере потребления, сбережений и инвестиций, а также формировать устой-

чивые модели экономического выбора. В условиях цифровизации экономики данный аспект приобретает особую значимость, поскольку цифровая среда существенно изменяет механизмы взаимодействия субъектов с финансовыми институтами, расширяет доступ к инструментам управления личными финансами и одновременно усиливает влияние поведенческих искажений, свойственных экономическим агентам.

Молодёжь, как социально-экономическая группа, находится на этапе формирования устойчивых финансовых установок и стратегий экономического поведения. Уровень её финансовой грамотности и склонность к рациональному выбору определяют будущие модели функционирования домохозяйств, структуру частных сбережений и инвестиционную активность. Поведение студентов, активно вовлечённых в цифровую экономику, отражает характерную для нового поколения комбинацию высокой цифровой компетентности и ограниченной финансовой самодисциплины, что формирует риск несбалансированных решений в сфере потребления и сбережений.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между высокой цифровой вовлечённостью молодёжи и недостаточной устойчивостью её финансового поведения. С одной стороны, цифровая экономика создаёт предпосылки для роста финансовой самостоятельности и снижения транзакционных издержек; с другой – усиливает вероятность импульсивного потребления, краткосрочных стратегий и переоценки личной финансовой устойчивости. В этих условиях важно выявить закономерности влияния когнитивных знаний и цифровых факторов на экономический выбор молодых потребителей.

Исследование базируется на гипотезе о том, что уровень финансовой грамотности оказывает статистически значимое влияние на рациональность финансового поведения, а сочетание когнитивных и цифровых компетенций усиливает склонность к экономически целесообразным решениям.

Цель исследования заключается в анализе взаимосвязей между финансовой грамотностью, цифровой активностью и поведенческими аспектами экономического выбора студенческой молодёжи, а также в оценке факторов, определяющих вероятность рационального финансового поведения в условиях цифровизации экономики.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужили результаты анкетного опроса, проведённого в феврале–марте 2024 года среди 342 студентов высших учебных заведений Ярославской области. Отбор респондентов осуществлялся методом квотно-стратифицированного сэмплирования, что обеспечило репрезентативность выборки по направлениям подготовки (экономическое, инженерно-техническое и гуманитарное), курсу обучения и форме занятости.

Анкетирование проводилось в онлайн-формате с использованием платформы Yandex Forms при обязательном информированном согласии участников. Инструментарий исследования включал 38 вопросов, охватывающих основные параметры финансовой грамотности и поведения в цифровой среде. Вопросы имели дихотомический и шкальный формат, реализованный на пятибалльной шкале Лайкерта. Анкета была структурирована по четырём направлениям анализа: оценка когнитивных знаний в области финансов, исследование практических моделей финансового поведения, изучение инвестиционно-налоговой активности и интенсивности использования цифровых финансовых сервисов. Проверка внутренней согласованности измерительного инструментария показала высокий уровень надёжности: коэффициент α Кронбаха составил 0,82 для когнитивного блока и 0,79 для блока практических навыков, что подтверждает устойчивость и воспроизводимость полученных данных.

Статистическая обработка и моделирование выполнены с использованием пакета IBM SPSS Statistics 28. На первоначальном этапе проведена описательная статистика, включающая расчёт средних значений, стандартных отклонений и долей респондентов по каждому компоненту финансовой грамотности. Далее был осуществлён корреляционный анализ для выявления взаимосвязей между когнитивными, поведенческими и цифровыми индексами, что позволило оценить степень сопряжённости между знаниями, практическими навыками и цифровой активностью. На заключительном этапе реализовано моделирование ассоциативных связей с применением логит-регрессий, в которых зависимыми переменными выступали показатели рационального финансового поведения (ведение бюджета и наличие резервного фонда), а независи-

мыми – интегральные индексы когнитивных знаний и цифровой вовлечённости, а также их взаимодействие. Такой подход обеспечил возможность количественной проверки гипотезы о влиянии сочетания когнитивных и цифровых факторов на вероятность рационального экономического выбора.

Методологическую основу исследования составили системный и поведенческий подходы, позволяющие рассматривать финансовую грамотность как интегративную характеристику рациональности экономического поведения. В рамках данного подхода когнитивный компонент интерпретируется как база аналитического восприятия финансовой информации, цифровой – как инструмент её реализации в экономической практике, а поведенческий – как отражение способности к саморегуляции и долгосрочному планированию. Комбинация указанных методологических позиций обеспечила целостное понимание механизмов формирования рационального финансового поведения студенческой молодёжи в условиях цифровизации экономики.

Результаты исследования и их обсуждение

Финансовая грамотность в современных экономических исследованиях рассматривается как совокупность когнитивных и поведенческих характеристик, обеспечивающих способность индивида принимать рациональные решения в сфере распределения доходов, сбережений, инвестиций и потребления. В условиях цифровизации экономики этот феномен трансформируется, включая умение использовать цифровые финансовые инструменты и платфор-

менные сервисы при управлении личными финансами, оптимизации транзакционных издержек и формировании финансовой устойчивости [1, 7, 8].

Результаты отечественных и зарубежных исследований показывают, что уровень финансовой грамотности молодёжи остаётся неоднородным, несмотря на расширение доступа к цифровым источникам информации и финансовым приложениям. Анализ статистических данных подтверждает наличие пробелов в понимании базовых экономических категорий, особенно в области долгосрочного финансового планирования, сбережений и инвестиционных решений [2]. При этом молодёжь демонстрирует высокий уровень цифровой вовлечённости, но её активность часто ограничивается операциями транзакционного характера, не сопровождающимися развитием навыков рационального финансового анализа и управления рисками [3, 4].

Большинство современных работ базируется на поведенческом и эмпирическом подходах, позволяющих оценить структуру экономического выбора и степень рациональности принимаемых решений. Наиболее распространёнными инструментами остаются анкетирование, корреляционный и регрессионный анализ, обеспечивающие выявление статистически значимых связей между когнитивными знаниями, цифровыми навыками и элементами финансового поведения. Такой подход позволяет рассматривать финансовую грамотность не как образовательный результат, а как фактор, определяющий вероятность рационального выбора в условиях ограниченных ресурсов и информационной асимметрии.

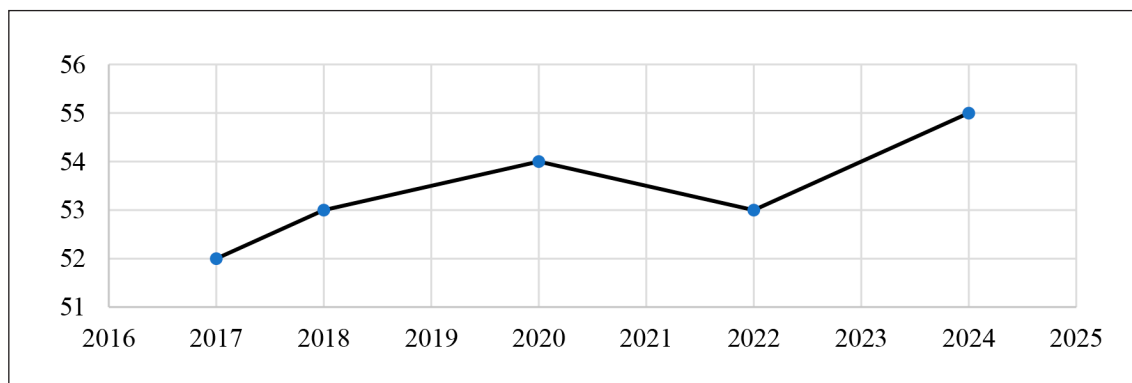

Рис. 1. Динамика Российского индекса финансовой грамотности (РИФГ)
Источник: составлено автором на основе [5]

Таблица 1

Индексы когнитивного, поведенческого и цифрового компонентов финансовой грамотности

Компонент финансовой грамотности	Содержание показателя	Среднее значение (индекс 0–1)	Стандартное отклонение	Интерпретация
Когнитивный	Отражает степень усвоения базовых финансовых понятий (инфляция, проценты, налоги, ключевая ставка, диверсификация). Рассчитан как доля правильных ответов по соответствующему блоку анкеты.	0,64	0,18	Средний уровень теоретических знаний; наличие базовой информированности при ограниченном системном понимании.
Поведенческий	Характеризует регулярность и рациональность практик управления личными финансами (ведение бюджета, наличие резервов, сравнение кредитных и депозитных продуктов). Определён как среднее значение бинарных переменных, отражающих наличие практик.	0,46	0,21	Низкий уровень устойчивости рационального финансового поведения; преобладание ситуативных и импульсивных решений.
Цифровой	Отражает интенсивность использования цифровых инструментов в финансовой деятельности (мобильный банкинг, платёжные приложения, инвестиционные платформы).	0,71	0,17	Высокая цифровая вовлечённость; выраженная технологическая адаптация при частичном отсутствии содержательного анализа совершаемых операций.
Интегральный индекс	Среднее значение трёх компонентных индексов, характеризующее совокупный уровень финансовой осведомлённости, цифровой активности и рациональности поведения.	0,60	0,14	Средний уровень общей финансовой грамотности; наблюдается несбалансированность между цифровыми и поведенческими аспектами.

Источник: составлено автором

Согласно данным пятого этапа исследования Банка России (2024 г.), интегральный индекс финансовой грамотности населения достиг 55 баллов из 100 возможных, демонстрируя положительную динамику по сравнению с предыдущими годами (рисунок 1). Молодёжь до 30 лет показала наилучшие результаты (61 балл), что связано с активным использованием цифровых сервисов и большей адаптивностью к новым финансовым инструментам [5]. Вместе с тем сохраняются типичные поведенческие искажения – избыточная уверенность в личных знаниях, склонность к импульсивному потреблению и ограниченные знания в области инвестиций и налогового планирования. В свою очередь, это указывает на необходимость комплексного анализа факторов, определяющих поведенческие особенности финансовых решений в цифровой среде.

Проведённое исследование среди 342 студентов вузов Ярославской области позволило получить эмпирические данные, характеризующие взаимосвязь между когнитивными знаниями, цифровой активностью и рациональностью финансового поведения. Анализ структуры ответов выявил преобладание базового уровня экономической осведомлённости при недостаточной способности к системному анализу финансовых взаимосвязей. Наибольшая информированность наблюдается в вопросах, связанных с инфляцией, процентными ставками и принципами налогообложения: верные ответы дали соответственно 72 %, 68 % и 61 % опрошенных. В то же время лишь 37 % респондентов смогли корректно объяснить влияние ключевой ставки Центрального банка на уровень потребительского кредитования.

Подобная асимметрия отражает когнитивный разрыв между микроэкономическим и макроэкономическим уровнями восприятия и указывает на ограниченность экономического рационализма при интерпретации сложных финансовых зависимостей. Полученные данные позволяют заключить, что высокая цифровая вовлечённость без должной финансовой аналитики может усиливать поведенческие искажения, снижая вероятность оптимального распределения ресурсов и формирования устойчивых сберегательных стратегий.

Средний когнитивный индекс, рассчитанный по шкале от 0 до 1, составил 0,64, что соответствует среднему уровню сформированности финансовых знаний (табл. 1). Полученные показатели сопоставимы с результатами Банка России и Национального агентства финансовых исследований, фиксирующих аналогичные значения когнитивных индексов среди молодёжи непрофильных специальностей. Динамика ответов подтверждает, что когнитивный компонент финансовой грамотности носит преимущественно декларативный характер и не всегда трансформируется в рациональное экономическое поведение, отражая разрыв между знанием и действием.

На уровне практических установок выявлена выраженная инерционность и ситуативность финансового поведения. Регулярное ведение бюджета отметили лишь 39% респондентов, наличие резервного фонда более чем на три месяца – 22%, сравнение условий кредитных и депозитных продуктов – 31%. В то же время 63% опрошенных признались в полном расходовании имеющихся средств без предварительного планирования, что свидетельствует о доминировании краткосрочных стратегий потребления.

Распределение ответов показывает, что финансовые решения большинства студентов формируются под воздействием спонтанных стимулов и не опираются на структурированные алгоритмы оценки рисков. Такая модель поведения соответствует концепции ограниченной рациональности Г. Саймона и отражает влияние поведенческих искажений, в частности эффекта настоящего (present bias) и избыточной уверенности (overconfidence) [9]. Низкий уровень самоконтроля и слабая склонность к отсрочке вознаграждения снижают вероятность накопления сбережений и препят-

ствуют формированию долгосрочных финансовых стратегий, обеспечивающих экономическую устойчивость домохозяйств в будущем.

Полученные данные показывают статистически значимую отрицательную корреляцию между индексом импульсивного потребления и когнитивным индексом знаний ($r = -0,36$; $p < 0,01$), что отражает обратную зависимость между уровнем финансовой осведомлённости и склонностью к иррациональным расходам (рис. 2). Дефицит теоретических знаний повышает вероятность доминирования краткосрочных, эмоционально обусловленных стратегий потребления, что согласуется с моделью ограниченной рациональности и эффектом «настоящего» (present bias).

Анализ цифрового поведения показал, что 84% опрошенных активно используют онлайн-банкинг и мобильные приложения для платежей, 57% применяют цифровые кошельки и платёжные сервисы, однако лишь 26% обращаются к аналитическим или инвестиционным приложениям, позволяющим планировать бюджет и контролировать расходы, это свидетельствует о том, что цифровая вовлечённость носит преимущественно транзакционный характер и не сопровождается формированием стратегического финансового анализа.

Выявлена положительная корреляция между интенсивностью использования цифровых инструментов и рациональностью финансового поведения ($r = 0,42$; $p < 0,01$), что подтверждает гипотезу о влиянии цифровой активности на способность к самостоятельному финансовому управлению. Вместе с тем регрессионный анализ показал нелинейную зависимость: при низком когнитивном уровне рост цифровой вовлечённости не приводит к повышению рациональности поведения. В свою очередь, это отражает эффект комплементарности, при котором когнитивные знания и цифровые навыки усиливают действие друг друга лишь при их одновременном развитии.

Среднее значение цифрового индекса составило 0,71, а его взаимодействие с когнитивным индексом продемонстрировало синергетический эффект, сочетание высоких значений обоих индексов увеличивает вероятность наличия резервного фонда на 14% и ведения личного бюджета на 11% (табл. 2).

Рис. 2. Взаимосвязь когнитивного уровня финансовой грамотности и индекса импульсивного потребления студенческой молодёжи
Источник: составлено автором

Таблица 2

Корреляции между компонентами финансовой грамотности студентов

Показатели	Когнитивный индекс	Поведенческий индекс	Цифровой индекс	Индекс импульсивного потребления
Когнитивный индекс	1	0,38 ($p < 0,01$)	0,41 ($p < 0,01$)	- 0,36 ($p < 0,01$)
Поведенческий индекс	0,38 ($p < 0,01$)	1	0,44 ($p < 0,01$)	- 0,29 ($p < 0,05$)
Цифровой индекс	0,41 ($p < 0,01$)	0,44 ($p < 0,01$)	1	- 0,25 ($p < 0,10$)
Индекс импульсивного потребления	- 0,36 ($p < 0,01$)	- 0,29 ($p < 0,05$)	- 0,25 ($p < 0,10$)	1

Источник: составлено автором.

Тем самым цифровизация выступает комплементарным фактором рационального экономического поведения, способствующим оптимизации распределения ресурсов и формированию долгосрочных сберегательных стратегий.

Корреляционный анализ выявил устойчивые взаимосвязи между когнитивным, поведенческим и цифровым компонентами финансовой грамотности. Наиболее выраженные положительные связи наблюдаются между когнитивным и цифровым индексами ($r = 0,41$; $p < 0,01$), что отражает комплементарность знаний и цифровых навыков в процессе принятия финансовых решений. Отрицательная корреляция с индексом импульсивного потребления ($r = -0,36$; $p < 0,01$) подтверждает обратное влияние недостатка знаний на склонность

к иррациональным тратам. Совокупность полученных зависимостей позволяет рассматривать когнитивные и цифровые факторы как взаимодополняющие детерминанты рациональности финансового поведения.

Результаты логит-регрессионного анализа позволили количественно оценить вклад когнитивных и цифровых факторов в вероятность рациональных поведенческих практик (табл. 3). В первой модели (зависимая переменная – ведение личного бюджета) установлено статистически значимое положительное влияние когнитивного индекса ($\beta = 0,27$; $p < 0,05$) и цифровой вовлечённости ($\beta = 0,32$; $p < 0,05$). Данный факт указывает на то, что рост теоретических знаний и активное использование цифровых инструментов повышают вероятность системного контроля над расходами.

Таблица 3

Результаты логит-регрессионного анализа ассоциативных связей

Переменные-факторы	Модель 1 (зависимая переменная – ведение бюджета)	Модель 2 (зависимая переменная – наличие резервного фонда > 3 месяцев)
Когнитивный индекс	$\beta = 0,27$ ($p < 0,05$)	$\beta = 0,19$ ($p < 0,05$)
Цифровой индекс	$\beta = 0,32$ ($p < 0,05$)	$\beta = 0,25$ ($p < 0,05$)
Переменная взаимодействия (Когнитивный $\times$ Цифровой индекс)	–	$\beta = 0,41$ ($p < 0,01$)
Пол (муж. = 1)	$\beta = 0,05$ ($p = 0,62$)	$\beta = 0,03$ ($p = 0,71$)
Направление подготовки (экономическое = 1)	$\beta = 0,09$ ($p = 0,48$)	$\beta = 0,11$ ($p = 0,44$)
Константа	$\beta = -0,84$ ($p < 0,01$)	$\beta = -1,02$ ($p < 0,01$)
Pseudo-R ² (Nagelkerke)	0,29	0,33
Количество наблюдений (n)	342	342

Источник: составлено автором.

Во второй модели (зависимая переменная – наличие резервного фонда свыше трёх месяцев) выявлен выраженный синергетический эффект взаимодействия двух факторов: коэффициент при переменной взаимодействия когнитивного и цифрового индексов составил 0,41 ($p < 0,01$). Таким образом, рациональное финансовое поведение усиливается при сочетании высокого уровня знаний и активного использования цифровых сервисов.

Отсутствие статистически значимых различий по полу и направлению подготовки подтверждает универсальный характер выявленных зависимостей, что позволяет трактовать их как результат действия институциональных и технологических, а не социально-демографических детерминант.

Выявленные зависимости согласуются с положениями теории поведенческих финансов Р. Талера и Д. Канемана, в рамках которой финансовые решения интерпретируются как результат взаимодействия когнитивных (аналитических) и аффективных (эмоциональных) механизмов [10, 11]. Более высокий уровень когнитивных знаний способствует формированию фильтров рациональности, уменьшающих влияние эвристики и эмоциональных реакций при выборе финансовых стратегий. В то же время цифровая вовлечённость выполняет функцию поведенческого модератора, обеспечивая доступ к инструментам мониторинга, обратной связи и самокоррекции.

Когнитивный и цифровой факторы действуют как взаимодополняющие механизмы формирования рационального экономи-

ческого поведения. Их синергия усиливает вероятность долгосрочного планирования и накопления резервов, снижая влияние поведенческих искажений типа overconfidence и present bias.

Сопоставление полученных результатов с данными национальных мониторингов Банка России и международных исследований OECD PISA-2022 выявило аналогичную тенденцию – расхождение между когнитивным уровнем финансовых знаний и фактическими моделями поведения [6]. Несмотря на институциональные и возрастные различия выборок, сходство наблюдаемых паттернов позволяет утверждать, что финансовое поведение молодёжи формируется под воздействием универсальных социальных и технологических факторов: цифровой медиасреды, трансформации каналов коммуникации и высокой доступности финансовых сервисов.

Финансовая грамотность в этой связи может рассматриваться как интегральная система взаимосвязанных элементов, в которой когнитивный компонент обеспечивает аналитическую основу для восприятия экономической информации, цифровая активность – инструментарий реализации финансовых решений, а поведенческий компонент отражает степень самоконтроля и рациональности при распределении ресурсов. Выявленные результаты подтверждают наличие когнитивно-поведенческого рассогласования, выражающегося в разрыве между знанием рациональных стратегий и фактическими действиями. Данный феномен соотносится с концепцией «информаци-

онного парадокса», согласно которой наличие знаний не гарантирует их практического применения без устойчивых поведенческих стимулов и экономических мотиваций.

Обнаруженная зависимость между цифровой активностью и рациональностью финансовых решений подчёркивает значимость институциональных механизмов стимулирования рационального поведения. Развитие экосистем цифровых финансовых сервисов, повышение прозрачности персональных финансовых данных и распространение инструментов автоматизированного планирования бюджета могут способствовать росту финансовой саморегуляции и снижению влияния поведенческих искажений. В этом контексте цифровизация выступает не только технологическим, но и институциональным драйвером формирования рациональных моделей экономического выбора.

Системность выявленных закономерностей позволяет говорить о существовании устойчивой поведенческой модели финансового поведения молодёжи, в рамках которой когнитивные, мотивационные и цифровые факторы образуют взаимосвязанную структуру. Данная модель подтверждает необходимость комплексного подхода к анализу финансового поведения, учитывающего влияние информационной среды, доступности цифровых инструментов и индивидуальных установок.

Результаты исследования также выявили ряд структурных ограничений финансового поведения студенческой молодёжи Ярославской области. Наиболее выраженные дефициты наблюдаются в области бюджетирования, инвестиционной активности и налоговой культуры. Низкая склонность к сбережениям и преимущественное использование цифровых сервисов в транзакционных целях ограничивают потенциал долгосрочной финансовой устойчивости. Данные особенности требуют дальнейшего изучения и разработки экономических механизмов, направленных на повышение финансовой осмотрительности и формирование культуры рационального потребления и сбережений в условиях цифровой экономики.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что финансовая грамотность студенческой молодёжи Ярославской области представляет собой многокомпонентную систему, включающую когнитивный, поведенческий и цифровой элементы, взаимодействие которых носит характер взаимного усиления. Когнитивные знания формируют аналитическую основу рационального восприятия финансовой информации, а цифровая вовлечённость выступает инструментом её практической реализации в процессе экономического выбора. При этом сохраняется выраженный поведенческий разрыв между знанием и действием: более половины респондентов демонстрируют склонность к импульсивному потреблению и ограниченную ориентацию на долгосрочное планирование.

Результаты логит-регрессионного анализа показали, что сочетание высоких когнитивных знаний и цифровой активности повышает вероятность рационального финансового поведения – ведения личного бюджета и наличия резервного фонда – на 10–15 %, что подтверждает синергетический эффект данных факторов. Универсальность выявленных зависимостей вне зависимости от пола и направления подготовки указывает на институциональный характер влияния цифровой среды и её роль как модератора финансовых решений.

Совокупность полученных результатов позволяет заключить, что укрепление финансовой рациональности молодёжи требует не только повышения уровня теоретической информированности, но и формирования институциональных стимулов к саморегуляции и долгосрочному планированию. Перспективными направлениями становятся развитие цифровых экосистем личных финансов, внедрение инструментов автоматизированного планирования бюджета и распространение сервисов поведенческой аналитики, способствующих снижению иррациональности и повышению экономической устойчивости домохозяйств в условиях цифровой экономики.

Библиографический список

1. Петренко Г.М., Петренко М.С. Финансовая грамотность и индивидуальные финансовые практики как фактор материального благополучия // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 4 (47). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-gramotnost-i-individualnye-finansovye-praktiki-kak-faktor-materialnogo-blagopoluchiya> (дата обращения: 09.08.2025).

2. Степнова О.В., Старчикова И.Ю., Курашова С.А. Финансовая грамотность студентов технического вуза: самооценка состояния и динамика ее развития // Перспективы Науки и Образования. 2024. № 2 (68). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-gramotnost-studentov-tehnicheskogo-vuza-samootsenka-sostoyaniya-i-dinamika-ee-razvitiya> (дата обращения: 18.08.2025).
3. Колачев Н.И., Рутковская Е.Л., Ковалева Г.С., Половникова А.С. Факторы финансовой грамотности российских школьников на примере результатов исследования PISA-2018 // Вопросы образования. 2021. № 4. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-4-166-186.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304737 (дата обращения: 25.08.2025).
5. Банк России. Исследование уровня финансовой грамотности: пятый этап // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/research/fin_ed_5/ (дата обращения: 25.08.2025).
6. OECD. PISA 2022 Results. Volume IV: Students' Financial Literacy // OECD Publishing (official website). 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/pisa-2022-results-volume-iv_5a849c2a-en.html (дата обращения: 27.08.2025).
7. Фролова Е.В., Матвеева В.Д. Развитие финансовой грамотности молодежи в современных российских условиях // Проблемы современного образования. 2021. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-finansovoy-gramotnosti-molodezhi-v-sovremennyh-rossiyskih-usloviyah> (дата обращения: 09.08.2025). DOI: 10.31862/2218-8711-2021-3-118-129.
8. Кривцов Д.В., Федосеев Д.А. От финансовой грамотности к финансовой культуре: теоретические и практические аспекты // Лучшая исследовательская работа 2024: сборник статей XV Международного научно-исследовательского конкурса (Пенза, 27 декабря 2024 г.). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. С. 68–72.
9. Саймон Г.А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т. 1 / под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1999. С. 253–283.
10. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / пер. с англ. Н. Нарочиной. М.: Эксмо, 2017. 368 с.
11. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. No. 2. P. 263–291.

УДК 338.364

Е. В. Стовба

Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Бирск,
e-mail: stovba2005@rambler.ru

А. Г. Шарафутдинов

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет», Уфа

М. С. Швецов

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань

А. В. Стовба

Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Бирск

Н. А. Сафиуллина

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет», Уфа

Е. В. Прахова

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет», Уфа

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: цифровизация, бизнес-процессы, цифровые технологии, цифровая трансформация, Big Data, предикативная аналитика.

В статье актуализируется необходимость активной цифровизации бизнес-процессов как инновационного направления развития отечественных предприятий. Представлены результаты краткого контент-анализа зарубежного опыта исследований и успешных практик в области цифровизации бизнес-деятельности международных компаний. Показано, что наблюдаемая цифровая трансформация бизнес-процессов деятельности представляет реальный стратегический инструмент для российских предприятий в современной инновационной экономике. Подробно изучены особенности применения современными организациями технологий предикативной аналитики и Big Data. Представлена модель адаптации Big Data для практического внедрения в бизнес-процессы организаций и на данной основе сформированы авторские рекомендации для перехода компаний к инновационному развитию и цифровой трансформации. Резюмируется, что внедрение передовых цифровых инструментов позволит обеспечить ускоренную трансформацию традиционной функциональной формы управления к процессно-ориентированной модели развития компаний, которая базируется на интеграции инноваций, Big Data, технологий предикативной аналитики и искусственного интеллекта.

Е. В. Stovba

Birsk Branch of Ufa University of Science and Technology, Birsk,
e-mail: stovba2005@rambler.ru

A. G. Sharafutdinov

Bashkir State Agrarian University, Ufa

M. S. Shvetsov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

A. V. Stovba

Birsk Branch of Ufa University of Science and Technology, Birsk

N. A. Safiullina

Bashkir State Agrarian University, Ufa

E. V. Prahova

Bashkir State Agrarian University, Ufa

DIGITAL TRANSFORMATION OF BUSINESS PROCESSES IN THE MODERN CONDITIONS OF INNOVATIVE ECONOMY DEVELOPMENT

Keywords: digitalization, business processes, digital technologies, digital transformation, Big Data, predictive analytics.

This article highlights the need for active digitalization of business processes as an innovative development direction for domestic enterprises. It presents the results of a multiple content analysis of international research experience and successful practices in the field of digitalization of business activities at international companies. It demonstrates that the observed digital transformation of business processes represents a real strategic tool for Russian enterprises in the modern innovative economy. The application of predictive analytics and Big Data technologies by modern organizations is examined in detail. A model for adapting Big Data for practical implementation in organizational business processes is presented, and based on this, recommendations for companies' transition to innovative development and digital transformation are developed. It is concluded that the implementation of advanced digital tools will ensure an accelerated transformation of the traditional functional form of management to a process-oriented model of company development based on the integration of innovation, Big Data, predictive analytics technologies, and artificial intelligence.

Введение

В настоящих условиях наблюдаемые тренды и вызовы, непосредственно связанные с глобальной нестабильностью, широкомасштабным внедрением инновационных технологий, цифровизацией и ростом конкуренции активно воздействуют практически на все сферы и сектора мировой экономики. Можно констатировать, что цифровая трансформация как инновационное направление повышения эффективности бизнес-процессов является объективной и необходимой реальностью для большинства отечественных предприятий.

На современном этапе, активно используемые и внедряемые компаниями цифровые инструменты и IT-решения, становятся ключевой составляющей формируемой новой стратегической модели управления и менеджмента [1]. Например, такие цифровые технологии, как предиктивная аналитика, Big Data и искусственный интеллект позволяют уменьшить степень неопределенности, проектировать и улучшить точность принимаемых управленческих решений, и на данной основе их применение помогает сформировать конкурентные преимущества для компаний. В свою очередь, использование предприятиями цифровых технологий (таких, как ERP- и CRM-систем) определяет оптимизацию имеющихся в наличии ресурсов, существенное снижение операционных рисков и транзакций, что способствует повышению производительности труда работников [4]. Как справедливо отмечают российские ученые, «цифровизация экономической сферы жизнедеятельности общества автоматизирует учет и анализ показателей финансового состояния предприятия, а также оптимизирует процесс принятия управленческих решений» [7, с. 96].

Сегодня реализация мероприятий по цифровизации бизнес-процессов отражает совершенствование деятельности компаний по достижению целей устойчивого разви-

тия. Так, в исследовании китайских научных сотрудников на примере стран «Большой семерки» подчеркивается взаимосвязь внедрения цифровизации, экологических технологий, улучшение отдельных параметров деловой активности компаний и их позитивное воздействие на ускорение экономического роста [10]. Важно отметить, что в данной публикации подчеркивается необходимость повышения самого качества реализации институционального регулирования цифровой среды и инфраструктуры предприятий.

Исследование, проведенное на основе информации, представленной выборкой опросов 485 сотрудников индийских компаний в сфере розничной торговли, определяет значительный модулирующий эффект, оказываемый цифровыми технологиями, который усиливает финансовые, экологические и социальные аспекты бизнес-деятельности предприятий [9]. В данном аспекте для достижения устойчивого успеха компаниям следует активно применять такие инструменты генеративного искусственного интеллекта (Gen-AI), как чат-боты, визуальный поиск. При этом реализация омниканальных стратегий маркетинга в сочетании с масштабированием цифровых данных позволяет ритейлерам существенно улучшить качество обслуживания клиентов, оптимизировать торговые операции и стимулировать рост продаж товаров на основе внедрения цифровых инноваций и решений.

Безусловно, цифровые технологии могут быть использованы для разработки и внедрения инновационных бизнес-моделей в производственных компаниях. Так, осуществленные расчеты при использовании статистических показателей 236 типичных китайских производственных компаний, показали зависимость между применением цифровых технологий и развитием инновационных бизнес-моделей в цифровом контексте [11].

В то же время, как отмечают австрийские ученые, семейные бизнес-предприятия особенно осторожно подходят к принятию цифровых инноваций. При этом цифровая трансформация самих бизнес-процессов является успешной и эффективной при условии, если она рассматривается в качестве стратегической ориентации компании [8]. По мнению этих научных специалистов, стратегическая ориентация на цифровизацию бизнес-процессов предприятий должна включать комплексную оценку следующих составляющих: открытость к цифровизации, анализ цифровых данных как информационного ресурса, стремление руководства к формированию индивидуальных цифровых решений, настойчивость при реализации планов цифровизации и вовлечённость сотрудников в процессы цифровизации.

Актуальность выбранной проблематики определяется тем, что наблюдаемая цифровая трансформация бизнес-процессов деятельности предприятий представляет реальный стратегический инструмент и является объективной необходимостью для российских компаний в современной инновационной экономике.

Цель исследования заключается в изучении особенностей применения цифровых технологий (Big Data, предикативной аналитики) для повышения эффективности бизнес-процессов предприятий, разработке рекомендаций для перехода отечественных компаний к инновационному развитию и цифровой трансформации. Концептуальной основой базы исследования отражены фундаментальные положения современных теорий цифровой (инновационной) экономики и стратегического управления бизнес-процессами предприятий. Методологическим базисом исследования представлены публикации и научные труды российских и зарубежных ученых-экономистов, посвященные стратегическим аспектам развития цифровизации, использованию в реальной бизнес-практике компаний таких инструментов, как Big Data, предикативная аналитика, искусственный интеллект.

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование в комплексном отношении опиралось на количественные и качественные информационные массивы и источники реальной статинформации. В свою очередь, применение системного подхода позволяет рассматривать бизнес-

процессы при интеграции цифровых технологий в качестве взаимосвязанной и взаимозависимой составляющей производственно-экономической деятельности предприятий. При проведении контент-анализа использовались результаты опросов, проведенных научными сотрудниками ВШЭ относительно воздействия цифровизации на процессы управления и стратегического менеджмента российских компаний, а также практические кейсы успешного внедрения Big Data и технологий предиктивной аналитики (компаний Amazon, UPS, Siemens и др.).

Результаты исследования и их обсуждение

В условиях глобальной нестабильности и волатильности мировых рынков, улучшение эффективности управления становится ключевым драйвером повышения конкурентоспособности организаций на рынке. Следует подчеркнуть, что наличие базовой цифровизации для современных компаний уже не становится чем-то экстраординарным.

Проведённый нами контент-анализ показал, что повышение уровня операционной эффективности можно добиться только радикальными преобразованиями и, в частности, при цифровой трансформацией бизнес-процессов предприятий. Основой данной трансформации является интеграция цифровых технологий в деятельность компаний что, в свою очередь, определяет концептуальное переосмысление существующих операционных моделей и экосистемных взаимодействий. Сегодня многие руководители организаций осознают значение внедрения новейших технологий в бизнес-процессы. Данный тезис подтверждается данными опроса ВШЭ по степени влияния цифровой трансформации на управление (табл. 1).

В настоящее время успешные бизнес-структуры используют огромные объемы данных, генерируемые поставщиками, внутренними процессами и рыночными тенденциями. Традиционные методы анализа уже не справляются с такой нагрузкой, поэтому компании все чаще обращаются к технологиям Big Data и предиктивной аналитике (табл. 2).

Данные таблицы 2 наглядно демонстрируют, как современные компании используют Big Data и технологии предикативной аналитики для решения конкретных бизнес-задач, получая при этом измеримую выгоду.

Таблица 1

Данные опроса по степени влияния цифровой трансформации на управление

Области	Ключевые данные
Приоритетные технологии	76% организаций внедряют системы автоматизации (ERP, CRM) для повышения эффективности деятельности. AI и Big Data – технологии для старта цифровизации (77% и 68% компаний планируют их внедрять).
Цифровизация процессов	Производство и разработка – лидеры по внедрению (50,5% и 28,6%). Стратегическое управление цифровизировано лишь у 15,2% компаний.
Трансформация управления	67% организаций ожидают изменения в стратегическом управлении к 2025 г. с учетом внедрения Big Data и AI. Администрирование (финансы, HR) трансформировано для 58,2% компаний.
Барьеры внедрения	Дефицит финансирования (56,2%), нехватка готовых решений (37,4%), низкая цифровая компетентность сотрудников (33,4%). Для ЖКХ, энергетики и строительства финансирование – это ключевые проблемы.
Отказ от цифровизации	61% компаний не используют технологии из-за отсутствия потребностей. Другие причины: недостаточный бюджет (24%), нежелание менять бизнес-модель (17%).

Источник: составлена авторами по [3].

Таблица 2

Особенности применения компаниями Big Data и предикативной аналитики

Сфера деятельности	Применение и возможности	Технологии и решения	Реальные кейсы
Маркетинг и продажи	Анализ поведения клиентов, персонализация предложений, прогноз спроса и динамическое ценообразование	Системы CRM, ML-алгоритмы, Google Analytics 360	Amazon увеличил конверсию на 35% с помощью рекомендательных систем
Финансовый сектор	Поиск мошеннических операций, скоринг клиентов, алгоритмический трейдинг	Нейросети для Fraud Detection, Apache Spark	Т-Банк применяет Big Data при согласовании и одобрении кредитов
Цепочки поставок и логистика	Прогнозная аналитика для управления запасами, оптимизация маршрутов доставки	TMS, системы GPS-мониторинга, IoT-датчики	UPS сократила расходы на топливо на 15% с помощью анализа маршрутов
Производство (Industry 4.0)	Предиктивное обслуживание оборудования, контроль качества продукции	Промышленный IoT, компьютерное зрение, цифровые двойники	Siemens устраняет 90% технических поломок при применении датчикам
Управление персоналом	Анализ эффективности сотрудников, прогноз текучести кадров	HRM-системы, NLP для анализа резюме, психометрия	Сбербанк использует AI для подбора топ-менеджеров

Источник: составлена авторами.

Эти цифровые инструменты позволяют не только обрабатывать большие массивы статинформации, но и прогнозировать будущие события, оптимизируя стратегии управления бизнес-процессами организациями.

Безусловно, цифровые технологии продолжают развиваться, предлагая компаниям новые возможности для оптимизации своей бизнес-деятельности. Ключевые преимущества по внедрению «цифры» включают: увеличение доходности бизнеса на 15-25%, снижение операционных затрат на 10-30%, повышение точности управленческих решений и улучшение клиентского опыта. В таких областях как маркетинг и персонализация международные компании используют

Big Data для сегментации аудитории (при анализе поведения клиентов), прогнозирование трендов (например, Netflix проектирует степень популярности предлагаемого контента), динамическое ценообразование (авиакомпания, ритейл) [2]. В сфере финансов и риск-менеджмента специалистами успешно применяются цифровые инструменты, например, технологии кредитного скоринга (банки анализируют поведение заемщиков). Для АПК эффективным является применение дронов, роботов [6]. При этом следует отметить, что для многих агрокомпаний возникают определенные барьеры и проблемы при попытке реализации полученных цифровых решений [5].

Таблица 3

Модель адаптации Big Data для внедрения в бизнес-процессы организаций

Этап	Мероприятия	Инструменты, технологии	Результаты
1. Определение целей	- Анализ бизнес-проблем - Постановка KPI - Выбор приоритетных направлений	- SWOT-анализ - Методология OKR/SMART	Четкое понимание задач для Big Data
2. Оценка инфраструктуры	- Аудит текущих данных - Анализ ИТ-инфраструктуры - Расчет бюджета	- Apache Atlas - Инвентаризационные системы	Отчет о готовности к внедрению
3. Сбор данных	- Настройка источников данных - Организация ETL-процессов - Обеспечение безопасности	- Apache Kafka - Talend - AWS Glue	Единое хранилище данных
4. Обработка данных	- Очистка данных - Нормализация форматов - Обогащение данных	- Apache Spark - Python (Pandas) - Trifacta	Качественные данные для анализа
5. Аналитика и ML	- Разработка моделей - Визуализация данных - Тестирование гипотез	- TensorFlow - Tableau - Power BI	Рабочие аналитические модели
6. Внедрение в процессы	- Интеграция с бизнес-процессами - Обучение сотрудников - Настройка мониторинга	- Docker - Kubernetes - CI/CD системы	Функционирующая система
7. Поддержка и развитие	- Постоянный мониторинг - Оптимизация моделей	- Prometheus - Grafana - A/B тестирование	Непрерывное улучшение системы

Источник: составлена авторами.

В таблице 3 нами представлена конкретная модель адаптации Big Data для внедрения в бизнес-процессы организаций.

По нашему мнению, для достижения устойчивых результатов компаниям необходимо не только внедрять современные инструменты, такие как Apache Spark или TensorFlow, но и инвестировать значительные финансовые средства в программы обучения персонала, а также разрабатывать и активно внедрять стратегии постепенного масштабирования цифровых решений. Представленная в таблице 3 пошаговая модель внедрения может служить практическим руководством для лиц, принимающих решения, в организациях, которые только начинают внедрять процессы цифровой трансформации.

Конечно, сами представители бизнес-сообщества должны осознавать, что для перехода к модифицированной бизнес-модели, непосредственно ориентированной на повышение конкурентных преимуществ с учетом интеграции цифровых технологий, необходима глобальная перестройка всех реализуемых производственно-экономических процессов. В таблице 4 сформированы авторские рекомендации для перехода отечественных компаний к инновационному развитию и цифровой трансформации.

Осуществление успешной цифровизации не представляется возможным без стра-

тегического переосмысления и реформирования приоритетов компаний. Например, такие инструменты стратегического управления как PPM-платформы, BSC и KPI-панели, помогают реализовать бизнес-процессы для стратегических карт организаций в цифровой метрике и в цифровом формате. Также следует выделить приоритетность модульности цифровых решений на основе сокращения процессов автоматизации неоптимизированных бизнес-процессов компаний. Проведение данных мероприятий будет минимизировать степень рисков технологической зависимости, позволит существенно уменьшить затраты на внедрение «цифры» и обеспечит гибкость цифровой среды организаций. К планированию цифровой трансформации бизнеса необходимо отнести следующие направления:

- определение приоритетов цифровой трансформации хозяйствующих субъектов, включая выбор стратегических направлений развития цифровизации на уровне отдельных подразделений компаний (отделов маркетинга, продаж, финансов, производства, поддержки бизнеса) и конкретных бизнес-процессов;

- новые информационные технологии, которые предполагается использовать для цифровой трансформации бизнес-деятельности компаний.

Таблица 4

Авторские рекомендации для перехода российских компаний к инновационному развитию и цифровой трансформации

Сферы рекомендаций	Технологии и практические рекомендации
Стратегия и Лидерство	<i>Технологии:</i> системы стратегического управления (BSC/KPI-панели), платформы управления портфелем проектов (PPM). <i>Рекомендации:</i> формализация ЦТБП в стратегической карте предприятий; назначение ответственного за цифровую трансформацию с прямым подчинением руководителю; регулярный мониторинг прогресса.
Реинжиниринг для автоматизации	<i>Технологии:</i> инструменты моделирования процессов (BPMN 2.0, ARIS), ПО для симуляции процессов. <i>Рекомендации:</i> проведение глубокого анализа процессов «as-is» с выявлением узких мест; разработка «to-be» моделей с фокусом на клиентском опыте
Технологии цифрового развития	<i>Технологии:</i> RPA, AI/ML (NLP, предиктивная аналитика), IoT, Big Data платформы, Low-code/No-code, облачные сервисы (SaaS, PaaS), блокчейн. <i>Рекомендации:</i> выбор технологий на основе требований перепроектированного процесса и целевых KPI; приоритет модульных и интегрируемых решений (API-first).
Системное управление изменениями и развитие компетенций	<i>Технологии:</i> цифровые платформы обучения (LMS), системы внутренних коммуникаций, инструменты коллаборации. <i>Рекомендации:</i> реализация программы изменений по модели ADKAR/Коттера; разработка дорожной карты обучения цифровым навыкам; создание кросс-функциональных команд; внедрение метрик вовлеченности персонала; инвестиции в получение цифровых навыков.
Управление данными как стратегическим активом	<i>Технологии:</i> платформы Data Governance/MDM, ETL-инструменты, DQ-решения, хранилища данных (Data Lakes/Warehouses), BI-системы. <i>Рекомендации:</i> разработка политики Data Governance (качество, безопасность, метаданные); создание единых справочников и «золотых записей»; обеспечение сквозной аналитики процессов.
Гибкое управление	<i>Технологии:</i> инструменты Agile/DevOps платформы для A/B-тестирования, системы мониторинга процессов (Process Mining). <i>Рекомендации:</i> запуск пилотных проектов на ограниченном контуре с четкими критериями успеха; применение гибкой методологии для ЦТБП – проектов.

Источник: составлена авторами.

Объективно необходимым условием для формирования оптимальной управленческой структуры организаций является возможный ввод новых должностей сотрудников с соответствующими цифровыми компетенциями. В основном компании не выделяют отдельные должности заместителя директора по цифровой трансформации, и данный пост преимущественно занимает заместитель директора по развитию бизнеса. При этом некоторые генеральные директора считают отделы цифровой трансформации излишними формированиями, и они зачастую пользуются услугами аутсорсинговых цифровых компаний. В то же время персонал отделов цифровой трансформации может анализировать новейшие открытия в сфере IT и успешно реализовывать цифровые решения.

Заключение

Таким образом, успешная цифровая трансформация бизнес-процессов представляет сложный, но необходимый стра-

тегический путь, требующий не только определенных инвестиций в технологии, но и радикального пересмотра действующих подходов к управлению, организации, работе с людьми и информационными данными компаний. Следует подчеркнуть, что цифровизация отражает объективную необходимость для компаний, стремящихся обрести конкурентные преимущества в условиях инновационной экономики. При этом в контексте концепции устойчивого развития цифровизация бизнес-деятельности представляется важным инновационным инструментом компаний для реализации целей и принципов ESG-повестки.

Можно резюмировать, что цифровая трансформация бизнес-процессов является ключевым драйвером повышения уровня деловой активности и конкурентоспособности, модернизации производственно-хозяйственной деятельности компаний. В настоящих условиях повышенной неопределенности и волатильности внешней среды внедрение передовых цифровых инстру-

ментов позволит обеспечить ускоренный переход от традиционной функциональной формы управления к процессно-ориентированной модели развития компаний, которая базируется на интеграции инноваций, Big Data, технологий предикативной аналитики и искусственного интеллекта. Также важной составляющей цифровизации является формирование цифровой корпоративной культуры для персонала организации, рост числа работников, обладающих цифровыми компетенциями при реализации реальных бизнес-процессов. Цифровая компетентность сотрудников и готовность лиц, принимающих решения к внедрению цифровых инноваций определяют эффективность биз-

нес-деятельности компаний к изменениям внутренней среды.

Реализация предложенных по результатам проведенного исследования практических мероприятий для перехода компаний к инновационному развитию и цифровой трансформации определяет создание цифровых экосистем, которые основаны на активном взаимодействии бизнес-структур. Использование цифровых и IT-решений поможет улучшить управляемость и прозрачность реализации бизнес-процессов, существенно уменьшить транзакционные издержки, улучшить клиентский опыт и, в конечном итоге, повысить уровень эффективности деятельности российских компаний.

Библиографический список

1. Низамов С.С., Макарова О.Б. Общество, экономика и право: проблемы взаимодействия в современных условиях // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 2 (14). С. 71-74. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54109717_71561562.pdf (дата обращения: 12.08.2025).
2. Портал СберБизнес Live. Что такое большие данные и как их можно использовать в бизнесе. 2024. 29 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://sberbusiness.live/publications/big-data-chto-eto-za-tekhnologiya-kak-primenyayut-v-biznese> (дата обращения: 12.08.2025).
3. Цифровые технологии в бизнесе: практики и барьеры использования. Мониторинг цифровой трансформации бизнеса. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. Выпуск № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/890550370.pdf> (дата обращения: 12.08.2025).
4. Черданцев В.П., Подгородецких А.Р., Дейнеко С.И. Внедрение информационных технологий в управление человеческим капиталом: предпринимательский и государственный аспекты // Международный правовой курьер. 2025. № 2. С. 124-127. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82024144> (дата обращения: 12.08.2025).
5. Черданцев В.П., Тронина М.В. Цифровизация сельского предпринимательства // Russian Journal of Management. 2024. Т. 12. № 4. С. 662-670. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusjm.ru/en/nauka/article/92018/view> (дата обращения: 12.08.2025).
6. Шарапова Н.В., Шарапова В.М., Шарапов Ю.В. Применение информационных технологий в сельском хозяйстве // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 5 (383). С. 32-35. [Электронный ресурс]. URL: <https://mshj.ru/ru/nauka/issue/6328/view> (дата обращения: 12.08.2025).
7. Шарапов Ю.В., Шарапова Н.В., Саторова А.С. Цифровизация учета и анализа показателей финансового состояния предприятия при принятии управленческих решений // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2024. № 9. С. 93-97. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_80294442_26072671.pdf (дата обращения: 12.08.2025).
8. Kessler A., Frank H., Fuetsch E. Conceptualizing digitalization orientation as a strategic posture – How to boost the impact of digital technologies in businesses: A qualitative good practices approach // Technological Forecasting and Social Change. 2025. Volume 213. P. 123997. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162525000289> (дата обращения: 12.08.2025).
9. Vhatkar M.S., Raut R.D., Gokhale R., Kumar M., Akarte M., Ghoshal S. Leveraging digital technology in retailing business: Unboxing synergy between omnichannel retail adoption and sustainable retail performance // Journal of Retailing and Consumer Services. 2024. Volume 81. P. 104047. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0969698924003436> (дата обращения: 11.08.2025).
10. Yasmeen R., Tian T., Yan H., Shah W.H. A simultaneous impact of digital economy, environment technology, business activity on environment and economic growth in G7: Moderating role of institutions // Heliyon. 2024. Volume 10. Issue 12. P. e32932. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844024089631> (дата обращения: 12.08.2025).
11. Zhang F., Yang B., Zhu L. Digital technology usage, strategic flexibility, and business model innovation in traditional manufacturing firms: The moderating role of the institutional environment // Technological Forecasting and Social Change. 2023. Volume 194. P. 122726. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0040162523004110> (дата обращения: 12.08.2025).

УДК 332.1:330

О. Б. Угурчиев

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», Магас,
e-mail: omar2007@mail.ru

Р. О. Угурчиева

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», Магас

Х. О. Угурчиева

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», Магас

О РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА

Ключевые слова: предпринимательство, регион, малый и средний бизнес, государственная поддержка, национальный проект, валовой национальный продукт, валовой региональный продукт, инновационная активность.

В данной работе анализируются действенные институциональные модели объединения экономических субъектов в рамках регионального промышленного комплекса, представленные кластером. На основе систематизации и определения специфики функционирования интегрированных образований, предлагается оптимальная организация производственного процесса по всей технологической цепочке. Это позволяет решить проблему нехватки финансовых средств, снизить удельные постоянные затраты при увеличении объемов производства, усилить инновационную активность и поднять конкурентоспособность выпускаемой продукции. Анализ сложившейся обстановки показывает, что проблемы экономического развития Ингушетии остаются нерешенными, требуют тщательного рассмотрения и внедрения комплексного подхода для активизации промышленного комплекса региона. Активное применение интеграционных подходов, как в глобальной, так и в национальной экономике, подчеркивает необходимость создания проработанных теоретических и практических концепций. Это даст возможность создать функциональный алгоритм для формирования интегрированных экономических структур и установить их архитектуру, принимая во внимание особенности Ингушетии в настоящих условиях.

О. Б. Ugurchiev

Ingush State University, Magas, e-mail: omar2007@mail.ru

R. O. Ugurchieva

Ingush State University, Magas

H. O. Ugurchieva

Ingush State University, Magas

ON REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT USING A CLUSTER APPROACH

Keywords: entrepreneurship, region, development, small and medium-sized businesses, government support, national project, self-employment, gross national product, gross regional product, innovation activity.

This paper analyzes the effective institutional models of the association of economic entities within the framework of the regional industrial complex, represented by the cluster. Based on the systematization and determination of the specifics of the functioning of integrated entities, the optimal organization of the production process along the entire technological chain is proposed. This makes it possible to solve the problem of lack of financial resources, reduce unit fixed costs while increasing production volumes, strengthen innovation activity and increase the competitiveness of products. An analysis of the current situation shows that the problems of Ingushetia's economic development remain unresolved, requiring careful consideration and the introduction of an integrated approach to revitalize the region's industrial complex. The introduction of integration strategies widely used in the global and domestic economy emphasizes the importance of developing detailed theoretical and applied models. This will make it possible to create a functional algorithm for the formation of integrated economic structures and establish their architecture, taking into account the peculiarities of Ingushetia in the current conditions. The article discusses the current problems of the development of small and medium-sized

Введение

Формирование и построение экономических моделей развития региона обязано принимать во внимание его всестороннюю перспективу в контексте прогресса и вероятности достижения установленных целей. Региональная модель экономического роста призвана служить аналитической базой для принятия административных решений, разработки стратегических планов и целевых программ, ориентированных на реализацию экономических целей региона. Опираясь на результаты исследований, теоретические работы ученых в области регионального развития, а также анализ текущей ситуации и тенденций в экономике Республики Ингушетия, предлагается использование кластерного подхода как ключевой организационно-институциональной формы развития производственного сектора республики. Будучи организационной структурой в экономической сфере, кластеры способны выступать средством для самостоятельного развития и увеличения конкурентоспособности территории.

Наше исследование демонстрирует, что экономический рост в Ингушетии в данный момент напрямую зависит от результативного применения финансовых ресурсов, предоставляемых в рамках государственных инициатив. По нашему мнению, региону требуются не только структурные преобразования, такие как формирование объединенных организаций, но и разработка инновационных подходов к развитию и создание благоприятной среды для их последующей реализации.

Цель исследования – анализ возможностей расширения производственной отрасли региональной экономики посредством формирования интегрированных кластерных объединений.

Материалы и методы исследования

Данное исследование базируется на ряде информационных ресурсов, включающих в себя: нормативно-правовые акты, действующие на территории Российской Федерации, региональные законы Республики Ингушетия, официальный интернет-сайт Правительства РФ, веб-страницы Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Министерства экономического развития Российской Федерации, а также материалы, опубликованные Федеральной службой государственной статистики. В процессе

исследования применялись основополагающие принципы научного познания, такие как: предопределенность, беспристрастность, точность и комплексный подход.

В процессе анализа использовались данные, предоставленные Федеральной налоговой службой и Федеральной службой государственной статистики. Настоящее исследование демонстрирует, что правительственные структуры федерального и регионального уровней заметно улучшили результативность реализации программ помощи малому и среднему бизнесу.

Результаты исследования и их обсуждение

Доля государственного сектора в республике Ингушетия – не более 25%, остальная часть приходится на другие формы собственности. В республике функционируют около 900 крестьянских фермерских хозяйств. Сельскохозяйственные угодья составляют 222,2 тыс. га, в том числе пашни 112,2 тыс. га, многолетние насаждения – 2,5 тыс. га, сенокосы – 9,6 тыс. га, пастбища – 97,9 тыс. га. В республике насчитывается 115 крупных и средних сельскохозяйственных предприятий. Традиционным направлением сельскохозяйственного производства является: разведение крупного рогатого скота, производство картофеля, сахарной свеклы, зерновых [1].

Текущая оценка ситуации демонстрирует, что вопросы экономического прогресса Ингушетии все еще не нашли своего разрешения, нуждаются в глубоком изучении и применении всесторонней стратегии для стимулирования индустриального сектора республики.

Применение известных в мировой и российской экономической практике интеграционных подходов обуславливает необходимость в создании проработанных теоретико-практических концепций. Это позволит разработать рабочий алгоритм построения и определить структурную схему интегрированных экономических систем, учитывающих специфику текущего состояния Республики Ингушетия.

Несомненно, новые организационные структуры играют важную роль в прогрессе региона, особенно при наличии финансирования от государства. Поддержка отдельных экономических агентов важна, однако более значительный экономический подъем при сохранении того же уровня гос-

субсидий, может быть достигнут, если инвестировать в стимулирование интеграции этих субъектов.

Для проведения анализа были использованы данные, полученные из различных источников, включая Федеральную службу государственной статистики и ее территориальное отделение в Ингушетии, а также министерства финансов, сельского хозяйства, продовольствия и экономического развития Республики Ингушетия. В процессе исследования были проанализированы отчеты научно-исследовательских институтов, экспертные оценки, научные работы и выводы опытных профессионалов, первичная документация анализируемых организаций, а также информация, найденная в интернете.

Данные, необходимые для осуществления аналитической работы, были взяты непосредственно у экономических агентов, осуществляющих деятельность в Республике Ингушетия, а также из статистических справочников и разнообразных источников информации. В дополнение к этому, были применены оценки специалистов и данные, полученные в ходе опросов общественно-го мнения.

Актуальность рассматриваемого вопроса определяется санкционным давлением со стороны ряда государств, негативно повлиявшим на поставки передовых товаров и технологий в Россию. Это, в свою очередь, стимулирует ускорение экономического роста внутри страны, создание собственных технологических решений и общую мобилизацию экономических ресурсов. В текущей непростой обстановке для России становится приоритетной задачей достижение технологической независимости. Это подразумевает собой существенное сокращение доли иностранных товаров в ключевых секторах российской экономики посредством их замещения отечественными аналогами. Появилась потребность в увеличении объемов выпуска, ускорении производственного цикла, при одновременном поддержании высокого уровня качества продукции. В текущей обстановке проведения специальной военной операции это приобретает особое значение, поскольку для её участников крайне необходимо оперативное предоставление новейших высокотехнологичных средств.

В сложившейся ситуации важную роль в стимулировании инноваций в России могут сыграть предприятия малого и среднего бизнеса (МСБ).

По итогам первого квартала 2025 года численность малых и средних предприятий в России превысила 6,7 млн. Это рекордный показатель с начала ведения специального реестра субъектов МСП в 2016 году [2]. Интенсификация инновационной активности, наряду с существенной представленностью малого и среднего бизнеса в структуре предприятий страны, позволяет им стимулировать более динамичное инновационное развитие национальной экономики. В целях активизации инновационной активности малых и средних предприятий, государству следует существенно нарастить объем предоставляемой им финансовой помощи.

Оказание помощи предпринимательству обусловлено его существенным влиянием на социально-экономическую обстановку, уменьшением государственных затрат на инициативы по трудоустройству (как на уровне страны, так и на уровне области), поддержанием общественного равновесия и урегулированием вопроса о невысоких заработках граждан. Финансирование малого бизнеса за счет государственных инвестиций, направленное на развитие региона, представляется как формирование плацдарма для будущих налоговых доходов и укрепление стабильности экономики территории.

Принимая во внимание менталитет населения и роль правительственных организаций на этой территории, приоритетной задачей становится поддержка небольших предприятий во всех отраслях местного хозяйства. В регионе наблюдается существенный резерв для расширения предпринимательства, обусловленный наличием сбережений у граждан, доступностью как неквалифицированной, так и опытной рабочей силы, а также увеличивающимся интересом к различным товарам и сервисам. Ключевым фактором, по нашему мнению, является наличие у жителей республики «предпринимательского духа», который необходим для основания и процветания личного дела.

Наблюдается устойчивая тенденция к увеличению экономических показателей малого бизнеса. Важно осознавать, что даже простое увеличение количества работающих в секторе малого предпринимательства ведет не только к росту налоговых поступлений, но и к увеличению числа граждан с высоким потенциалом активности, включая владельцев малых предприятий и их сотрудников [3].

При всей наблюдаемой позитивной тенденции роста, вклад малых предприятий в региональный валовый продукт остается невысоким. Это, по нашему мнению, свидетельствует о присутствии неофициальных экономических связей и развитии предпринимательской деятельности в неформальном секторе экономики. Теневой сектор малого предпринимательства в Дагестане расширяется из-за дефицита благоприятных институциональных факторов, а также благодаря значительному предпринимательскому потенциалу местных жителей.

Официальные и не прямые экономические индикаторы указывают на то, что существенная доля малых предприятий функционирует в рамках теневой экономики, а масштабы неформальных связей в российской экономике демонстрируют тенденцию к росту. В связи с этим, на сегодняшний день особую значимость приобретает вопрос о приведении деятельности малого бизнеса в этой сфере в соответствие с законодательством. На наш взгляд, необходимо искать решение данной проблемы, принимая во внимание экономическое и общественное значение малых предприятий, однако, делая упор на их социальную составляющую.

В Ингушетии стимулирование малого бизнеса играет важнейшую роль. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, в регионе наблюдается избыток рабочей силы, а с другой – он сильно зависит от дотаций и находится в состоянии экономического упадка. Таким образом, становится крайне важным проведение действенной государственной стратегии, ориентированной на поддержку малого бизнеса в стране [4].

В первую очередь необходимо поддерживать социальную направленность малого бизнеса, поскольку это может способствовать:

- Содействие в обретении гражданами самостоятельности в обеспечении себя, выступает важной формой социальной помощи, в особенности в горных и предгорных местностях страны, где отмечается повышенная безработица.;

- Создание рабочих мест, предлагающих гибкий график (например, свободный график, частичная занятость или почасовая оплата), позволит зарабатывать таким категориям граждан, как студенты, инвалиды, матери с детьми и другие социально уязвимые группы населения.;

- Создание рабочих мест, требующих больших затрат труда, даст возможность обеспечить значительную долю сельского населения занятостью по найму. Значительная доля трудовых затрат в регионе приходится на создание функциональных предметов народного искусства, где исторически преобладает ручной труд квалифицированных ремесленников.

Помимо этого, продвижение бизнес-инициатив в указанной отрасли промышленности области стимулирует формирование системы обучения как метода подготовки кадров в области традиционных ремесел народного искусства [5].

В этом случае возможно применение как личных накоплений, так и заемных ресурсов от членов семьи, знакомых и прочих лиц, близких к предпринимателю. В свою очередь, привлечение финансов от близких родственников и друзей усиливает внутреннюю психологическую ответственность бизнесмена, побуждая его осваивать необходимые навыки предпринимательства и изучать азы управления.

Вопросы развития малого бизнеса и трудоустройства сильно взаимосвязаны. Влияние малого бизнеса на трудоустройство определяется его социальными особенностями, которые сказываются на объеме и структуре рабочей силы. «Когда правительство не учитывает социальную роль малого бизнеса, акцентируя внимание исключительно на его экономических показателях, малые предприятия часто уходят в теневую экономику. В такой ситуации занятость в этом секторе становится неофициальной и скрытой.

Ключевым фактором для прогресса малого бизнеса в регионе является усовершенствование системы государственной помощи, так как действующие методы не создают благоприятной среды для честного сотрудничества между государством и небольшими предприятиями. Существуют значительные недостатки в процессе выбора и финансирования бизнес-проектов [6].

Основная сложность заключается в повсеместной коррупции в государственных структурах и этническом разделении власти, что приводит к тому, что государственная поддержка используется для установления неформальных связей. Предпринимателям приходится платить «откаты» за получение государственной помощи, что создает иллюзию, что после этого они

освобождены от уплаты налогов и других обязательных платежей. В результате, для избежания убытков, компании вынуждены скрывать часть своих доходов и вести двойную бухгалтерию.

Для преодоления данной трудности необходимо коренным образом преобразовать систему государственной помощи малому бизнесу. Мы полагаем, что разумно будет внедрить систему независимой научной оценки каждого проекта, получающего частичное или полное финансирование из государственного бюджета.

Оптимальным подходом представляется широко используемая в научном сообществе международная система грантового финансирования исследовательских инициатив, при которой выбор проектов для поддержки и их оценка осуществляются разными группами экспертов [7].

В настоящее время очевидна потребность в государственной помощи малому бизнесу, однако крайне важно установить такие формы поддержки, которые не приведут к формированию зависимости и не нанесут ущерб принципам предпринимательства. Среди подобных инструментов можно выделить оплату общих выставочных площадей на ярмарочных мероприятиях, целевое предоставление бюджетных средств на конкурсной основе, организацию тренингов и переподготовку кадров для малого и среднего бизнеса, компенсацию части процентных выплат по займам и прочее.

Формирование кластеров в регионе может вывести отдельные компании на совершенно новый этап развития, предоставив им расширенные перспективы для прогресса, так как кластер является исключительной управленческой и финансовой платформой для современных предприятий, обладающей потенциалом для привлечения как государственных ресурсов, так и частных вложений. Это даёт возможность осуществлять масштабные инициативы в сферах инфраструктурного строительства и технологических прорывов, ориентированных на модернизацию и сбалансированное совершенствование территориально-хозяйственной системы промышленного сектора региона [8].

Государственно-частное партнерство в кластерной структуре, как показывает анализ, несмотря на комплексность и многогранность, демонстрирует гибкость, приспособляемость, целостность управления

и организации, а также последовательность производственных стадий, включая сбор, доставку, складирование и обработку агропродукции. Это способствует укреплению конкурентоспособности, освоению новых рынков и развитию регионального промышленного сектора.

Использование предложенного алгоритма кластеризации в контексте региональной экономики позволит выявить оптимальные компании для формирования кластера. Этот формат подразумевает создание и укрепление длительных, стабильных, справедливых и взаимовыгодных связей между всеми участниками, гарантирующих разделение обязанностей, логическую организацию этапов и слаженность усилий в конкретных областях работы. Это даст возможность сформировать благоприятную среду для укрепления кластерных образований в области, с возобновлением промышленного выпуска продукции посредством технического обновления производственных участков, генерирующих высокую прибыль, и совершенствованием инновационной базы в секторе переработки.

Разработанная структура кластера, учитывающая ключевые направления экономического роста региона, основанная на синергии объединенных ресурсов, даст возможность аккумулировать инвестиции, обновить инфраструктуру сельского хозяйства, ускорить техническое и технологическое обновление производства с акцентом на инновации и растущий спрос на конкурентоспособные товары в будущем [9].

Интеграция системы метрик для оценки результативности кластеров в управленческую практику способствует укреплению их структурной и функциональной стабильности перед лицом внешних и внутренних факторов влияния. В завершение, следует акцентировать внимание на том, что созданная нами институциональная экономическая структура, в частности кластерный подход, предполагает слаженную, комплексную систему функционирования, гарантирующую наиболее эффективное сотрудничество всех элементов в пределах целостного процесса [10].

Формирование кластерных объединений ведет к существенному росту экономических результатов территории, как количественных, так и качественных, вследствие возникающего синергетического эффекта. Это, в свою очередь, способствует

усилению конкурентоспособности отрасли благодаря:

- а) увеличению числа рабочих вакансий;
- б) применению модели сотрудничества государства и частного бизнеса;
- в) созданию предпосылок для институциональной реорганизации структуры промышленности;
- г) стимулированию притока инвестиций в экономику региона;
- д) увеличению прибыльности промышленных предприятий;
- е) объединению ресурсов;
- ж) сокращению операционных расходов;
- з) возникновению возможности успешного выхода на международные рынки;
- и) активизации инновационной деятельности и генерации новых знаний;
- к) совершенствованию рыночной инфраструктуры.

Объединение предприятий в кластеры обеспечивает им, благодаря установленным внутригрупповым взаимодействиям, стабильный сбыт продукции. Кроме того, упрощается процесс привлечения инвестиций, сокращаются издержки на продвижение и рекламу, а также на поиск и привлечение квалифицированных сотрудников, включая управленческий персонал. Кластеры активизируют научно-исследовательскую работу и ускоряют обмен информацией, способствуя быстрому внедрению инноваций во все фазы производственного процесса. Внутрикластерные связи и консолидация интеллектуальных активов придадут импульс возникновению новых конкурентных обстоятельств, стимулируя генерацию инновационных концепций, создание новых предприятий и расширение спектра направлений деятельности.

Мы полагаем, что для формирования кластеров, стремящихся к развитию инновационной среды в регионе и отрасли в целом, оптимальным подходом является использование механизмов государственно-частного партнерства. Если рассматривать государственно-частное партнерство (ГЧП) в контексте кластеров, то подразумеваются формализованные организационно-экономические связи между государственным сектором (включая федеральный, региональный и муниципальный уровни) и коммерческими предприятиями. Эти связи базируются на объединении взаимовыгодных действий и предусматривают механизмы урегулирования разногласий и устранения

барьеров посредством договорных обязательств. Использование государственно-частного партнерства позволяет воплощать в жизнь масштабные инвестиционные инициативы и укреплять взаимодействие между всеми вовлеченными сторонами на основе продолжительных, стабильных, справедливых и обоюдовыгодных договоренностей.

Заключение

Формирование и поддержка комплексных объединений, таких как кластеры, в субъектах федерации значительно простимулирует реализацию многообещающих векторов регионального промышленного выпуска.

В итоге, на основе анализа степени развития производственных мощностей и объема выпускаемой продукции, а также выявления нужд регионов в конкурентоспособных товарах, будут установлены ключевые направления развития индустриальных комплексов регионов, учитывая существующие производственные и экономические взаимосвязи, а также уровень доходов различных групп населения, в рамках формирования кластерных структур.

В контексте Республики Ингушетия, создание и совершенствование интегрированных объединений в форме кластеров в будущем способны стимулировать прогресс в ключевых областях, таких как:

- совершенствование секторов индустрии;
- учитывая цели эффективного функционирования кластеров, возрастет потребность в технологиях, экономно использующих ресурсы и оказывающих минимальное воздействие на окружающую среду;
- расширение экспорта промышленных товаров после обеспечения достаточного предложения на внутреннем рынке.

Изучение показало, что, невзирая на сложную иерархию и разветвленность, данный кластер отличается адаптивностью, способностью к изменениям, целостностью организации и контроля, а также непрерывностью технологических этапов, включающих добычу, доставку, хранение и обработку материалов. Указанные действия позволят укрепить позиции в конкурентной борьбе, освоить новые рыночные ниши и стимулировать развитие промышленного сектора Ингушетии. Кроме того, в соответствии с общенациональными приоритетами, они окажут положительное воздействие на повышение уровня благосостояния граждан.

Библиографический список

1. Республика Ингушетия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ingushetia.ru/about/promyshlennost.php> (дата обращения: 11.09.2025).
2. Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/chislennost_malyh_isrednih_predpriyatiy_vrossii_obnovila_rekord_iprevysila_67 mln.html (дата обращения: 11.09.2025).
3. Цугленок О.М., Абушенкова М.В., Ахмадеев Р.Г., Тюпаков К.Э. Кластер как основа устойчивого функционирования предприятий в сфере АПК // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15. № 1. С. 416-434. URL: <https://discover-journal.ru/jour/index.php/sjlsa/article/view/756> (дата обращения: 11.09.2025). DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-416-434.
4. Штин А.А. Основополагающие принципы конкурентоспособности сельскохозяйственной отрасли на региональном уровне // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2023. № 3 (45). С. 65-73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67919490> (дата обращения: 17.09.2025).
5. Юдина Е.В., Васильева И.А., Лебедев К.А. Перспективы повышения конкурентоспособности продукции АПК на внешних рынках // Экономика и предпринимательство. 2023. № 1 (150). С. 208-211. URL: <http://intereconom.com/archive.html> (дата обращения: 11.09.2025).
6. Магоматов В.А., Ефременко А.Н., Павлюкова А.В. Особенности импортозамещения и конкурентного развития аграрного сегмента рынка Северного Кавказа в условиях экспортно-ориентированной индустриализации отрасли // Финансовый менеджмент. 2024. № 1. С. 185-195. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=62705716> (дата обращения: 13.09.2025).
7. Калимуллина О.Е., Ярцева К.А., Литун К.В. Роль экспертных и рекомендательных систем для интеллектуализации бизнеса: отраслевой анализ рынка // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 3. DOI: 10.18334/vinec.12.3.114969.
8. Серова Е.В., Наумов А.С., Янбых Р.Г., Орлова Н.В., Абдолова С.Н. Проблемы сельского развития и новые подходы к их решению в России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 6(384). С. 10-16. DOI: 10.24412/2587-6740-2021-6-10-16.
9. Олешкевич К.И., Гракова С.С. Влияние креативных кластеров на инновационное развитие современных городов // Молодой ученый. 2023. № 51 (498). С. 482-485. URL: <https://app-static-cdn.moluch.org/archive/498/109367> (дата обращения: 13.09.2025).
10. Горшкова Н.В., Шкарупа Е.А., Елтонцев А.В. Импортозамещение в АПК: механизм реализации и перспективы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 3. С. 63-73. URL: <https://ges.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/1124-journal-of-volgograd-state-university-economics-2021-vol-23-3/upravlenie-ekonomicheskim-razvitiem/1722-gorshkova-n-v-shkarupa-e-a-elatontsev-a-v-importozameshchenie-v-apk-mekhanizm-realizatsii-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 12.09.2025).

УДК 336.1

С. Г. Хабаев

ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации», Москва

П. Г. Крадинов

ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации», Москва, e-mail: pkradinov@nifi.ru

ОБОСНОВАННОСТЬ ПОЛИТИКИ ПО ВНЕДРЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОНКУРСА

Ключевые слова: социальный заказ, государственные (муниципальные) услуги в социальной сфере, конкурс, конкуренция, обоснованность политики, оценка обоснованности.

В 2024 г. завершилась пилотная апробация механизмов Закона о социальном заказе, в связи с чем целесообразно осуществить оценку обоснованности политики регионов по внедрению социального заказа. В статье рассмотрена практика применения конкурса. В исследовании представлены подходы к оценке обоснованности политики по внедрению социального заказа при проведении конкурса, в том числе показатели, характеризующие возникновение конкуренции: количество участников конкурса; наличие или отсутствие участников конкурса-негосударственных организаций; наличие нескольких победителей в конкурсе; наличие или отсутствие организации, получившей право на оказание существенного объема услуг по результатам конкурса. Обобщена информация о проведенных конкурсах в целях исполнения социального заказа в 2024 г. и на основании ее анализа произведена оценка обоснованности политики при проведении конкурса с учетом указанного выше подхода. В $\frac{4}{5}$ проведенных конкурсов зафиксирован низкий уровень обоснованности политики или необоснованная политика из-за признания проведенного конкурса несостоявшимся по причине наличия только одной заявки или отсутствия заявок. Результаты проведенного анализа позволяют говорить о формальности использования конкурса на практике в настоящее время. Государственные учреждения не подают заявки на участие в конкурсах, если такие заявки подают негосударственные организации, и наоборот. Фактически данный инструмент применяется не для создания конкуренции, а для легального предоставления негосударственным организациям субсидий на оказание услуг либо для распределения соответствующих объемов в пользу государственных учреждений на безальтернативной основе.

S. G. Khabaev

Financial research Institute of the Ministry of finance of the Russian Federation, Moscow

P. G. Kradinov

Financial research Institute of the Ministry of finance of the Russian Federation, Moscow, e-mail: pkradinov@nifi.ru

REASONABLENESS OF THE POLICY ON IMPLEMENTING A SOCIAL ORDER DURING A TENDER

Keywords: social order, public (municipal) services in the social sphere, tender, competition, policy validity, assessment of policy validity.

In 2024, the pilot testing of the mechanisms of the Law on Social Ordering was completed, which makes it advisable to assess the validity of the regions' policies on the implementation of social ordering. The article examines the practice of using the competition. The study presents approaches to assessing the validity of the policy on the implementation of social ordering during the competition, including indicators that characterize the emergence of competition: the number of participants in the competition; the presence or absence of non-governmental organizations as participants in the competition; the presence of multiple winners in the competition; and the presence or absence of an organization that has been granted the right to provide a significant volume of services based on the results of the competition. The information on the tenders held in order to fulfill the social order in 2024 has been summarized, and based on its analysis, the validity of the policy has been assessed when conducting the tender, taking into account the above-mentioned approach. In $\frac{4}{5}$ of the conducted competitions, there was a low level of policy validity or an unjustified policy due to the recognition of the competition as invalid due to the presence of only one application or the absence of applications. The results of the analysis suggest that the current use of the competition is formal. Public institutions do not submit applications for participation in competitions if non-governmental organizations submit such applications, and vice versa. In fact, this tool is not used to create competition, but rather to legally provide non-governmental organizations with subsidies for services or to allocate corresponding volumes to public institutions on a non-competitive basis.

Введение

До принятия Закона о социальном заказе [1] исследования в данной области касались теоретических положений возможности использования конкурентных процедур при организации оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере (далее также услуги в социальной сфере) в условиях рынка [2] и непосредственно новой концепции оказания услуг [3]. В ряде работ описывались риски внедрения новой модели [3] и в первую очередь риски сокращения бюджетной сети [4] из-за открытия рынка для негосударственных организаций.

После принятия закона в режиме пилотной апробации указанные риски на практике не оправдались, бюджетная сеть по-прежнему занимала и занимает доминирующее положение при оказании услуг в социальной сфере гражданам. В связи с этим отдельными авторами анализировался потенциал негосударственных организаций составить конкуренцию государственным учреждениям для выхода на соответствующие рынки [5-8].

Внедрение конкурентных способов отбора исполнителей услуг в социальной сфере является одной из ключевых новаций Закона о социальном заказе (далее также конкурентные способы отбора) [1], поэтому политика по внедрению социального заказа представляет собой определение перечня услуг в социальной сфере и их объемов, в отношении которых будут использоваться такие способы. Когда апробация подходила к завершению, исследователями разрабатывались подходы к оценке политики регионов по внедрению новых инструментов и осуществлялась такая оценка на основании анализа плановых документов (социальных заказов) [9, 10], а также анализировались социальные результаты реализации закона [11].

В 2024 г. завершилась пилотная апробация механизмов Закона о социальном заказе, в связи с чем целесообразно осуществить оценку обоснованности политики регионов по внедрению социального заказа. Под обоснованной предлагается понимать политику, по результатам проведения которой достигаются цели внедрения конкурентных способов отбора.

Закон о социальном заказе предусматривает два конкурентных способа отбора:

- конкурс на заключение соглашения об оказании услуг в социальной сфере (далее – конкурс);

- отбор обозначенным в социальном сертификате потребителем услуг либо его законным представителем исполнителя (исполнителей) услуг из реестра исполнителей услуг по социальному сертификату [1].

При этом в настоящее время отсутствуют работы, где в фокусе внимания находится конкретный конкурентный способ отбора – конкурс – и источниками данных являлись бы не плановые документы (социальные заказы), а конкретные документы по проведенным конкурентным процедурам (объявления о проведении конкурса, протоколы).

В данной работе будет рассмотрен конкурс, суть которого заключается в определении победителя (победителей) среди подавших предложения на участие в нем.

Целью исследования является выработка подходов к оценке обоснованности политики по внедрению социального заказа на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере при проведении конкурса и их апробация.

Материалы и методы исследования

Для проведения оценки обоснованности политики необходимо выработать показатели, которые будут специфичны для конкурса. Следует отметить, что нормы Закона о социальном заказе позволяют распределять объем услуги в социальной сфере между подавшими предложения участниками (победителями) конкурса [1], то есть предусматривается возможность определения нескольких победителей. Из этого следует, что обоснованной политикой по внедрению конкурса является политика, приведшая к возникновению конкуренции.

На наш взгляд, показателями, характеризующими возникновение конкуренции при проведении конкурса, будут являться:

- количество участников конкурса;
 - наличие или отсутствие участников конкурса-негосударственных организаций;
 - наличие нескольких победителей в конкурсе;
 - наличие или отсутствие организации, получившей право на оказание существенного объема услуг по результатам конкурса.
- Наличие одного участника конкурса может свидетельствовать о том, что уполномоченный орган формально подошел к выбору услуги в социальной сфере, в отношении которой принято решение о проведении конкурса.

Наличие участников конкурса-негосударственных организаций может свидетельствовать о том, уполномоченный орган при выборе услуги в социальной сфере, в отношении которой проводился конкурс, учитывал потенциал негосударственных организаций как их исполнителей.

В данном случае могли учитываться несколько факторов:

- наличие негосударственных организаций, имеющих опыт оказания услуг в социальной сфере в рамках Закона о контрактной системе [12] или посредством получения субсидий, количество таких негосударственных организаций, объемы оказанных ими услуг в социальной сфере и период оказания услуг;

- наличие в регионе развитого рынка услуг однородных или идентичных услугам в социальной сфере;

- показатели деятельности негосударственных организаций, функционирующих в социальной сфере (масштаб деятельности, материально-техническое оснащение, среднесписочная численность персонала).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.11.2020 №1842 [13] предусмотрено, что участнику конкурса, которому присвоен первый номер в рейтинге, распределяется объем оказания услуги в социальной сфере, равный значению объема, указанному им в предложении. Оставшийся объем оказания услуги в социальной сфере распределяется между другими участниками конкурса, включенными в рейтинг.

Представленный порядок распределения объема оказания услуги в социаль-

ной сфере позволяет сделать вывод о том, что при наличии нескольких победителей уполномоченный орган вынес на конкурс существенный объем услуг, что является положительным фактором для развития конкуренции.

При использовании последнего показателя необходимо определить понятие «оказание существенного объема услуг». Существенным предлагается считать объем, составляющий более 50% объема, выносимого на конкурс.

Отсутствие организации, получившей право на оказание существенного объема услуг по результатам конкурса, позволяет говорить, что уполномоченным органом:

- вынесен существенный объем услуг на конкурс;

- учитывался факт наличия нескольких участников конкурса со схожим уровнем потенциала для оказания услуги в социальной сфере.

Предлагается выделить пять уровней обоснованности политики по внедрению конкурса: очень высокий, высокий, средний, низкий, а также необоснованная политика.

Чем выше уровень конкуренции, тем выше уровень обоснованности политики. Высокий уровень конкуренции свидетельствует о том, что уполномоченным органом проведена работа по оптимальному выбору услуги в социальной сфере и объему, выносимому на конкурс.

В таблице 1 представлен порядок оценки обоснованности политики по внедрению конкурса на основании предложенных показателей.

Таблица 1

Порядок оценки обоснованности политики по внедрению конкурса

Уровень обоснованности политики	Количество участников конкурса	Наличие участников конкурса – негосударственных организаций	Наличие двух и более победителей в конкурсе	Отсутствие организации, получившей право на оказание существенного объема услуг
Очень высокий	три и более	+	+	+
Высокий	три и более	+	+	-
	два	+	+	+
Средний	случаи, не относящиеся к очень высокому, высокому, низкому уровням обоснованности и необоснованной политике			
Низкий	два и более	-	+ / -	+ / -
	один	+ / -	+ / -	+ / -
Необоснованная политика	ноль	не учитывается	не учитывается	не учитывается

Источник: составлено авторами.

Далее представлены результаты анализа по конкурсам, в рамках которых проводился отбор исполнителей для исполнения социального заказа в 2024 г.

Результаты исследования и их обсуждение

Всего посредством проведения конкурса по данным социальных заказов на 2024 г. планировалась организация оказания 36 услуг в 15 субъектах Российской Федерации (таблица 2). При этом на Республику Башкортостан приходится 13 услуг, на остальные регионы – от одной до трех услуг.

На основании данных открытых источников, а именно Портала предоставления мер финансовой государственной поддержки [15] и официальных сайтов региональных органов исполнительной власти, найдены сведения о проведении 31 конкурса из 36.

Авторами обобщена информация о проведенных конкурсах на заключение соглашений об оказании услуг в социальной сфере в 2024 г. и на основании ее анализа произведена оценка обоснованности политики при проведении конкурса с учетом описанного выше подхода (таблица 3).

В $\frac{4}{5}$ проведенных конкурсов (25 из 31, или более 80%) зафиксирован низкий уровень обоснованности политики или необо-

снованная политика из-за признания проведенного конкурса несостоявшимся по причине наличия только одной заявки (23 конкурса) или отсутствия заявок (2 конкурса).

Очень высокий уровень обоснованности политики отмечен в одном случае – в Приморском крае при проведении конкурса на обучение детей плаванию по программе 36 часов. В рассматриваемом случае поданы четыре заявки (все от негосударственных организаций), победителями конкурса признаны две организации с объемами оказания услуг в 400 чел. и 200 чел. соответственно при установленном социальным заказом объеме оказания услуги, распределяемом в ходе проведения конкурса, в 1 500 чел.

Высокий уровень обоснованности политики отмечен в двух случаях. В Республике Башкортостан при проведении конкурса по реализации дополнительных образовательных программ спортивной подготовки по олимпийским видам спорта по виду спорта «художественная гимнастика» поданы три заявки (все от негосударственных организаций), победителями конкурса признаны две организации с объемами оказания услуг в 68 чел. и 40 чел. соответственно при установленном социальным заказом объеме оказания услуги, распределяемом в ходе проведения конкурса, в 108 чел.

Таблица 2

Услуги, организация оказания которых планировалась в 2024 г. посредством проведения конкурса на заключение соглашения об оказании услуг в социальной сфере

Направление деятельности	Количество услуг, ед.		Количество регионов
	ед.	доля, %	
Спортивная подготовка	23	63,9	девять регионов (Калужская область, Камчатский край, Курская область, Оренбургская область, Пермский край, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская область)
Оказание паллиативной медицинской помощи	6	16,7	четыре региона (Вологодская область, Воронежская область, Московская область, Пермский край)
Санаторно-курортное лечение	3	8,3	два региона (Алтайский край, Камчатский край)
Социальное обслуживание	2	5,6	один регион (Алтайский край)
Содействие занятости населения	1	2,8	один регион (г. Санкт-Петербург)
Оказание физкультурно-оздоровительных услуг	1	2,8	один регион (Приморский край)
Всего:	36	100,0	15 регионов

Источник: составлено авторами на основании данных региональных социальных заказов [14].

Таблица 3

Результаты оценки обоснованности политики при проведении конкурса

Уровень обоснованности политики	Регион, направление деятельности	Услуга
Очень высокий уровень	Приморский край, оказание физкультурно-оздоровительных услуг	обучение детей плаванию по программе 36 часов
Высокий уровень	Республика Башкортостан, спортивная подготовка	художественная гимнастика
	Санкт-Петербург, содействие занятости населения	организация сопровождения при содействии занятости инвалидов
Средний уровень	Республика Башкортостан, спортивная подготовка	хоккей
		фигурное катание на коньках
	Челябинская область, спортивная подготовка	тхэквондо
Низкий уровень	23 услуги в сферах паллиативной медицинской помощи (Вологодская область – 2 услуги, Воронежская область, Московская область – 2 услуги, Пермский край), санаторно-курортного лечения (Алтайский край), социального обслуживания (Алтайский край – 2 услуги), спортивной подготовки (Калужская область, Камчатский край, Курская область, Республика Башкортостан – 8 услуг, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская область – 2 услуги)	
Необоснованная политика	Республика Башкортостан, спортивная подготовка	конный спорт
		самбо
Всего:	13 регионов	31 услуга

Источник: составлено авторами.

В г. Санкт-Петербурге при проведении конкурса по организации сопровождения при содействии занятости инвалидов поданы две заявки (обе от негосударственных организаций), победителями конкурса признаны две организации, с объемами оказания услуг в 100 чел. и 150 чел. соответственно при установленном социальным заказом объеме оказания услуги, распределяемом в ходе проведения конкурса, в 400 чел.

Средний уровень обоснованности политики отмечен в трех случаях. В двух конкурсах при трех поданных заявках (в том числе от негосударственных организаций) победителем признана только одна организация. В последнем конкурсе поданы две заявки (обе от негосударственных организаций), победителями конкурса признаны две организации, при этом в пользу одной из них распределен существенный объем услуг.

Необходимо отметить, что из 29 конкурсов, в рамках которых была подана хотя бы одна заявка, в 28 конкурсах участниками являются либо только негосударственные организации (25 конкурсов с количеством заявок от одной до четырех), либо только одно региональное бюджетное или авто-

номное учреждение (3 конкурса). Лишь в одном случае были поданы одновременно две заявки от негосударственных организаций и одна от муниципального бюджетного учреждения, которое стало единственным победителем конкурса.

Кроме того, в ряде случаев в пользу государственных учреждений распределяются соответствующие объемы услуг по конкурсам, в которых они не участвовали, в том числе по конкурсам, на которые не было подано ни одной заявки.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют говорить о формальности использования конкурса на практике в настоящее время. Государственные учреждения не подают заявки на участие в конкурсах, если такие заявки подают негосударственные организации, и наоборот. Фактически данный инструмент применяется не для создания конкуренции, а для легального предоставления негосударственным организациям субсидий на оказание услуг либо для распределения соответствующих объемов в пользу государственных учреждений на безальтернативной основе.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 13.07.2020 № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере».
2. Хабаев, С.Г., Крадинов П.Г. Целевая потребительская субсидия как конкурентный способ определения исполнителя государственных (муниципальных) услуг // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 48(282). С. 50-64. EDN: VBFQEH. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25006468> (дата обращения: 15.08.2025).
3. Пронина Л.И. Социальный заказ – новая концепция оказания услуг в социальной сфере: преимущества и риски // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. № 6. С. 42-53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39239583> (дата обращения: 15.08.2025).
4. Золотарева А.Б. Риски перехода к рыночному размещению государственного заказа на оказание социальных услуг // Юридические исследования. 2018. № 2. С. 17-26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32777326> (дата обращения: 12.08.2025).
5. Ромайкин П.Д. Анализ и мониторинг потенциала привлечения негосударственных организаций к оказанию государственных услуг в сфере спортивной подготовки в рамках государственного социального заказа // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 11. С. 4353-4370. DOI: 10.18334/ce.17.11.119529. EDN: RPCUPO. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56568114> (дата обращения: 15.08.2025).
6. Мацкевич А.В. Потенциал организаций в сфере туризма и барьеры для выхода на рынок государственных услуг в рамках социального заказа // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 9. С. 77-82. DOI: 10.17513/vaael.2976. EDN: YZQFST. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54630300> (дата обращения: 17.08.2025).
7. Ромайкин П. Д. Потенциал привлечения негосударственных организаций к исполнению государственных услуг в сфере туризма в рамках государственного социального заказа // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6-2. С. 303-308. DOI: 10.17513/vaael.2281. EDN: ULQOQO. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48973766> (дата обращения: 17.08.2025).
8. Мацкевич А.В. Оценка потенциала негосударственных организаций для оказания государственных услуг в сфере спортивной подготовки в рамках социального заказа // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 10-3. С. 433-438. EDN: EBLUFT. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49792009> (дата обращения: 20.08.2025).
9. Хабаев С.Г., Крадинов П.Г. Социальный заказ: оценка политики регионов по внедрению конкурентных процедур определения исполнителя государственных услуг в социальной сфере // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 11. С. 4337-4352. DOI: 10.18334/ce.17.11.119416. EDN: DKSAXX. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56568113> (дата обращения: 15.08.2025).
10. Мацкевич А.В. Политика регионов по внедрению механизмов федерального закона № 189-ФЗ в 2024 году // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 11-1. С. 69-78. DOI: 10.17513/vaael.3823. EDN: UVCXHC. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=74974666> (дата обращения: 21.08.2025).
11. Лавров А.М., Соляникова С.П., Тюриков А.Г. Социальный заказ в Российской Федерации: новый инструмент бюджетной политики в социальной сфере // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28, № 6. С. 6-16. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-6-6-16. EDN: FMUXYM. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=78632236> (дата обращения: 15.08.2025).
12. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.11.2020 №1842 «Об утверждении Правил проведения конкурса на заключение соглашения об оказании государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере».
14. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [Электронный ресурс]. URL: <https://budget.gov.ru/%D0%91%D1%8E%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%82/%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%BA%D0%B0/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D1%8B-%D0%BD%D0%B0-%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3-%D0%B2-%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5> (дата обращения: 15.08.2025).
15. Портал предоставления мер финансовой государственной поддержки [Электронный ресурс]. URL: <https://promote.budget.gov.ru/public/minfin/activity> (дата обращения: 18.08.2025).

УДК 338:334.7

Е. Ю. Чарочкина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск,
e-mail: kati-ivolga@mail.ru

О. В. Сogaчева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

О. Ю. Асеева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

УЧАСТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: малый бизнес, цифровизация, технологическая трансформация, потенциал, эффективность, конкурентоспособность.

Важной составляющей конкурентных преимуществ экономики на современном этапе является уровень технологического развития предприятий и отраслей. Приоритетное значение в технологической модернизации отводится малому бизнесу, который формирует технологический потенциал и диверсифицирует экономику. Усиление поддержки и инфраструктуры откроет новые возможности для экспорта и цифровой трансформации. В статье представлены результаты обзора данных официальной статистики и научных публикаций по теме исследования. Систематизированы подходы к оценке уровня технологического развития экономики, определены основные направления развития малого технологического бизнеса, дана оценка ключевым условиям и факторам его развития на современном этапе. Отмечено влияние малого технологического бизнеса на развитие отраслей, выявлены препятствия и возможности для расширения цифровой активности малого бизнеса с целью формирования стратегии поддержки и развития сектора, обоснована необходимость проработки эффективного механизма государственной поддержки на основе диверсификации источников финансирования малого технологического бизнеса.

E. Yu. Charochkina

Southwest State University, Kursk, e-mail: kati-ivolga@mail.ru

O. V. Sogacheva

Southwest State University, Kursk

O. Yu. Aseeva

Southwest State University, Kursk

THE PARTICIPATION OF SMALL BUSINESSES IN THE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE ECONOMY: MAIN DIRECTIONS

Keywords: small business, digitalization, technological transformation, potential, efficiency, competitiveness.

An important component of the competitive advantages of the economy at the present stage is the level of technological development of enterprises and industries. Priority in technological modernization is given to small businesses that build technological potential and diversify the economy. Increased support and infrastructure will open up new opportunities for export and digital transformation. The article presents the results of a review of official statistics and scientific publications on the research topic. The approaches to assessing the level of technological development of the economy are systematized, the main directions of small technology business development are identified, and the key conditions and factors of its development at the present stage are assessed. The influence of small technology businesses on the development of industries is noted, obstacles and opportunities for expanding the digital activity of small businesses are identified in order to form a strategy for supporting and developing the sector, and the need to develop an effective mechanism for government support based on the diversification of sources of financing for small technology businesses is substantiated.

Введение

Малый бизнес играет важнейшую роль в современной экономике, выступая драйвером занятости, инноваций и устойчивого развития. В России доля малого и среднего предпринимательства (МСП) в валовом внутреннем продукте достигла рекордных 21,7%, что подчёркивает возросшую значимость этого сектора. При этом сектор МСП всё активнее внедряет цифровые технологии: по данным исследования «Предприниматели России: исследовательский мониторинг» [1] (ПРИМ), 92% представителей малого бизнеса уже используют цифровые инструменты для оптимизации бизнес-процессов. С 2010-х годов малый бизнес активно развивается благодаря господдержке, включая Фонд содействия инновациям. Технологическая модернизация стала основой повышения конкурентоспособности к 2025 году [2].

Цифровизация открывает широкие возможности для формирования технологического потенциала экономики, повышение эффективности управления, снижение издержек, улучшение доступа к рынкам и к клиентам, улучшение качества обслуживания, повышение прозрачности и аналитики [3]. Однако у малого бизнеса есть и свои особенности – ограниченность ресурсов (финансовых, кадровых, технологических), высокая уязвимость перед изменениями рыночной среды, зависимость от локальных рынков, сложности с управлением рисков. Для того чтобы использование технологических решений стало по-настоящему эффективным, необходимо учитывать эти особенности [4].

Цель исследования – на основе систематизации и обобщения данных официальных источников определить степень внедрения цифровых технологий в малом бизнесе для повышения его эффективности и конкурентоспособности на отечественном рынке, оценить роль малого бизнеса как драйвера инноваций и цифровых изменений в ключевых отраслях экономики страны.

Материалы и методы исследования

Методологической основой служат экономико-математические модели, позволяющие количественно оценить уровень цифровой активности и выявить тенденции развития технологий в малом бизнесе. На основе сравнительного анализа проведена оценка динамики цифровизации малого бизнеса в России с мировыми трендами, выявляя уникальные особенности и проблемы локального рынка. Используется системный подход к оценке, объединяющий технологические, экономические и социальные факторы, обеспечивая всестороннее понимание процессов технологического развития малого бизнеса [5,6].

Результаты исследования и их обсуждение

Масштабные инициативы и технологическая самодостаточность является главным фактором конкурентоспособности стран на современном этапе. Россия значительно отстает от лидеров по уровню внедрения цифровых технологий в малом бизнесе. Разрыв в цифровизации указывает на необходимость ускоренной цифровой трансформации российского малого бизнеса (рис. 1).

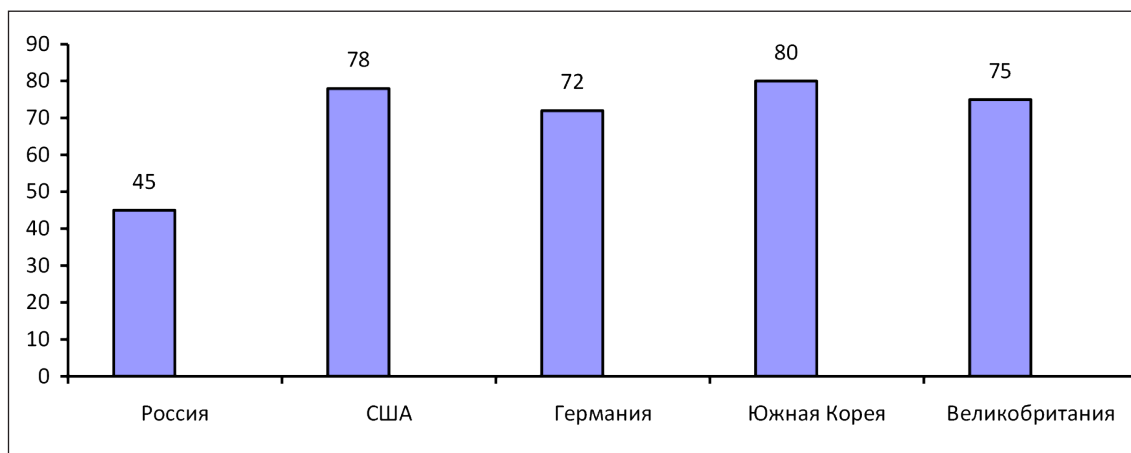

Рис. 1. Уровень цифровизации малого бизнеса, % [7]

Малый технологический бизнес активно использует цифровые решения в различных сферах и бизнес-процессах. В торговле с целью диверсификации каналов сбыта товаров и услуг, более эффективного взаимодействия с клиентами. Современные онлайн-платформы дают возможность малому бизнесу выходить на более широкие рынки, снижать издержки на персонал. В сфере производства малый бизнес использует цифровые решения для автоматизации бизнес-процессов, роста производительности труда. Внедрение систем управления производством (MES) и применение облачных решений дает возможность совершенствовать процессы контроля и планирования производственными ресурсами. В аграрном секторе активно внедряют интернет-технологии для мониторинга состояния посевов, управления ресурсами и прямых продаж продукции. Использование дронов, сенсоров и аналитических платформ позволяет повысить эффективность сельскохозяйственного производства и снизить затраты [8].

Динамика роста малого технологического бизнеса в России за последние десять лет показывает устойчивую тенденцию роста (рис. 2). Рост сопровождался развитием цифровой инфраструктуры и привлечением инвестиций в инновационные проекты. Постоянный рост числа компаний подтверждает потенциал сектора и растущую роль новых технологий в экономике.

Малые компании активно внедряют решения на базе искусственного интеллекта и промышленных роботов для оптимизации производственных процессов и повышения эффективности. Стартапы создают платформы с использованием блокчейн и умного анализа больших данных для улучшения прозрачности и скорости бизнес-процессов [10].

Данные по распределению компаний и региональному сосредоточению в технологических сегментах малого бизнеса представлены на рисунке 3. IT занимает лидирующую долю, в то время как биотехнологии и альтернативная энергетика демонстрируют устойчивый рост.

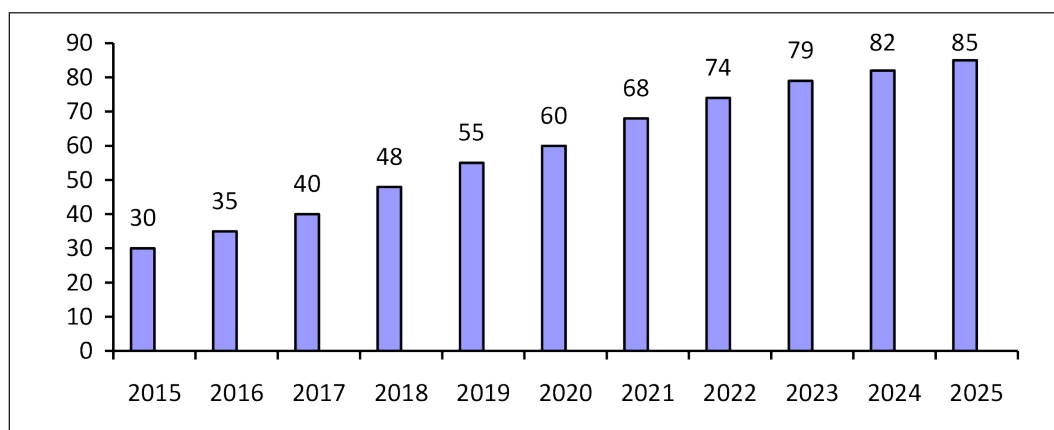

Рис. 2. Количество малых технологических компаний, тыс. [9]

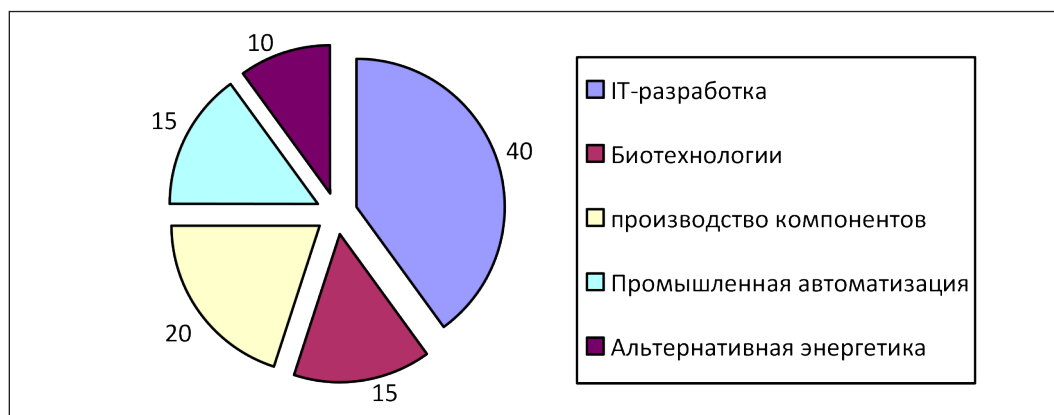

Рис. 3. Основные сектора малого технологического бизнеса в России в 2025 году, % [11]

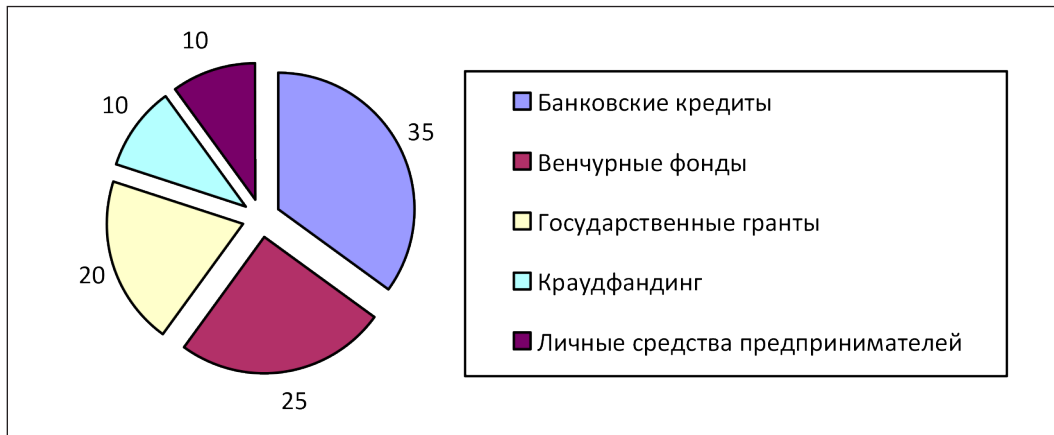

Рис. 4. Источники финансирования малого технологического бизнеса в России в 2025 году [11]

Малые технологические компании занимают важную нишу в экономике и во многих секторах. Они разрабатывают уникальную импортозамещающую продукцию и технологии, способные обеспечить стране технологический суверенитет. За счет своей маневренности и большей адаптивности по сравнению с крупным бизнесом способны создавать и выводить на рынок новые технологии и продукцию в более сжатые сроки. Согласно данным исследования, наблюдается активный рост малого технологического бизнеса, а льготные программы кредитования позволяет бизнесу масштабировать производства, наращивать объемы выпускаемой продукции и формировать необходимый научно-технический задел. При этом доля бизнеса в общем объеме инвестирования не превышает 30%. Очевидно, что сохранение текущих соотношений будет означать дальнейшее отставание в технологическом развитии, а значит и в конкурентоспособности экономики на мировом рынке (рис. 4).

Рост венчурного капитала и государственной поддержки стимулирует инновационные проекты. Диверсификация источников финансирования повышает устойчивость и динамику развития технологического сектора. Российский Малый бизнес имеет ряд особенностей, которые напрямую влияют на процесс внедрения технологий. Главным ограничением выступает недостаток финансовых ресурсов, затрудняющий покупку программного обеспечения и обучение персонала. Инвестиции в исследования и разработки в России сейчас составляют около 1.0% ВВП. В Китае этот показатель составляет 2.1%, в США – 2.7%. При этом

в Китае инвестиции, сделанные бизнесом, составляют 76% от общего объема, в США вклад бизнес-сообщества равен 62% [12].

Не менее значимая особенность – низкий уровень цифровых компетенций руководителей и сотрудников, из-за чего цифровизация часто проводится фрагментарно и без стратегического подхода. Также важную роль играет неоднородность сектора малого бизнеса: различия по отраслям, регионам и масштабам приводят к неравномерному уровню цифровизации [13]. В ряде регионов добавляются проблемы доступа к интернет-инфраструктуре и ИТ-кадрам. Кроме того, на внедрение технологий влияют институциональные и правовые барьеры – несовершенство законодательства, сложности получения господдержки и риски кибербезопасности. На федеральном уровне развитие цифровизации малого бизнеса поддерживается государством: Минэкономразвития России и Росстат реализуют программы по снижению отчетной нагрузки и переводу статистической отчетности в цифровую форму, что упрощает взаимодействие предпринимателей с государственными структурами.

Заключение

Совершенствование управления малым технологическим бизнесом является важным направлением формирования технологического потенциала в цифровой экономике. Внедрение цифровых решений повышает эффективность управления, оптимизирует бизнес-процессы и расширяет рыночные возможности. Важным направлением является использование интернет-технологий для оптимизации управления и маркетинга.

Разработка алгоритмов внедрения интернет-маркетинга позволяет малым предприятиям эффективно распределять задачи между руководством и сотрудниками, улучшая контроль маркетинговых активностей. Выстраивание цифровой архитектуры консалтинга интегрирует управленческие и маркетинговые услуги, улучшая стратегическое управление и повышая конкурентоспособность. Несмотря на положительную динамику роста предприятий высокотехнологичного сектора экономики России остается ком-

плекс нерешенных проблем, в частности, ограниченные ресурсы, недостаток цифровых компетенций и региональные различия. Для формирования устойчивого технологического роста экономики необходим комплексный подход с учетом отраслевых и региональных особенностей малого бизнеса, повышения квалификации управленческого и трудового персонала, усиление государственной поддержки, что даст возможность малому бизнесу повысить конкурентоспособность и устойчивость в цифровой среде.

Библиографический список

1. Официальный сайт «Министерство экономического развития Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_9_iz_10_predprinimateley_vnedryayut_cifru_v_biznes_processy.html (дата обращения: 05.08.2025).
2. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/> (дата обращения: 05.08.2025).
3. Цифровая трансформация бизнеса и бизнес-процессов. [Электронный ресурс]. URL: <https://snrd.ru/blog/cifrovaya-transformatsiya-biznesa-i-biznes-processov/> (дата обращения: 05.08.2025).
4. Батищев В.С., Андросова И.В., Степанова А.Р. Стратегические направления развития малого предпринимательства в России // ЦИТИСЭ. 2019. № 3(20). С. 19. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39135338> (дата обращения: 15.08.2025).
5. Сунь Л.К. проблематике цифровизации бизнеса и управления цифровыми бизнес-технологиями // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2023. № 4. С. 76-80. DOI: 10.46418/2079-8210_2023_4_13. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67222909> (дата обращения: 07.08.2025).
6. Белоусов Ф.А., Иванова А.К., Неволин И.В. Технологический суверенитет и глобальная конкуренция // Цифровая экономика. 2024. № 4(30). С. 24-33. DOI: 10.34706/DE-2024-04-03.
7. Digital Economy Trends 2025 [Электронный ресурс] URL: <https://ict.moscow/analytics/digital-economy-trends-2025/> (дата обращения: 05.08.2025).
8. Индикаторы цифровой экономики: 2025: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 296 с.
9. Апатова Н.В. Интеллектуальные технологии и цифровые платформы в развитии бизнеса. Симферополь: Ариал, 2024. 154 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75222441> (дата обращения: 05.08.2025).
10. Малые технологические компании наращивают потенциал. [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/articles/2025/09/30/malye-tehnologicheskie-kompanii-naraschivayut-potentsial/> (дата обращения: 09.08.2025).
11. Власова В.В. Глобальный инновационный индекс – 2025. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/1085304545.html> (дата обращения: 05.08.2025).
12. Микаелян А.А., Чернышов И.А., Калашникова Е.В. Роль малого и среднего предпринимательства в развитии инновационной экономики // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2025. № 5. С. 127-132. DOI: 10.47576/2949-1894.2025.5.5.019.
13. Денисенко Е.В. Инновационная среда и инновационная инфраструктура в условиях цифровой трансформации: теоретические подходы к исследованию // Инновации и инвестиции. 2025. № 9. С. 28-30.

УДК 336.67

И. Д. Шевцов

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Москва,
e-mail: shevy88@yandex.ru

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

Ключевые слова: горнодобывающая промышленность; финансовые риски; санкционное давление; валютный риск; риск ликвидности; кадровый риск; геополитический фактор; импортозамещение; цифровизация; оборудование; параллельный импорт.

В статье анализируются ключевые финансовые риски, с которыми сталкивается горнодобывающая отрасль России в условиях санкционного давления и ограниченного доступа к приобретению современного оборудования. Рассмотрены: геополитические факторы; валютные колебания; рост кредитной нагрузки и кадровые проблемы. Особое внимание уделено дефициту зарубежных цифровых технологий и последствиям повышения стоимости их приобретения через параллельный импорт. Отмечено, что рост себестоимости добычи и увеличение сроков реализации проектов ведут к дополнительным угрозам финансовой устойчивости предприятий. Проведен анализ рисков ликвидности, связанных с кредитованием под закупку дорогостоящего оборудования, а также кадрового риска, проявляющегося в конкуренции за специалистов на фоне оптимизации расходов. Сделан вывод о необходимости выстраивания стратегии минимизации рисков за счет развития отечественных технологий, совершенствования логистических цепочек и более взвешенной финансовой политики.

I. D. Shevtsov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, e-mail: shevy88@yandex.ru

SYSTEMATIC ANALYSIS OF FINANCIAL RISKS IN THE RUSSIAN MINING INDUSTRY

Keywords: mining industry; financial risks; sanctions pressure; currency risk; liquidity risk; personnel risk; geopolitical factor; import substitution; digitalization; equipment; parallel imports.

The article analyzes the key financial risks faced by the Russian mining industry in the context of sanctions pressure and limited access to the purchase of modern equipment. The following factors are considered: geopolitical factors; currency fluctuations; increased credit burden and personnel problems. Special attention is paid to the shortage of foreign digital technologies and the consequences of increasing the cost of their acquisition through parallel imports. It is noted that an increase in the cost of production and an increase in project implementation lead to additional threats to the financial stability of enterprises. The analysis of liquidity risks associated with lending for the purchase of expensive equipment, as well as personnel risk, manifested in competition for specialists against the background of cost optimization, is carried out. It is concluded that it is necessary to build a risk minimization strategy through the development of domestic technologies, improvement of logistics chains and a more balanced financial policy.

Введение

Горнодобывающая отрасль является одной из ключевых составляющих российской экономики, обеспечивая не только внутренние потребности, но и значительную долю экспортных поступлений. В современных условиях устойчивость данной отрасли напрямую зависит от способности компаний адаптироваться к изменениям внешней среды.

После 2022 года ситуация для горнодобывающих предприятий существенно осложнилась в связи с уходом с российского рынка ведущих поставщиков оборудова-

ния и цифровых технологий, среди которых Schneider Electric, Siemens, Caterpillar и другие. Эти компании ранее обеспечивали отрасль современными системами управления, сенсорами и специализированными машинами, на которые приходилась значительная часть капитальных затрат предприятий.

Нарушение логистических цепочек, рост валютных рисков и потребность в привлечении дополнительных кредитных ресурсов сделали реализацию новых инвестиционных проектов более затратной и рискованной. Для добывающих компаний особенно

критично соблюдение сроков ввода новых месторождений: задержки приводят к снижению потенциальной выручки и вынуждают предприятия поддерживать деятельность за счет заемных средств.

Помимо экономических факторов, отрасль сталкивается и с кадровыми проблемами: высокая конкуренция за квалифицированных специалистов и вынужденная оптимизация штата создают кадровый риск, ограничивающий возможности для долгосрочного развития [1, с. 39].

В совокупности данные факторы формируют новые вызовы для горнодобывающей отрасли России, требующие системного анализа и разработки мер по их минимизации.

Целью настоящего исследования является системный анализ рисков, с которыми сталкивается горнодобывающая отрасль России в условиях санкционного давления, ограниченного доступа к современному оборудованию и цифровым технологиям, а также разработка рекомендаций по снижению их негативного влияния на финансовую устойчивость и эффективность реализации проектов.

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании была проведена идентификация финансовых рисков в горной отрасли, а также представлены различные способы по уменьшению этих рисков. Среди этих способов был выбран наиболее эффективный метод (внедрение цифровой аналитики и прочих современных процессов для уменьшения затрат для компаний в отрасли), позволяющий при наименьших пагубных влияниях по внедрению для организаций в рассматриваемой отрасли. В частности, был использован способ идентификации рисков, который включает в себя три основные составляющие: определение (выявление) элементов риска; составление перечня элементов риска; описание элементов риска.

Результаты исследования и их обсуждение

Современная горнодобывающая отрасль характеризуется высоким уровнем технологической зависимости от специализированного оборудования и цифровых решений. Еще до начала санкционного давления значительная часть капитальных вложений предприятий приходилась именно на закупку импортных систем управления,

датчиков мониторинга, карьерной техники и оборудования для обогащения полезных ископаемых [2, с. 74].

Одним из ключевых направлений цифровизации отрасли в последние годы стало внедрение технологий интернета вещей (IoT). На крупных месторождениях активно применялись датчики зарубежного производства, позволяющие в режиме реального времени отслеживать параметры добычи, состояние оборудования, уровень влажности и прочие показатели производственного цикла [3, с. 23]. Стоимость таких комплексов была значительной: для полноценного оснащения среднего по масштабу карьера требовались десятки миллионов рублей, при этом основная доля расходов приходилась на зарубежные поставки.

Особую роль играли программные комплексы по управлению добычей и переработкой полезных ископаемых, предлагаемые такими компаниями, как Schneider Electric и Siemens. Эти системы позволяли оптимизировать производственные процессы и снижать себестоимость продукции за счет автоматизации [4, с. 118]. Внедрение подобного программного обеспечения сопровождалось значительными расходами на лицензии, обучение персонала и техническое сопровождение, но при этом обеспечивало существенный рост эффективности.

Однако после ухода иностранных компаний ситуация изменилась радикально. Добывающим предприятиям пришлось искать альтернативные пути: закупку оборудования через третьи страны по повышенным ценам, либо внедрение отечественных аналогов, находящихся на более ранних стадиях технологического развития [5, с. 64]. Это привело к росту себестоимости добычи и увеличению сроков ввода новых мощностей.

Роль цифрового оборудования в горнодобывающей отрасли не ограничивается повышением производительности. Оно является критически важным элементом, от которого зависит финансовая устойчивость компаний, рентабельность проектов и конкурентоспособность на мировом рынке. Следовательно, дефицит такого оборудования формирует сразу несколько рисков для отрасли, которые требуют детального анализа.

Была разработана шкала вероятности возникновения риска и шкала величины потерь для формирования реестра основных рисков горнодобывающей отрасли [9, с. 10].

Таблица 1

Результаты качественной оценки рисков горнодобывающей отрасли

Т№	Наименование риска	Pr, баллы	L, баллы	LOR = LPr
1	Экологический риск	1	2	2
2	Валютный риск	5	2	10
3	Правовой риск	1	5	5
4	Технологический риск	2	2	4
5	Геополитический риск	4	3	12
6	Риск ликвидности	4	4	16
7	Стратегический риск	1	3	3
8	Информационный риск	2	4	8
9	Кадровый риск	3	4	12
10	Индустриальный риск	4	2	8
11	Репутационный риск	5	2	10
12	Операционный риск	2	3	6

Таблица 2

Матрица рисков горнодобывающей отрасли

Вероятность возникновения (Pr)	Величина потерь (L)					
		1	2	3	4	5
	1		1	7		3
	2		4	12	8	11
	3				9	
	4				6	
	5		10	2		

Были рассмотрены следующие виды рисков: экологический; валютный; правовой; технологический; геополитический; финансовые риски с учетом ликвидности; стратегический; информационный; кадровый; индустриальный; репутационный; операционный показаны в таблице 1.

Результаты качественной оценки рисков горнодобывающей отрасли представлены таблице 2 в виде матрицы всех выявленных рисков.

Анализ таблицы 2 показывает, что риски 1,4,7 (экологический риск, технологический риск, стратегический риск) попали в область толерантного риска. Риски 2,3,5,8,9,10,11 и 12 (валютный риск, правовой риск, геополитический риск, информационный риск, риск кадров, индустриальный риск, репутационный риск и операционный риск) находятся в области риска, который должен быть либо уменьшен до уровня толерантности, либо передан третьим лицам. Риск 6 (финансовый риск ликвидности) находится в области непри-

емлемого риска и является доминирующим (наиболее опасным) риском для компаний отрасли. По управлению каждым из выявленных рисков руководством компаний должны приниматься наиболее эффективные методы решения с использованием новейших технологий.

В этой связи именно цифровизация производственных процессов представляется наиболее действенным направлением, как показал обзор теоретических положений, характеризующий ключевые финансовые риски, с которыми сталкивается горнодобывающая отрасль России в условиях санкционного давления. Нехватка зарубежных передовых цифровых технологий в России в виду санкционного давления (например, в современных программных обеспечениях, а также продуктов для мониторинга и отслеживания качества поставки и снятия показаний с месторождения для обеспечения рационального принятия решения), которые приводят к значительным финансовым рискам для организаций, замещается развити-

ем и внедрением отечественных цифровых технологий, способствующих улучшению и оптимизации производственных процессов в горнодобывающей отрасли и сокращению финансовых потерь связанных с ними. Из таблицы 1 наибольшие потери в горнодобывающей отрасли связаны с финансовыми рисками. Рассматривая другие виды рисков следует обратить внимание на следующее:

1) геополитический риск и логистические ограничения. Геополитическая напряженность является ключевым фактором, формирующим повышенную степень неопределенности для российских горнодобывающих компаний. Ограничение доступа к современному оборудованию стало прямым следствием санкционного давления, в результате чего отечественные предприятия лишились возможности закупать критически важные цифровые системы и технику напрямую у крупнейших мировых производителей. Так как использование цифровых активов обусловлено экономическими выгодами, связанными со скоростью, простотой и удобством выпуска в обращение цифровых финансовых активов, то в статье [10] определена целесообразность использования комплексного и системного подходов к определенному сочетанию при формировании организационно-экономического механизма доставки цифровых финансовых активов к потребителю, который нацелен на создание и развитие новой цифровой среды при использовании программного обеспечения в горнодобывающей отрасли.

Проблемы с поставками оборудования усугубляются разрывом привычных логистических цепочек. Если ранее импортные датчики, системы автоматизации доставлялись в течение нескольких недель, то в новых условиях сроки увеличились из-за влияния санкций на поставки оборудования комплектующих в Россию. Например, крупная организация Schneider Electric, поставлявшая ранее напрямую своё программное обеспечение и цифровые продукты в Россию для горнодобывающих предприятий в Якутии – теперь не доступна. Теперь эти продукты необходимо приобретать через систему параллельного импорта (заново искать поставщиков, заключать договоры и ждать поставку пакетов программного обеспечения). Кроме того, покупка через третьи страны сопряжена с дополнительными издержками, что ведет к росту себестоимости добычи. Для компаний, работающих на месторождениях

с ограниченными сроками ввода в эксплуатацию, подобные задержки создают критический риск упущенной прибыли.

2) валютный риск. Другим значимым фактором выступает валютный риск. Закупка оборудования, даже через параллельный импорт, осуществляется преимущественно за иностранную валюту. Колебания курса доллара и евро напрямую отражаются на финансовых результатах предприятий. Так, при росте курса на 10–15% увеличивается стоимость закупок, что ведет к пересмотру бюджетов проектов и снижению их рентабельности.

Ранее компании частично хеджировали валютные риски за счет контрактов с зарубежными поставщиками, фиксировавшими цены на длительные периоды. В современных условиях такие механизмы стали недоступны, что делает валютные колебания еще более значимым фактором риска.

3) риск ликвидности. Особое внимание следует уделить риску ликвидности. Для своевременного ввода новых мощностей компании вынуждены закупать оборудование даже при завышенной цене, прибегая к привлечению кредитных ресурсов. В результате растет долговая нагрузка, что повышает уязвимость предприятий в условиях падения цен на сырье или сокращения спроса.

Ситуация усугубляется тем, что при отсутствии оборудования процесс добычи и обогащения полезных ископаемых фактически останавливается. В таких условиях предприятия не могут получать операционную прибыль и вынуждены покрывать текущие расходы за счет кредитов. Это создает угрозу долговой зависимости и снижает инвестиционную привлекательность отрасли.

4) кадровый риск. Не менее значимым остается кадровый риск. Высокая конкуренция на рынке труда в условиях сокращения расходов и оптимизации штата приводит к дефициту квалифицированных специалистов. Особенно остро это проявляется в отношении инженеров по обслуживанию цифровых систем, операторов специализированной техники и специалистов по автоматизированному управлению.

Кроме того, вынужденное внедрение отечественных или адаптированных решений требует переобучения персонала, что также увеличивает нагрузку на компании. В условиях ограниченного бюджета многие предприятия предпочитают экономить на обучении, что снижает качество внедрения новых

технологий и формирует долгосрочные риски падения производительности.

Взаимосвязь рисков и их последствия для отрасли. Анализ показывает, что ключевые риски горнодобывающей отрасли России находятся в тесной взаимосвязи и обладают кумулятивным эффектом. Их одновременное проявление приводит не только к росту издержек, но и к снижению устойчивости бизнеса в целом.

Геополитическая нестабильность, выражающаяся в ограничении поставок оборудования, неизбежно приводит к необходимости приобретать технику и цифровые системы через параллельный импорт. В свою очередь, такие закупки требуют оплаты в иностранной валюте, что усиливает зависимость компаний от колебаний курсов доллара и евро [2, с. 77]. Таким образом, геополитический риск усиливает валютный, превращая его в один из ключевых факторов, влияющих на себестоимость продукции.

Резкие колебания курса иностранной валюты увеличивают стоимость импортируемого оборудования. В условиях дефицита отечественных аналогов компании вынуждены привлекать кредиты для покрытия возросших расходов. В результате валютный риск напрямую трансформируется в риск ликвидности, проявляющийся в росте долговой нагрузки [3, с. 25].

Подобная взаимосвязь особенно опасна для предприятий, реализующих крупные инвестиционные проекты. При удорожании оборудования на фоне валютных колебаний график окупаемости месторождений может сместиться на годы, что снижает привлекательность отрасли для инвесторов.

Кадровый риск в условиях санкций усиливается технологическими ограничениями. Недостаток специалистов по внедрению и обслуживанию цифровых систем приводит к тому, что даже при наличии оборудования компании не всегда могут обеспечить его эффективное использование [4, с. 122].

Более того, вынужденный переход к отечественным или адаптированным решениям требует дополнительного обучения персонала. Недостаточное внимание к этой задаче может привести к снижению производительности и росту аварийности, что, в свою очередь, увеличивает производственные издержки.

Комплексное воздействие указанных рисков проявляется в замедлении темпов реализации проектов, увеличении себесто-

имости добычи и снижении конкурентоспособности российских компаний на мировом рынке. Отрасль, ранее активно инвестировавшая в цифровизацию, оказалась в ситуации, когда поддержание прежнего уровня технологического развития стало сопряжено с существенными финансовыми и организационными издержками [5, с. 66].

В долгосрочной перспективе сохранение текущих тенденций может привести к сокращению доли России в глобальном горнодобывающем секторе. Для минимизации этих угроз необходимы меры по импортозамещению, развитию национальных технологических компетенций, созданию механизмов хеджирования валютных рисков и совершенствованию системы подготовки кадров.

Система управления рисками. Для устойчивого функционирования горнодобывающих предприятий в условиях санкционного давления необходимо формирование комплексной системы управления рисками. В качестве ключевых направлений можно выделить несколько стратегий:

- цифровизация производственных процессов. Использование отечественных цифровых платформ, датчиков, систем мониторинга и аналитических комплексов позволяет существенно снизить зависимость от валютных колебаний и зарубежных поставщиков [2, с. 74]. Кроме того, цифровизация ускоряет обмен данными, делает производственный цикл более прозрачным и предсказуемым, а также позволяет сократить издержки на эксплуатацию оборудования [3, с. 23]. Несмотря на то, что отечественные решения пока уступают иностранным по функционалу, именно этот путь создает фундамент для долгосрочной технологической независимости [4, с. 118];

- оптимизация и трансформация деятельности компаний. Данная стратегия подразумевает сокращение издержек, пересмотр бизнес-процессов, реструктуризации штата, а в ряде случаев – о временной заморозке нерентабельных проектов. Такая стратегия позволяет снизить краткосрочную финансовую нагрузку и удержать ликвидность, однако в долгосрочной перспективе она связана с падением объемов добычи и потерей квалифицированного персонала, что негативно отражается на потенциале отрасли [1, с. 137];

- диверсификация поставок и развитие логистики. Российские компании активно выстраивают новые цепочки через друже-

ственные государства, а также предпринимают шаги по локализации производства оборудования внутри страны [5, с. 64]. Подобные меры способны уменьшить вероятность остановки проектов из-за дефицита техники и в перспективе обеспечить формирование внутренней базы для технологического развития [6, с. 211]. Тем не менее этот путь требует значительных инвестиций и сопряжен с ростом логистических расходов;

- совершенствование финансовых инструментов и управление ликвидностью. Использование механизмов хеджирования валютных рисков, выпуск корпоративных облигаций, формирование внутренних резервов и более гибкое планирование кредитной нагрузки позволяют стабилизировать финансовое положение компаний. Однако применение таких инструментов связано с дополнительными затратами и требует развитой инфраструктуры финансового рынка.

Каждая из рассмотренных стратегий имеет свои преимущества и ограничения. Оптимальным решением для отрасли может стать сочетание различных подходов, однако именно цифровизация на данном этапе выступает наиболее эффективным направлением, способным не только компенсировать влияние санкций, но и создать условия для долгосрочного развития. Анализ горнодобывающей отрасли России показал, что современное развитие компаний сопровождается комплексом взаимосвязанных рисков, которые оказывают значительное влияние на финансовую устойчивость и эффективность реализации проектов. Ограниченный доступ к современному зарубежному оборудованию и цифровым технологиям в условиях санкционного давления приводит к удорожанию закупок и увеличению сроков ввода новых мощностей. В то же время колебания валютных курсов создают дополнительное давление на финансовые показатели компаний, что усиливает риск ликвидности и повышает зависимость предприятий от привлеченных кредитных ресурсов.

Кадровый дефицит и необходимость подготовки специалистов для работы с новыми технологиями усугубляют общую ситуацию, ограничивая возможности предприятий по поддержанию производственной эффективности. Совокупное воздействие этих факторов приводит к росту себестоимости добычи, задержкам в реализации про-

ектов и снижению конкурентоспособности отрасли на внутреннем и внешнем рынках.

В сложившихся условиях особое значение приобретает комплексный подход к снижению рисков, включающий развитие отечественных технологий и оборудования, совершенствование логистических цепочек, внедрение инструментов хеджирования валютных рисков, а также подготовку и удержание квалифицированного персонала. Применение таких мер позволяет не только компенсировать негативное влияние внешних факторов, но и формировать более устойчивую и технологически независимую отрасль, способную поддерживать долгосрочное развитие и конкурентоспособность на мировом рынке.

Отечественные аналоги способны одновременно компенсировать три наиболее острые проблемы текущего санкционного периода: нехватку передового оборудования для эксплуатации систем, зависимость предприятий от валютных колебаний в виду закупки оборудования и программного обеспечения за рубежом и регулярные срывы сроков при реализации проектов.

Цифровизация является не только инструментом адаптации к внешним вызовам, но и ключевым фактором сокращения финансовых рисков и формирования долгосрочной конкурентоспособности российской горнодобывающей отрасли.

Заключение

Проведенный анализ показал, что существующие стратегии минимизации рисков в горнодобывающей отрасли обладают как положительными эффектами, так и существенными ограничениями. Оптимизация затрат и реструктуризация позволяют лишь временно снизить финансовую нагрузку, но влекут за собой сокращение добычи и потерю кадрового потенциала. Диверсификация поставок и развитие логистики формируют базу для долгосрочной устойчивости, однако требуют значительных вложений и сопряжены с ростом издержек. Финансовые инструменты позволяют сгладить валютные и ликвидные риски, но не решают фундаментальных технологических проблем отрасли.

Таким образом, внедрение отечественных цифровых технологий создает предпосылки для технологической независимости, обеспечивает сокращение себестоимости добычи и повышает предсказуемость производственных циклов.

Библиографический список

1. Малашкина В.А., Копылова А.В. Обзор опыта проведения периодической оценки условий труда на горнодобывающих предприятиях Республики Казахстан // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2019. № 5. С. 209-216. DOI: 10.25018/0236-1493-2019-05-0-209-216.
2. Санникова К.А., Орлова Л.Н., Одинцов В.О. Анализ существующих систем управления рисками в финансовых и нефинансовых организациях // Креативная экономика. 2022. № 4. Т. 16. С. 1341-1358. DOI: 10.18334/ce.16.4.114520. URL: <https://creativeconomy.ru/lib/114520> (дата обращения: 14.09.2025).
3. Кубиньски В., Кубиньска-ябзон Е., Петров А., Дариуш С., Савон Д.Ю. Анализ рисков в горнодобывающей промышленности, связанных с безопасностью работы // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2017. № 11. С. 168-176. DOI: 10.25018/0236-1493-2017-11-0-168-176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-riskov-v-gornodobyvayuschey-promyshlennosti-svyazannyh-s-bezopasnostyu-raboty> (дата обращения: 14.09.2025).
4. Марченко Р.С. Проблемы и пути совершенствования систем управления проектными рисками на горнодобывающих предприятиях // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 5. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2016/05/11651> (дата обращения: 09.09.2025).
5. Хлопонина В.С., Зорин Н.А. Влияние стратегических рисков компаний горно-химического комплекса на инвестиционные проекты отрасли // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. №6 (144). DOI: 10.60797/IRJ.2024.144.176. URL: <https://research-journal.org/archive/6-144-2024-june/10.60797/IRJ.2024.144.176> (дата обращения: 14.09.2025).
6. Цветкова А.Ю. Обзор основных рисков предприятий горно-добывающей и металлургической отраслей в современных условиях // Записки Горного института. 2011. Т. 194. С. 339-343. EDN: QHKAJA. URL: https://pmi.spmi.ru/pmi/article/view/6209?setLocale=ru_RU (дата обращения: 14.09.2025).
7. Невская М.А., Шабалова А.Е. Разработка классификации производственно-технологических рисков горных проектов по типам производственных задач // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 6. С. 3033-3050. DOI: 10.18334/epp.14.6.121068. URL: <https://1economic.ru/lib/121068> (дата обращения: 14.09.2025).
8. Малиновская О.А., Багаутдинов А.И. Особенности создания и функционирования эффективной системы управления рисками горнодобывающих предприятий // Вектор экономики. 2024. № 4. EDN: SYXOKM. URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2024/4/financeandcredit/Malinovskaya_Bagautdinov.pdf (дата обращения: 14.09.2025).
9. Зозуля В.В., Шевцов И.Д., Маан С.В. Применение цифрового рубля в России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. № 10 (130). С. 96-103. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.10.04.013.
10. Болвачев А.И., Лещинская А.Ф., Кошелев К.А. Организационно-экономический механизм рынка цифровых финансовых активов // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2024. Т. 21. № 1 (133). С. 85-95. DOI: 10.21686/2413-2829-2024-1-85-95.

УДК 338.012

А. П. Щербаков

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва

А. В. Дубровский

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва
Московский международный университет, Москва, e-mail: dav-rgsu@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ЭНЕРГОПЕРЕХОДА

Ключевые слова: нефтегазовый сектор, энергопереход, мировые цены на нефть, переработка углеводородов, возобновляемая энергетика, сырьевая зависимость, энергетическая политика России.

В статье рассматриваются перспективы развития нефтегазового сектора России в условиях глобального энергоперехода и нарастающей климатической повестки. Основное внимание уделяется трём аспектам: прогнозируемому снижению мировых цен на нефть к 2030 году, возможностям развития нефтегазопереработки внутри страны и роли возобновляемой энергетики в снижении сырьевой зависимости. На основе анализа международных прогнозов, сценарного моделирования и сравнительного исследования зарубежного опыта выявлены ключевые вызовы и возможности для российской экономики. Показано, что долгосрочные риски связаны с сокращением экспортной выручки и ростом углеродных ограничений, в то время как возможности лежат в сфере углубления переработки углеводородов, расширения газохимии и постепенного внедрения возобновляемых источников энергии. Сделан вывод о необходимости комплексной адаптационной стратегии, направленной на модернизацию отрасли и диверсификацию энергетического баланса.

A. P. Shcherbakov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

A. V. Dubrovsky

Financial University under the Government of the Russian Federation, Москва
Московский международный университет, Moscow, e-mail: dav-rgsu@yandex.ru

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN OIL AND GAS SECTOR IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL ENERGY TRANSITION

Keywords: oil and gas sector, energy transition, global oil prices, hydrocarbon processing, renewable energy, resource dependence, Russia's energy policy.

The article examines the prospects for the development of Russia's oil and gas sector in the context of the global energy transition and the growing climate agenda. The analysis focuses on three main aspects: the projected decline in world oil prices by 2030, the potential for expanding oil and gas processing within the country, and the role of renewable energy in reducing resource dependence. Based on international forecasts, scenario modeling, and comparative analysis of foreign experience, the study identifies key challenges and opportunities for the Russian economy. The findings indicate that long-term risks are associated with decreasing export revenues and tightening carbon regulations, while opportunities lie in deepening hydrocarbon processing, developing petrochemicals, and gradually integrating renewable energy. The article concludes that a comprehensive adaptation strategy aimed at modernizing the sector and diversifying the energy balance is essential for ensuring Russia's economic resilience.

Введение

Нефтегазовый сектор традиционно является основой российской экономики, формируя значительную часть доходов федерального бюджета, валютной выручки и обеспечивая энергетическую безопасность страны. На протяжении последних десятилетий именно экспорт углеводородов выступал

ключевым драйвером экономического роста и инструментом интеграции России в мировую экономику [1]. Однако в XXI веке перед российской энергетической системой встают новые вызовы, обусловленные глобальными тенденциями энергоперехода, усилением климатической повестки и структурными изменениями на мировом рынке

энергоресурсов. Парижское соглашение, программы ЕС по достижению углеродной нейтральности, а также политика крупных транснациональных корпораций в направлении декарбонизации формируют долгосрочный тренд снижения спроса на нефть и газ, что неизбежно отражается на перспективах российского ТЭК.

Согласно прогнозам ведущих международных организаций, уже к 2030 году мировые цены на нефть могут войти в фазу устойчивого снижения. С одной стороны, этому способствует постепенное насыщение глобального рынка, рост инвестиций в возобновляемую энергетику и совершенствование технологий энергоэффективности. С другой стороны, значительная волатильность, связанная с геополитическими факторами и нестабильностью поставок, не исключает краткосрочных колебаний ценового коридора. Для России, экономика которой во многом зависит от сырьевого экспорта, такие изменения могут иметь системный характер и привести к необходимости пересмотра стратегических ориентиров развития отрасли.

В этих условиях особое значение приобретает развитие перерабатывающих мощностей внутри страны. Нарращивание глубины нефтепереработки, расширение производства продукции с высокой добавленной стоимостью, развитие газохимии и экспорт сжиженного природного газа способны снизить уязвимость России к внешним ценовым колебаниям и обеспечить дополнительную диверсификацию доходов [2,6]. Опыт ведущих стран-экспортеров показывает, что именно ориентация на переработку и интеграцию в глобальные цепочки нефтехимической продукции позволяет компенсировать риски падения мировых цен на сырьевые ресурсы.

Наряду с этим в повестку дня входит вопрос о развитии возобновляемых источников энергии. Хотя доля возобновляемых источников энергии в российском энергобалансе пока остается относительно невысокой, глобальные тренды и технологический прогресс создают предпосылки для постепенного увеличения их значимости. Использование ветровой и солнечной энергетики может не только снизить внутреннюю зависимость от углеводородов, но и создать новые технологические ниши для российской экономики, обеспечив условия для модернизации энергетической системы в соответствии с мировыми тенденциями.

Таким образом, исследование перспектив нефтегазового сектора России в условиях глобального энергоперехода представляется актуальным как с точки зрения научного анализа, так и с позиции выработки практических рекомендаций для государственной энергетической политики [9]. Основное внимание в данной работе уделяется трём аспектам: прогнозам динамики мировых цен на нефть, возможностям развития переработки углеводородов внутри страны и роли возобновляемой энергетики в снижении сырьевой зависимости российской экономики.

Цель исследования заключается в исследовании перспектив развития нефтегазового сектора России в части влияния мировых цен на нефть, расширения использования возобновляемой энергетики в условиях глобального энергоперехода.

Материалы и методы исследования

Исследование перспектив нефтегазового сектора России в условиях глобального энергоперехода требует применения комплексного методологического подхода, сочетающего как количественные, так и качественные методы анализа. Основой работы является аналитический обзор прогнозных материалов ведущих международных организаций, включая Международное энергетическое агентство (IEA), Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК), Всемирный банк и корпорацию ВР. Эти источники содержат сценарные оценки динамики мирового энергопотребления и цен на углеводороды, что позволяет выявить общие тенденции и определить вероятные параметры ценового коридора к 2030 году.

Для оценки воздействия снижения мировых цен на нефть на российскую экономику применяется сценарный метод. Он предполагает построение нескольких альтернативных траекторий развития отрасли при различных ценовых условиях, что даёт возможность рассмотреть потенциальные последствия для доходов федерального бюджета, экспортного баланса и инвестиционной активности в нефтегазовой сфере. Такой подход позволяет выявить наиболее уязвимые направления и определить набор адаптационных стратегий.

Значительное внимание уделяется сравнительному анализу опыта стран, обладающих крупными углеводородными ресурса-

ми и одновременно активно развивающих перерабатывающие мощности. В частности, анализируются примеры Саудовской Аравии, Китая и США, где на протяжении последних десятилетий реализуется политика углубления переработки и развития нефтехимической промышленности. Сопоставление данных практик с российскими условиями позволяет оценить потенциал внутреннего рынка переработки и выявить институциональные и технологические барьеры.

Дополнительно используется метод контент-анализа нормативно-правовых и стратегических документов Российской Федерации, включая «Энергетическую стратегию России до 2035 года» и «Стратегию социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». Анализ этих документов позволяет установить соответствие национальных приоритетов глобальным трендам и определить степень готовности российской энергетической политики к вызовам энергоперехода.

Таким образом, методологическая основа исследования строится на сочетании анализа международных прогнозов, сценарного моделирования, сравнительного подхода и контент-анализа нормативных источников. Такой интегративный подход обеспечивает всестороннее рассмотрение исследуемой проблемы и позволяет сделать выводы, обладающие как академической, так и практической значимостью.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведённый анализ позволяет выделить три ключевых направления, определяющих перспективы нефтегазового сектора России в условиях глобального энергоперехода: прогнозы динамики мировых цен на нефть к 2030 году, возможности развития переработки углеводородов внутри страны и роль возобновляемой энергетики в снижении сырьевой зависимости российской экономики [8, 12].

Прежде всего, в отношении мировых цен на нефть до 2030 года выявляется устойчивая тенденция к их снижению. Согласно прогнозам Международного энергетического агентства, базовый сценарий предполагает замедление роста спроса на углеводороды и постепенный переход глобальной энергетической системы к более низкоуглеродной

модели. Это обусловлено как усилением климатической повестки и реализацией Парижского соглашения, так и технологическим прогрессом в области энергоэффективности и возобновляемых источников энергии. В то же время ценовой диапазон остаётся подверженным влиянию геополитических факторов, включая риск перебоев в поставках и ограниченность инвестиций в разведку и добычу. Таким образом, к 2030 году можно ожидать стабилизации цен в пределах более узкого коридора, чем в предыдущие десятилетия, с преобладанием умеренно низких значений, что несёт риски для экспортноориентированной экономики России [7].

Вторым направлением является развитие переработки нефти и газа внутри страны. Анализ текущего состояния отрасли показывает, что в России сохраняется значительный потенциал для увеличения глубины переработки и повышения доли продукции с высокой добавленной стоимостью. Несмотря на модернизацию ряда нефтеперерабатывающих заводов в 2010-е годы, часть мощностей остаётся технологически устаревшей, что ограничивает эффективность и конкурентоспособность. Вместе с тем дальнейшее расширение газохимии и сжиженного природного газа открывает новые возможности для диверсификации экспортных потоков и снижения зависимости от продажи сырья в необработанном виде. Опыт стран-конкурентов свидетельствует о том, что именно углубление переработки обеспечивает устойчивость национальных энергетических систем в условиях падения мировых цен на нефть.

Наконец, важным элементом будущей трансформации является роль возобновляемой энергетики в российской экономике. На сегодняшний день доля ВИЭ в структуре энергопотребления страны остаётся относительно небольшой, однако потенциал её роста значителен [10, 13]. Благоприятные природно-климатические условия для развития ветровой и солнечной генерации, а также накопленный научно-технический потенциал создают предпосылки для постепенного расширения этого сегмента. Включение возобновляемой энергетики в национальный энергобаланс способно не только снизить внутреннюю зависимость от углеводородов, но и стимулировать технологическую модернизацию смежных отраслей, создавая новые точки роста для экономики. При этом

необходимо учитывать институциональные и инфраструктурные барьеры, ограничивающие масштабное внедрение ВИЭ, включая высокую капиталоемкость проектов и ограниченный доступ к инвестициям.

Таким образом, результаты исследования показывают, что нефтегазовый сектор России сталкивается с системным вызовом в условиях глобального энергоперехода. Снижение мировых цен на нефть в среднесрочной перспективе, необходимость ускоренного развития переработки и формирования новых ниш для возобновляемой энергетики формируют стратегическую повестку для отрасли и государства.

Полученные результаты подтверждают, что нефтегазовый сектор России вступает в период повышенной неопределённости, связанной с глобальными изменениями энергетической архитектуры. На первый план выходит противоречие между сохраняющейся высокой ролью углеводородов в российской экономике и нарастающими внешними ограничениями, обусловленными переходом ведущих стран мира к низкоуглеродным моделям развития. Снижение мировых цен на нефть, прогнозируемое к 2030 году, следует рассматривать не только как экономический вызов, но и как индикатор системной трансформации мировой энергетики, которая будет оказывать долгосрочное влияние на экспортные возможности России.

Сравнение с другими крупными экспортёрами углеводородов демонстрирует, что успешная адаптация возможна при условии стратегического смещения акцентов с сырьевого экспорта на углубленную переработку и развитие нефтехимического производства. Саудовская Аравия, в рамках программы «Vision 2030», активно инвестирует в диверсификацию экономики и формирование высокотехнологичных кластеров нефтехимии [14, 15]. Китай, обладая ограниченной собственной ресурсной базой, последовательно выстраивает интегрированные цепочки переработки и наращивает выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью. Для России этот опыт показывает, что опора на углеводородную ренту без параллельного развития перерабатывающих мощностей усиливает уязвимость экономики в условиях глобального энергоперехода.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли возобновляемых источников

энергии. Несмотря на то, что в краткосрочной перспективе ВИЭ не смогут заменить углеводороды в структуре энергопотребления России, они способны сыграть ключевую роль в долгосрочном снижении сырьевой зависимости. Развитие ветровой и солнечной генерации, а также технологий накопления энергии создаёт условия для формирования нового сектора экономики, который может обеспечить рабочие места, привлечь инвестиции и повысить технологическую конкурентоспособность страны. Важно отметить, что переход к ВИЭ не следует рассматривать как альтернативу нефтегазовому сектору, а скорее как элемент комплексной энергетической стратегии, направленной на сбалансированное развитие.

Наряду с этим остаются серьёзные институциональные и технологические барьеры. Среди них – ограниченный доступ к международным инвестициям, санкционные ограничения на поставку оборудования, высокая капиталоемкость проектов, а также необходимость реформирования нормативной базы для стимулирования «зелёных» инициатив [3, 4]. Решение этих задач требует активного участия государства в качестве стратегического координатора и инвестора, а также интеграции частного бизнеса в программы модернизации энергетического комплекса.

Таким образом, обсуждение результатов показывает, что перспективы нефтегазового сектора России зависят от способности адаптироваться к новой реальности. Снижение мировых цен на нефть и рост значимости ВИЭ не означают неминуемого кризиса для отрасли, однако требуют переосмысления традиционной модели развития. Только сочетание модернизации переработки, поддержки инноваций и постепенной интеграции возобновляемой энергетики позволит снизить уязвимость и обеспечить устойчивость российской экономики в условиях глобального энергоперехода.

Заключение

Проведённое исследование показало, что нефтегазовый сектор России сталкивается с фундаментальными вызовами, связанными с глобальными процессами энергоперехода и декарбонизации мировой экономики. Ключевым фактором, определяющим будущее отрасли, выступает ожидаемое снижение мировых цен на нефть к 2030 году. Этот процесс носит структурный характер

и обусловлен совокупностью долгосрочных тенденций: развитием возобновляемых источников энергии, ростом энергоэффективности, ужесточением климатической политики и изменением структуры мирового спроса [8, 5]. Для России, экономика которой во многом зависит от углеводородного экспорта, такие изменения формируют серьёзные риски для бюджетной устойчивости и экономического роста.

В то же время результаты анализа свидетельствуют, что потенциал для адаптации и развития сохраняется. Перспективным направлением является углубление переработки нефти и газа внутри страны, расширение газохимического комплекса и экспорт сжиженного природного газа. Диверсификация энергетического сектора за счёт производства продукции с высокой добавленной стоимостью способна компенсировать часть потерь от снижения цен на сырьё и повысить конкурентоспособность российской экономики на мировом рынке.

Особое значение приобретает постепенное расширение доли возобновляемой энергетики. Несмотря на то, что в краткосрочной перспективе ВИЭ не могут заменить традиционные углеводороды, их развитие позволяет снизить внутреннюю зависимость от ископаемого топлива, диверсифицировать энергетический баланс и заложить основу для технологической модернизации [11]. Поддержка ветровой и солнечной генерации, развитие накопителей энергии и стимулирование инно-

ваций в сфере «зелёных» технологий могут стать стратегическими приоритетами в долгосрочной перспективе.

Таким образом, будущее нефтегазового сектора России в условиях глобального энергоперехода определяется не столько внешними ценовыми факторами, сколько способностью страны адаптироваться к новой мировой энергетической архитектуре. Для этого необходим комплекс мер: модернизация перерабатывающих мощностей, развитие нефтехимии и газохимии, стимулирование проектов в области ВИЭ, совершенствование нормативно-правовой базы и привлечение инвестиций в инновационные технологии. Только сочетание этих направлений позволит снизить сырьевую зависимость, обеспечить устойчивость экономики и сохранить значимую роль России в мировом энергетическом пространстве.

Практическая значимость проведённого исследования заключается в возможности использования его выводов для корректировки государственной энергетической политики, разработки инвестиционных стратегий и формирования новых ориентиров для бизнеса. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются оценка влияния трансграничного углеродного регулирования на российский экспорт, моделирование сценариев глубокой декарбонизации и анализ технологических возможностей перехода к низкоуглеродной экономике.

Библиографический список

1. Гайфуллина М.М., Утешев Р.Р. Проблемы и перспективы развития нефтеперерабатывающей отрасли России // Вестник Тюменского государственного университета. 2020. № 3. С. 45–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-razvitiya-neftepererabatyvayuschey-otrasli-rossii?ysclid=mgta xkwnul107834963> (дата обращения: 14.08.2025).
2. Гаффарова М.Р. Стратегия развития нефтехимической промышленности США: сравнение с Россией // Меридиан. 2020. URL: <https://meridian-journal.ru/site/articlec2fe/?ysclid=mgta5vmb97884100298> (дата обращения: 14.08.2025).
3. Евростат. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения 14.08.2025).
4. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. URL: <https://ecfor.ru/?ysclid=mgqxuxv4p113231968> (дата обращения: 14.08.2025).
5. Минпромторг России. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/?ysclid=mgqxfxhncb320719759> (дата обращения: 14.08.2025).
6. МЭА сохранило прогноз достижения пика спроса на нефть к 2030 году // Интерфакс. 2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1031594> (дата обращения: 14.08.2025).
7. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: ИНЭИ РАН, 2021. URL: <https://www.eriras.ru/files/prognoz-2040.pdf> (дата обращения: 14.08.2025).

8. Руданец В.С. Современные тенденции ВИЭ в мире и России // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 8. С. 99–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-vie-v-mire-i-rossii/viewer> (дата обращения: 14.08.2025).
9. Сологубова Г.С. Перспективы развития возобновляемых источников энергии в Российской Федерации // Техничко-технологический проблемы сервиса. 2020. № 2(52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-vozobnovlyaemyh-istochnikov-energii-v-rf/viewer> (дата обращения: 14.08.2025).
10. Центр стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/ru/?s&ysclid=mgqxsuan71561682915> (дата обращения: 14.08.2025).
11. Чернышева Е.А. Проблемы и пути развития глубокой переработки нефти в России // Бурение и нефть. 2019. № 10. С. 22–28. URL: https://burneft.ru/archive/issues/detail.php?ELEMENT_ID=61083&ysclid=mgtb476s47681597957 (дата обращения: 14.08.2025).
12. Щербаков В.Н., Дубровский А.В. Экономический потенциал энергетики в технико-технологической модернизации промышленности // Экономика устойчивого развития. 2021. № 2(46). С. 197-203. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48766001> (дата обращения: 14.08.2025).
13. Щербаков В.Н., Дубровский А.В. Проблемы топливно-энергетического драйвера инновационного развития // Экономика и предпринимательство. 2021. № 3(128). С. 174-179. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48766001> (дата обращения: 14.08.2025).
14. International Energy Agency. Oil 2025: Analysis and Forecast to 2030 / IEA. Paris, 2025. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/018c3361-bc01-4482-a386-a5b2747ae82a/Oil2025.pdf> (дата обращения: 14.08.2025).
15. Oil forecast: Third-party price targets. London, 2025. URL: <https://capital.com/en-eu/analysis/oil-price-forecast-2025-2030> (дата обращения: 14.08.2025).